

На боевом посту

ЖУРНАЛ

ВВ

6'91

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Слезы и кровь Южной Осетии

Детектив:

«Одиннадцатая заповедь Джексона»

За нашу Советскую Родину!

на боевом посту **БП**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

6'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор

А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,

В. В. АФАНАСЬЕВ,

Б. Р. БОРУКАЕВ,

В. И. БУСЫГИН

(ответственный
секретарь),

В. П. ВОРОЖЦОВ,

Ю. В. ДУРНЕВ,

Э. В. КАЛАЧЕВ,

И. Т. КОЗЛОВ,

В. Ф. КУЗЬМЕНКО,

Н. П. КУЗЬМИН,

В. В. МУРАТОВ,

Е. А. НЕЧАЕВ,

Л. А. ПАНКРАТОВ,

Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,

Н. Н. ПРОКОПЕНКО,

Ю. Л. РАЖЕВ

(зам. главного
редактора),

Л. Л. СМИРНОВ,

П. А. СТУДЕНИКИН,

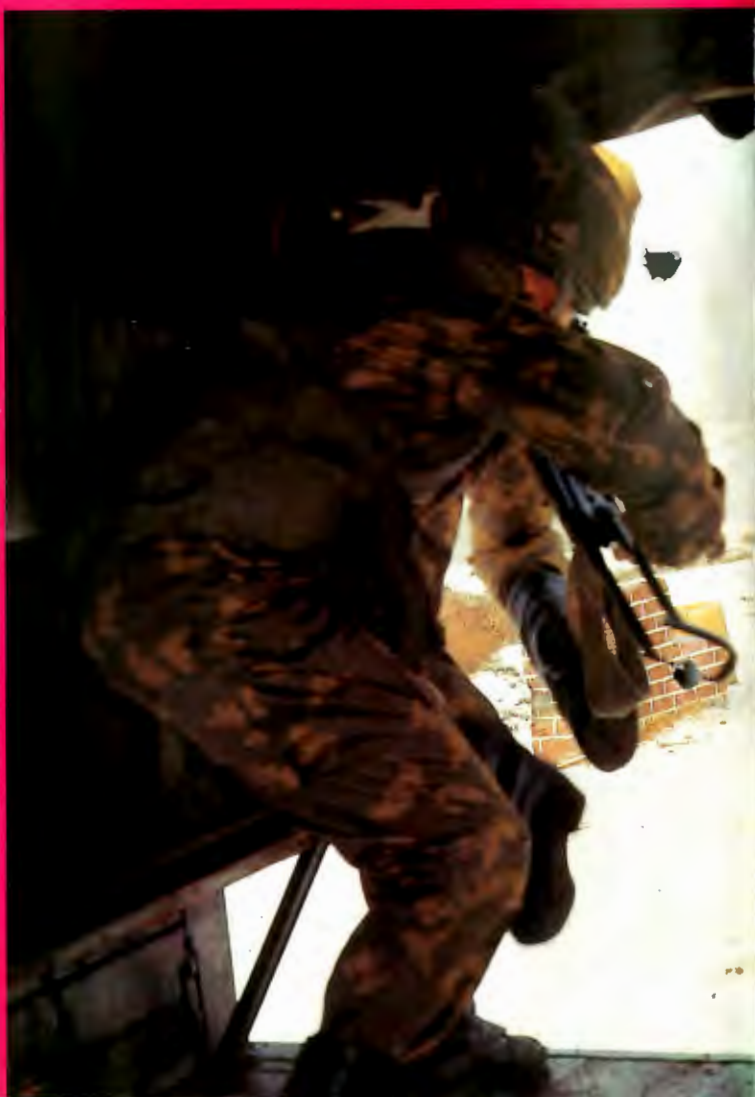
В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

В. С. ФРОЛОВ,

В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Верно говорят, что не бывает двух одинаковых занятий, как, разумеется, не бывает двух одинаковых боев. Меняются не только задачи, местность, противник (вчера освобождал "заложников", сегодня — обезвреживает "террористов"), меняешься ты сам. То, что еще не так давно виделось несбыточным, немислимым, вдруг оказывается пройденным рубежом. Впрочем, не вдруг, конечно... Но растешь. С каждым учебным боем, с каждым решающим броском.

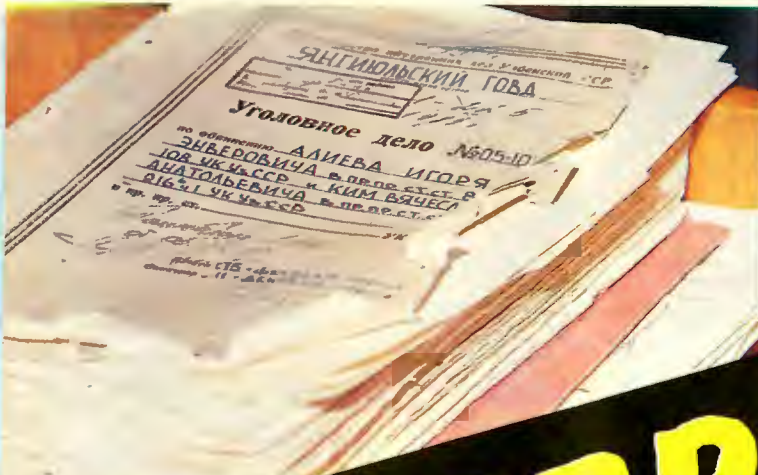
НА СНИМКАХ:

- Заместитель командира взвода сержант Владимир Волчкевич готовится к учебной схватке.
- Захват "террористов".
- "К бою!"

Строгая Мужская жизнь

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА

ПО ВСЕМ ЗАКОНАМ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕ ДОЛЖНО ОСТАВАТЬСЯ БЕЗНАКАЗАННЫМ. И ГЛАВНОЕ В ВОЗМЕЗДИИ —

НЕОТВРАТИМ

Так уж предопределено судьбой, что человек, нарушивший законы, весь свой путь от следственного изолятора до исправительно-трудовой колонии проходит в сопровождении военнослужащих внутренних войск. Вряд ли кому из солдат и офицеров по душе это соседство с преступником, способным с легкостью искалечить жизни окружающих, так же, как он искалечил свою, да что они могут поделать — служба.

Случается, таких отпетых подонков, матерых рециди-

ОСТЬ

ФОТО

А. Александрова

вистов приходится конвоировать — глаза б их не видеть. Но нужно держаться, сжав волку в кулак — дышать с ними одним воздухом в спецавтомобиле, сутками трястись рядом в спецвагоне в таких же жутких условиях. А порой и вовсе идти рука к руке, одними "браслетами" скованными. Смысл же этой не каждому посильной и понятной службы прост и гуманен по сути — обеспечить неотвратимость кары за грехи перед обществом. Обеспечить любой ценой.

СОДЕРЖАНИЕ

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

СЕМЕНЯКА А. Кровь людская — не водица 2

■ К 50-ЛЕТИЮ ВЕРОЛОМНОГО НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР

СНЕТКОВ Б. К войне готовились 6

ЖУКОВ В. ...И утром закончился мир 9

ГЕРАЩЕНКО В. А раны болят и болят... 10

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ГРИЕНКО А. Реформа политорганов: ожидания и обретения 37

ХОМЯКОВ И. Жизнь без протокола 44

Письма читателей 46

ШУРУПОВ А. Не женское дело? 49

* * *

НИКОЛАЕНКО О. Школа «центурионов» 51

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ТЕДЕРС Б. К той земле, что тройною любовью люблю (стихи) 13

КОЗЛОВ И. Яснее дня (повесть) 16

ЧЕРНЕНКО В. Стихи 36

ПОДБЕРЕЗКИН А., ФАРТЫШЕВ В. Одиннадцатая заповедь Джонса (политический детектив, окончание) 66

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ИВАНОВ А. Вернуть России имя 54

КОЛЕСНИК С. Прибалтийский гамбит 61

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие 87

СЕВОДНЯЕВ В. Без грубости и шаблона (страничка кинолога) 91

Рыболовам и охотникам 92

Клуб знакомств «Возможна встреча» 94

Наша анкета 96

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ Он стоял и заворуженно смотрел на смертоносный металл, произвольно считая: раз, два, три. Граната не взрывалась. «Не сработала», — отметило сознание. И в тот же миг Пахалков сорвал с рычага телефонную трубку, крикнул: «Вооруженное нападение!»

И. БОЛДИН.

«Хроника неудавшегося побега».

■ Чикуров крутанулся вокруг оси. Метрах в десяти от него повисла в воде фигура человека в маске, ластах и с аквалангом за спиной. Не успел Игорь Андреевич что-либо сообразить, как возле самой его головы пронеслась металлическая стрела, ударила о подводный камень и, отскочив, царапнула по щеке...

«За мной охотятся, как за той рыбешкой!» — с ужасом подумал он.

Анатолий БЕЗУГЛОВ.

«Тайна яхты «Элегия» (криминальный роман).

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241

ATTENTION
FOREIGN READERS!

East View Publications
handles:

o subscriptions

o back issues

o advertising

for Na boevom postu.

For further details,
please contact us at:

EAST VIEW PUBLICATIONS,
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:

111250, Москва, Е-250.

Телефоны:

секретариат — 361-82-57.

Отделов:

войсковой жизни — 361-85-23; социально-политических проблем — 361-82-87; военного очерка и публицистики — 361-82-27; литературы и критики — 361-85-28; культуры и массовой работы — 361-89-39; издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97; художественного оформления — 361-85-21; литературных приложений — 361-86-27; бухгалтерии — 361-85-80.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.04.91 г.
Формат бумаги 70×108/16.
Уч.-изд. л. 13,3.

Подписано к печати 14.06.91 г.
Усл. печ. л. 3,4 + вкл. 1/4 п. л.
Цена 90 коп.

Заказ № 1020.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

КРОВЬ ЛЮДСКАЯ— НЕ ВОДИЦА

**ПОКА ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ,
СТРАДАЮТ НИ В ЧЕМ НЕ ПОВИННЫЕ ЛЮДИ**

ЦХИНВАЛИ. Название этого административного центра Южной Осетии не сходит со страниц периодической печати. Оно и понятно: тут льется кровь. А кровь людская — не водица. Будь она грузинская, осетинская или русская.

Говорят, что поводом (или предлогом?) для столкновения двух народов стал закон о государственном грузинском языке. Вспомним: аналогичная ситуация возникла в Молдове, и там дело дошло до столкновения. Будто бы одной рукой писаны эти кровавые сценарии. Во всяком случае, почерк узнать не трудно.

Первые его строки «родились» 19 ноября 1988 года, когда Верховный Совет Грузии внес ряд изменений в действующую Конституцию Грузинской ССР, позволяющих принимать решения «по вопросам национально-государственного устройства» и «определять порядок решения вопросов административно-территориального устройства Грузинской ССР». Эти неожиданные новшества с тревогой восприняли в Южной Осетии. Ситуация, как считают здесь, усугублялась искажениями в социально-

экономической и демографической политике, проводимой грузинским руководством в автономной области. Больше того: явно шовинистические установки грузинских неформалов до крайности обострили межнациональный вопрос. К концу 1989 года напряженность достигла предела: появились убитые и раненые, беженцы. Свыше двух тысяч детей отправлено в Северную Осетию.

1990 год. К власти в Грузии пришла партия «Круглый стол» во главе с З. Гамсахурдиа, который публично заявил со свойственной ему «дипломатичностью»: Грузия — для грузин. «...Сила на нашей стороне, и мы расправимся со всеми... выгоним из Грузии!». В такой ситуации в сентябре прошлого года была провозглашена Юго-Осетинская Советская Демократическая Республика, назначены выборы. Парламент Грузии признал недействительными эти шаги. Однако выборы состоялись. В Тбилиси сделали ответный ход: объявили их незаконными и в декабре упразднили Юго-Осетинскую автономную область, образованную еще в 1922 году. 12 декабря в

Цхинвали убиты три человека, двое из которых — грузины (а помните Сумгаит?). Все. С этого момента началась открытая и жесткая конфронтация сторон, приведшая к полной блокаде столицы Южной Осетии, вводу сюда и в Джавский район грузинской милиции, объявлению на этой территории чрезвычайного положения. Но самый скорбный итог — кровопролитие. Не прекращаются перестрелки, меняются только виды оружия и тактика действий, хотя в печати подчас дается несколько иная информация.

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА. Матико, маленькая, щуплая старушка, выйдя из больницы, заспешила на окраину города, к турбазе «Осетия». Она узнала, что здесь стоят военные, ее спасители.

У контрольно-пропускного пункта подразделения внутренних войск — несколько гражданских. Мужчины и женщины. Одни надеются уехать домой, другие — узнать хоть что-нибудь о судьбах родных, близких в Знаурском районе.

— Будете в Хейти, посмотрите на третий дом при въезде в село. Не сожжен ли? Это мой дом...

— В Мугути скот которые сутки не поенне кормлен. Как быть?

Военные обещают посмотреть на дома, расспросить о близких людях. Надо бы,

конечно, помочь и со скотом, да времени в обрез. Советуют обратиться в городской штаб.

— А вы к кому, бабушка? — спрашивает у Матико часовой.

— Я пришла сказать спасибо командиру вашему, солдатам. Жизнь они спасли мне и мужу.

— А как зовут командира-то?

— Не знаю, сынок. Красивый такой, высокий.

— Да мы тут все красивые, бабушка, — улыбается часовой и, позвонив дежурному, докладывает о просьбе старушки. — Пройдите в штаб, пожалуйста.

В штабе войсковой оперативной группы Матико встретили приветливо. Сначала робела она, а потом, немного освоившись, рассказала обо всем...

Во второй половине дня в дом Хубаевых ворвались незнакомые мужчины. Стали ломать мебель, бить посуду. Хозяин, семидесятипятилетний старик, попытался устыдить их. Тогда его связали, начали избивать. На защиту мужа стала Матико. Ее ударили прикладом по голове. Она потеряла сознание. Пришла в себя от резкой зубной боли, открыла глаза и увидела в руках грабителя пассатижи, золотые коронки. Хотела спросить его, что же он, бессовестный, де-

лает, — не смогла: боль такая — языком не пошевелить.

Грабитель спрятал зубные коронки в карман, подошел к старухе и взмахнул автоматом... Очнулась она, когда услышала стрельбу и крики во дворе. Бросив награбленное, преступники выскочили из дома. Вскоре вошли военные. Матико слова не могла вымолвить, только плакала и утирала бежавшую изо рта кровь. Но военные и не стали ни о чем спрашивать — все ясно.

— В Цхинвали, в больницу. Быстро, — приказал офицер...

«Ночью сожжен дом грузина — жителя Цхинвали. Получил смертельное ножное ранение Келеташвили... В шести километрах от Гори на трассе обнаружен обезображенный труп неизвестного мужчины (предположительно — осетина) с огнестрельными ранениями» (По сводкам оперативной группы ГУКВВ МВД СССР).

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА. Один за другим четыре взрыва раздалось в горах. Их эхо, расколов утреннюю тишину, докатилось до села Кехви, где находилась маневренная группа. Ее командир майор В. Кротов понял — подрывают скалы вдоль дороги. Значит, теперь автомашинам с продуктами питания, медикаментами уже не пройти.

Не одну колонну сопровождал по этой дороге майор, каждый поворот знаком, каждый изгиб. Но не было двух одинаковых сопровождений. Единственно, что оставалось неизменным — пикетчики вдоль этого девятикилометрового участка дороги. Утром, днем, вечером наблюдают они за проезжающими машинами, при въезде в город пытаются остановить их и обыскать. Хотя прекрасно знают: в кузовах — продукты, лекарства. Ведь другой дороги в Цхинвали нет — блокада.

«Руководство области и города обратилось к Президенту страны, МВД СССР с просьбой об организации сопровождения колонн с продовольствием из Джавы в Цхинвали силами внутренних войск... Нарядами внутренних войск в Гори сопровождаются две колонны. Многие вопросы жизнеобеспечения населения возложены на части внутренних войск и Советской Армии» (По сводкам оперативной группы ГУКВВ МВД СССР).

Один из пикетчиков, когда Кротов садился в БТР, крикнул: ничего, скоро вы в Джаву не пройдете... И вот — эти взрывы.

Майор оказался прав: завалы в четырех местах наглухо перекрыли дорогу. Доложил об этом по радию начальнику войсковой оперативной группы. Сообщил также, что во время разведки был обстрелян неизвестными с господствующей высоты. Стало быть, подходы к завалам контролируются.

Через четыре дня Кротов вел колонну машин из Цхинвали на Джаву по объездной дороге. Торопились: в городе третьи сутки не было хлеба. На обратном пути посадили в кабины к водителям женщин, детей В Кехви, посредине села, их остановили пикетчики, основательно вооруженные — гранатометы, бутылки с зажигательной смесью в руках. Поставили ультиматум военнослужащим: возвращайтесь в Цхинвали, оставив водителей и пассажиров. Кротов ответил, что колонну не бросит.

Более трех часов длилось противостояние. Офицеру угрожали расправой, но он был непреклонен:

— В колонне только женщины и дети — издеваться над ними не позволю. Чего бы это мне ни стоило. Жизни не пожалею. Учтите это.

Подействовало: дорогу освободили.

«Участились провокации против военнослужащих и их обстрелы. Задержана вооруженная группа (грузины), оружие изъято... Захвачены осетинские боевики во время минирования дороги» (По сводкам оперативной группы ГУКВВ МВД СССР).

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА. Ближе к полуночи городская телефонная связь с военным городком неожиданно прервалась. Вышедший на линию специалист обнаружил, что провод перерезан. Однако непроглядная темень не позволяла найти другой конец провода. Пользоваться фонариком было опасно — на свет могли открыть огонь. Впрочем, огня миновать не удалось и без света — со стороны леса раздался одиночный выстрел, следом — автоматная очередь. Дальше — больше: загремели взрывы на территории военного городка. Часовой, сбитый с ног ударной волной, оглушенный, нашел в себе силы доложить о случившемся по радию. А придя в себя, сообщил о нападавших подробнее.

Командир войсковой оперативной группы ни минуты не сомневался в «диагнозе»: провокация. Караул, поднятый по тревоге, усилил охрану помещений, боевой техники. Навстречу боевикам выдвинулось подразделение спецназа.

Старший прапорщик С. Блинов с подчиненными на БТР направился к лесу. На подъеме их обстреляли: пули настойчиво стучали по спасительной броне. Рядом раздалось несколько взрывов. Дальше медлить было нельзя — командир группы

приказал открыть ответный огонь. Обнаглевшие, не ожидавшие отпора экстремисты в панике бежали, бросая гранатные сумки, под сумки для автоматных магазинов, патроны с боеприпасами...

К слову, о перестрелках. Буквально накануне в селе Авневи возле поста грузинской милиции их начальник с пеной у рта убеждал командира маневренной группы, что он и его подчиненные денно и ночью следят за состоянием общественного порядка. Сетовал, что эта напряженная работа сильно изматывает их. На прямой вопрос, почему рядом с постом свободно разгуливают подозрительные вооруженные люди, вразумительного ответа не дал. И тут же во всех бедах обвинил осетинскую сторону.

— Они, — подполковник милиции позвал в сторону села Хетагурово, — стреляют в нас. А мы что, должны молчать? Мы — отвечаем!

Действительно, противостояние между двумя селами достигло наивысшего предела. С осетинской стороны отряд самообороны, с грузинской — представители национальной гвардии с помощью оружия выясняют отношения, не приемля других методов. И не только между селами — между народами.

«Более тридцати осетинских сел сожжены полностью или частично. Грузинские вооруженные формирования перешли к крупномасштабным боевым действиям в Цхинвальском и Знаурском районах. В селе Приневи для уничтожения жилых домов осетин использовалась бронетехника. В селе Авневи обнаружен танковый минный заградитель. В селе Велеби в сожженном доме обнаружен труп женщины примерно 45 лет» (Из сообщения временного пресс-центра МВД СССР).

ИСТОРИЯ воздаст должное всем. Одно бесспорно — путь к национальной независимости через ущемление прав другого человека, целого народа, даже малочисленного, — бесперспективный. А метод силового давления — порочный, чреватый трагическими последствиями. Во Владикавказе одна из осетинок-беженок со слезами на глазах кричала: «Я уже не хочу жить в Советском Союзе! Я не хочу жить ни при социализме, ни при капитализме! Я не хочу жить!» Это — отчаяние. Ее земляки даже под угрозой жизни сказали на референдуме: «Да — СССР!». Они еще верят. Верят и всеннослужащие внутренних войск, несущие в тех краях нелегкую боевую службу. Офицеры выступили посредниками в переговорах между противоборствующими сторонами. Переговоры ведутся, но и выстрелы, увы, не утихают.

Стало известно о встрече на Северном Кавказе Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина и Председателя Верховного Совета Грузии З. К. Гамсахурдиа. На митингах встрече осудили, назвали «сговором между авантюристом Ельциным и меньшевистским правительством Грузии».

Командант города Цхинвали генерал-майор милиции Гиви Кванталиани обратился к жителям с такими словами: «Дорогие друзья! Спровоцированное преступными силами противостояние принесло несчастье мирно и по-добрососедски жившим грузинскому и осетинскому населению. Пролилась кровь, уничтожено много домов, разорена экономика. Мы дошли до черты, за которой уже катастрофа. Каждый житель региона должен хорошо осознать: кровью кровь не отмыть, надо восстановить мир, ввести жизнь в нормальное русло...»

Время уже, чтобы... люди одумались. Хватит использовать жизнь, здоровье и достоинство людей в своих преступных целях. Народ и будущее рассудят всех и вся и призовут к ответу.

Призываю всех, кому дорого будущее народа, семьи и детей, отвернуться от подстрекателей и провокаторов.

Призываю рабочих, крестьян, интеллигентов проявить больше твердости, взять в свои руки управление событиями, создать все условия, чтобы заработали каждое предприятие, учреждение, организация, возобновились занятия в институте и школах.

Условия для этого уже существуют. В последнее время прекратилась стрельба, пресечена физическая расправа».

Ой ли? Хорошие, добрые слова, но ведь слова, не более. Их не жаль. Жалко, что кровопролитие продолжается. Кому оно выгодно?

Подполковник А. СЕМЕНЬКА,
наш спецкор.

50 лет назад фашистская Германия вероломно напала на СССР

22 июня 1941 года. Этот день постоянно живет в памяти нашего народа. Он явился началом грандиозной битвы с фашистской Германией. Сегодня его отделяют от нас 50 лет. С приближением этой трагической даты в печати появились немало публикаций. Но, к сожалению, в них есть измышления, кривотолки. Особенно много фальсификаций по поводу причин начала Великой Отечественной войны, неудач в первые ее месяцы.

Исходя из этого, мы попросили поделиться мыслями активного участника Великой Отечественной войны, видного военачальника генерала армии Б. В. СНЕТКОВА.

К ВОЙНЕ ГОТОВИЛИСЬ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, чего только не прочитаешь в газетах, журналах о предвоенном и начальном периодах Великой Отечественной войны, о причинах неудач наших войск в ее первые месяцы. Фальсификация началась и продолжается в писаниях побитых немецких генералов.

В меньшей мере, но поддерживается она и генералами наших союзников по антигитлеровской коалиции и, к великому стыду, устами и трудами доморожденных историков, писателей, журналистов, кинематографистов. Кое-кто договорился даже до того, что в развязывании войны виноват Советский Союз. Впрочем, это уже политика. Все делается для того, чтобы обелить Гитлера. Но факты, как известно, упрямая вещь. Уже в 1924—1925 гг. будущий фюрер заявлял, что нацисты должны призывать немецкий народ к расширению своего «жизненного пространства» за счет завоевания новых земель, прежде всего на Востоке.

Став в январе 1933 года канцлером Германии, Гитлер приступил к практическому осуществлению намеченного внешнеполитического курса.

В своих выступлениях 3 февраля 1933 года перед командованием сухопутных войск и ВМФ, а также 8 и 20 февраля 1933 года на совещаниях с представителями крупного финансового капитала Гитлер подчеркивал, что главная цель нацистов во внешнеполитической области — «завоевание Германией политического могущества», «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация».

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву верховного главнокомандования под номером 21. Ей было дано условное наименование «Вариант Барбаросса» по имени германского императора Фридриха I Барбароссы (Рыжебородого, 1152—1190 гг.), склонного, как и Гитлер, к порабощению других народов (утонул в самом начале третьего крестового похода при переправе через одну из рек Малой Азии).

Директива № 21 была основным руководящим документом плана войны против Советского Союза. Как и решение Гитлера от 31 июля, она предусматривала, что СССР будет разгромлен «еще до того, как будет закончена война против Англии».

Знали ли мы обо всем этом?

Безусловно. Не только знали о планах, но и видели, как раскручиваются обороты зловещей оси «Берлин—Рим—Токио». С молчаливого и официального согласия капиталистических государств Запада Гитлер оккупировал Австрию, Чехословакию, Югославию, затем пали Бельгия, Голландия, Франция. Потерпели поражение английские войска во Франции. При этом нельзя не обратить внимание на то, что Гитлер задержал лавину своих танков на подступах к Дюнкерку, дав возможность англичанам спокойно убраться восвояси. Не исключено, что он рассчитывал обратить Англию из противника в своего союзника. Наконец, под ударами гитлеровского вермахта пала Польша, и он вышел к нашим границам. Руководство страны видело это и готовилось к войне. Ускоренными темпами развивались машиностроение, металлургия, топливно-энергетический комплекс, оборонные отрасли, создавался индустриальный потенциал в Поволжье, на Урале, в Сибири. Усилилось внимание к совершенствованию Вооруженных Сил, повышению их боевой мощи. Однако проблем к этому времени накопилось немало. Прежде всего сложным было положение с командными кадрами.

Здесь надо иметь в виду два обстоятельства: в 1937—1939 годах, когда немецко-фашистская армия уже захватывала одну за другой территории Европы, наша армия только переводилась с территориальной на кадровую систему комплектования. В 10 раз увеличилось количество кадровых дивизий и в 3 раза — численность Вооруженных Сил, а это потребовало значительного роста численности командных кадров. Вузы НКО не в состоянии были обеспечить потребности войск, а призванные из запаса, естественно, были слабо подготовленными. Тяжелым ударом стали и необоснованные репрессии старшего и высшего командного состава.

Сложным было положение с переоснащением армии. Допускались ошибки в формировании частей, соединений. Я — танкист. И покажу это на примере танковых войск. В соответствии с теорией глубокого боя и глубокой операции они по своему предназначению подразделялись на две крупные группы. Одну из них предполагалось использовать для поддержки в бою пехоты и конницы. До осени 1939 г. ее составляли отдельные танковые батальоны и роты стрелковых дивизий, танковые полки кавалерийских дивизий и танковые бригады РКК, предназначенные для усиления стрелковых и кавалерийских корпусов. Другую группу составляли танковые корпуса, которые предназначались для развития тактического успеха в оперативный в составе фронтовой или армейской подвижной группы. Однако 21 ноября 1939 года на заседании Главного военного совета, на котором присутствовали Сталин и Моло-

тов, было принято решение о ликвидации корпусов и переходе к бригадной системе. К марту 1940 г. в составе автобронетанковых войск имелось 39 танковых бригад, 22 моторизованные дивизии и 3 мотобронебригады РКК, 31 танковый полк и 100 танковых батальонов стрелковых и кавалерийских соединений. На 1 апреля 1940 г. в них насчитывалось 20 тыс. танков всех типов.

Советско-финляндская война выявила, что организационная структура танковых войск не обеспечивает их массированного применения, а действия танковых бригад не подкрепляются достаточным количеством моторизованных частей. В то же время война в Европе показала, что крупные танковые формирования играют важнейшую роль в операциях. Поэтому в мае 1940 г. было принято решение о создании 6 танковых корпусов, а затем еще 3-х. С лета 1940 г. их стали называть механизированными. В феврале 1941 г. началось формирование еще 20 корпусов. Для их укомплектования были использованы все танковые бригады, имевшиеся в Красной Армии. В результате не осталось танковых соединений и частей, предназначавшихся для поддержки пехоты.

Еще в июне 1940 г. в записке Тимошенко и Шапошникова на имя Сталина и Молотова говорилось о том, что создаваемые 8 танковых корпусов организационно будут оформлены к 1 июля 1940 г. (срок был определен лично Сталиным), однако они будут иметь значительный некомплект танков, бронеавтомобилей, автомобилей и мотоциклов. Таким образом, на формирование даже 8 корпусов недоставало основной техники. Несмотря на это, в 1941 г. было предпринято формирование еще 20 механизированных корпусов. В результате общая потребность Красной Армии в танках с учетом танковых частей кавалерийских дивизий и воздушно-десантных корпусов составила 37 895 танков.

Особенно остро ощущался недостаток автомобилей, средств транспортировки горючего и тракторов, предназначавшихся для буксировки орудий и подвоза материальных средств. К 22 июня 1941 г. общая укомплектованность механизированных корпусов автомобилями ГАЗ-АА составляла 66 процентов, ЗИС-5—31, бензоцистернами — 27, тракторами—47 процентов.

Не оправданная ничем гигантомания, одновременное формирование большого количества танковых и моторизованных соединений без учета материальных возможностей привели к нарушению слаженности имевшихся ранее танковых бригад и батальонов, которые растворились в огромной массе новых формирований. Снизилась боеспособность стрелковых и кавалерийских дивизий, из которых было изъято большое количество наиболее подготовленных солдат, сержантов и офицеров. Стрелковые дивизии лишились штатных

танковых батальонов. Низкая укомплектованность соединений танками (из 20 корпусов западных приграничных округов только 8 были укомплектованы более чем на 50 процентов, из них 4—на 80—100 процентов, а 13, 17, 18, 20, 24-й мк—только на 6—25 процентов, при этом восемь механизированных корпусов вообще не имели танков КВ и Т-34), небеспеченность средствами тяги и транспортом делали мехкорпуса малоподвижными и ограниченно боееспособными.

Сравнение тактико-технических характеристик советских и немецких танков свидетельствует, что советские дизельные танки Т-34 и КВ значительно превосходили немецкие по основным показателям (калибру орудий, количеству пулеметов, запасу хода, броневой защите). К тому же большинство немецких танков имело бензиновые двигатели. Лобовую броню танков КВ и Т-34 не могли пробить снаряды немецких танков. В то же время их броня пробивалась орудиями КВ и Т-34. Не уступали по основным параметрам легким танкам вермахта и советские машины Т-26 и БТ. Несколькими тысячами танков БТ было оснащено дизельными моторами.

По данным Главного автобронетанкового управления Красной Армии, к началу войны в Советском Союзе имелось 23,2 тыс. танков. Из общего числа танков 3,6 тыс. приходилось на пулеметные (Т-37, Т-38, Т-40), 686 машин находились на центральных складах. Боееспособными считались только 14,7 тыс., из которых в западных приграничных округах находилось 8885. Там же были сосредоточены все новые танки: КВ—554, Т-34—960. Основу танкового парка составляли легкие машины типа Т-26 и БТ. Основная часть танков принимала участие в освободительном походе, в боях на Халхин-Голе и в советско-финляндской войне, а также совершила большие марши при передислокации в западные области Украины и Белоруссии, в Прибалтийские республики и Бессарабию, израсходовав почти полностью моторесурс. Они были изношены и требовали ремонта—замены деталей и агрегатов, запас которых был на исходе.

В отличие от Германии, у которой имелись оперативные объединения типа танковой группы, в Советском Союзе подобных формирований не было. Их предполагалось создавать по мере необходимости, что не гарантировало четкого руководства действиями подобных объединений, так как не создавались заблаговременно органы управления ими, не разрабатывалась теория применения таких танковых группировок.

Незавершенность формирования, а следовательно, неполная укомплектованность танковых соединений, их неслаженность как боевых единиц, слабая подготовка личного состава, неуккомплектованность и несолоченность штабов привели советские

танковые войска к началу войны ограниченно боееспособными.

Только развертывалось и производство новых самолетов—за первую половину 1941 года было выпущено немногим более 2,6 тыс. Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, ПЕ-2, Ил-2, которые должны были заменить боевые машины устаревших конструкций.

С опозданием началась переброска пяти армий из глубины страны к западным границам, не было завершено строительство укрепленных районов. Запоздал и переход в 1940 году со смешанной территориально-милиционной на кадровую систему комплектования, что негативно сказалось на качестве мобилизационных ресурсов.

Говоря о наших стратегических просчетах, следует иметь в виду, что стратегия подчинена политике. Очевидно, наше военно-политическое руководство не уловило тот момент, когда политические дипломатические акции в отношениях с гитлеровской Германией уже потеряли смысл и надо было подавать команду «к бою». Это сказалось в начальном периоде войны.

Видимо, есть и другие причины наших первых неудач. Но важно подчеркнуть, что, несмотря на внезапность удара врага, его решающее превосходство в силах на земле и в воздухе и наши большие потери, блицкриг с первых же дней нападения начал буксовать. Мощной объединяющей силой советского общества выступила Коммунистическая партия.

Составляющими стойкости, упорства были советский патриотизм, войсковая дружба. Знаю это не из книжек. Когда началась война, мне было всего 16 лет. По этой причине не пришлось участвовать в войне в ее первые месяцы. Но зато после окончания военного училища полностью испил ее чашу. Принимал участие в освобождении Киева. С полком прошел от Смоленска до самой границы. Закончил боевые действия в Пиллау. Потому могу с полным основанием утверждать, что хорошо знаю, почему советский солдат выстоял, победил. Он очень горячо любил свою Отчизну, постоянно верил в победу.

Это важно подчеркнуть сегодня. Нам сейчас нелегко. Но мы должны выйти победителями. Ярким примером служит подвиг советских людей в Великой Отечественной войне, которые даже перед лицом смерти, безмерных мук и страданий бесстрашно и самоотверженно противостояли врагу. Об этом следует сказать еще и потому, что некоторые авторы, превратно понимая развернутую партией критику культа личности и деформаций социализма, пытаются зачеркнуть ее позитивное в нашей истории, бросить тень на Советские Вооруженные Силы.

Стремление подменить одну полуправду другой лишает народ, особенно молодежь, ясного исторического мировоззрения и кроме вреда нашему обществу ничего принести не может.

...И УТРОМ ЗАКОНЧИЛСЯ МИР

ТОТ ДАЛЕКИЙ ВЕЧЕР 21 июня был теплым. Кругом буйствовала зелень. Заливались птицы на разные голоса, закат сулил на завтра славную погоду. Когда очередная смена в сумерках отправилась на охрану государственной границы, мы не предполагали, что больше с ними не увидимся. Почти все, кто в эту ночь ушел в наряд, как и на других заставах отряда, погибли.

На рассвете мы вскочили с постелей не по команде дежурного, а от грохота разрывов обрушившихся на заставу снарядов.

Первыми залпами враг накрыл казарму, конюшню, склады, баню, оборонительные сооружения, возведенные вблизи заставы. В первые же минуты была выведена из строя телефонная линия — единственное в то время средство связи со старшим командиром и соседями. Внутренний голос говорил: «Война». Правда, некоторые думали, что это очередная провокация, как бывало на других участках государственной границы, и что ничего существенного не произойдет, нападающие не осмелятся сделать что-либо существенное.

Годы не вытравивали память. Помню, как полураздетый, но с полным вооружением, выскочил из помещения... Полвека прошло, но стоит перед глазами труп разорванной снарядом лошади и лужа крови около нее. Недалеко от порога казармы лежал убитый часовой, крепко обхвативший оружие. Его напарник занял окоп у входа в здание. Согласно боевому расчету я побежал занимать позицию. Несколько пуль просвистели совсем рядом. В моей жизни они были первыми. Пришлось им поклониться.

Внезапность сделала свое дело. В первые же минуты многие боевые товарищи погибли. Уже в окопах мы слышали отдельные выстрелы на флангах заставы. Это сражались насмерть воины войск НКВД, находящиеся в наряде по охране границы. Но помочь им мы ничем не могли.

На участке нашего отряда наступала румынская королевская армия. Вояки там

были плохие. Позднее на допросах военнопленных я слышал, что простые румыны не хотели войны. Если бы не немцы, вряд ли они сломили бы сопротивление пограничников и подошедших частей Красной Армии.

Основной удар противник наносил в районе заставы. Видимо, его здесь привлекали мост, мелководье и отлогие берега, удобные для форсирования реки, особенно танками. Мы знали, что рядом армейских частей нет, что помощь подойдет лишь через несколько часов, поэтому рассчитывали только на свои силы и возможности.

Немецкие самолеты шли на восток, в глубь страны, в несколько эшелонов. «Юнкерсы» несколько раз бомбили районную нефтебазу, дважды — заставу. От каждого взрыва поднималось огромное облако пыли, закрывавшее не только территорию заставы, но и деревню. Взмывая вверх, они покачивали крыльями, видимо, в знак победы.

Позднее два «мессершмитта» нагло, с высоты не более ста метров, обстреляли наши позиции. Мы не остались в долгу, но что могли сделать из винтовок?

Тыл заставы был разрушен. В наших вещевых мешках находился однодневный неприкосновенный запас продуктов. Но они остались в помещении, а огонь уничтожил их вместе с другим имуществом. Первый день обходились без пищи. Только ночью старшина где-то чудом достал продуктов и приготовил что-то жидкое и горячее.

Первый день войны... Раскаленные лучи солнца проникали через ветви деревьев и ложились на землю светлыми пятнами. Мучила жажда, хотелось пить. Вода рядом, но к ней не подойти.

Под прикрытием артиллерийского обстрела фашисты начали форсировать Прут. Мы, еще опасаясь провокации, огня не открывали. Когда же они вступили на наш берег и двинулись в глубину нашей территории, плотным огнем из всего оружия атака была отбита. Минут через 15—20 штурм повторился. Неся потери, агрессоры упорно шли вперед.

— Приготовить гранаты! — подал команду начальник заставы. И вторая атака была сорвана. Враги залегли, ведя огонь по нашим позициям. У нас в окопах появились первые раненные.

В грохоте разрывов артиллерийских снарядов, ружейно-пулеметного огня мы слышали, как на сопредельной стороне взревели двигатели машин. Из-за пригорка выскочили несколько танков и устремились к мосту. Но как только они подошли к нему, грохнул взрыв. Опоры на нашей стороне рухнули. Танки попятились назад, ведя огонь из пушек и пулеметов. Вместе с ними стала отходить и пехота.

В полдень на левом фланге усиленной роте удалось форсировать Прут и закрепиться на нашем берегу. Ситуация сложилась неприятная: соседей ни справа, ни слева не было, немцы могли выйти в тыл заставе. Чтобы выбить их, надо было контратаковать. Но чем? Какими силами? В распоряжении начальника заставы было около сорока бойцов, многие ранены.

И все же он принял дерзкое решение: контратаковать врага, обеспечить атаку огнем ручных пулеметов. Сейчас кое-кому это покажется безумным. Но наш лейтенант рассчитывал на внезапность.

Контратакующую группу возглавил политрук заставы. Раненные, способные держать оружие, вели огонь по высадившемуся на наш берег противнику.

Впереди цепи шел политрук — он первый поднялся из окопа. Рядом — его заместитель Женья Иванов. Вместе со мной шли ленинградец Володя Стрекалов и белорус Потетня, огромного роста и большой физической силы. Навстречу свистели пули, но об этом никто не думал. Помню дружный рывок горстки пограничников, трусливое бегство врага к реке, его поспешное возвращение на свой берег. Когда мы достигли контрольно-следовой полосы, Иванов, словно оступившись, вдруг упал. И граната, занесенная им для броска по отплывающей лодке, упала рядом, не взорвавшись. Около самого берега мы залегли и стали окапываться. Вскоре по цепи передали: убит политрук. Командование принял наш командир отделения сержант Ломтев Иван Алексеевич, в прошлом колхозник из Орловской области. К концу дня, когда подошел полк Красной Армии, мы под покровом темноты отошли на свои позиции. Вынесли с поля боя убитых, эвакуировали раненных.

— Володя, — слабым голосом просил меня раненный в руку Иванов, когда мы его передавали санитарам, — скажи ребятам, я вернусь!

Он и не думал, что мы отойдем с границы!

...Мы отступили по приказу и вернулись на омытый кровью рубеж только после Победы. Дорога к нему вела через Берлин.

Полковник в отставке В. ЖУКОВ.

А РАНЫ БОЛЯТ И БОЛЯТ...

КОГДА началась война, моему деду Григорию Ивановичу было столько, сколько мне сейчас. С фронта он вернулся без кисти левой руки. Инвалид, а ремесло столярное беде своей не уступил. Одной рукой делает так, как не всякий двумя управится. Почти во всех послевоенных домах в селе его столярка — двери, окна, затейливые переплеты вейранд... И никаких гвоздей: проушина, шип да тонкий колышек из обрезков. Каждое лето и каждую зиму на каникулы ездил я на Киевщину, и дед учил меня держать долото и рубанок... Но годы идут, неумолимое время берет свое, и все меньше его остается на поездки, встречи и даже письма. И вдруг: «Найди, Витуська, в московских аптеках «Солкосерил». Ампул семьдесят надо, а то врачи грозятся ноги отрезать. Гангрена, говорят, будет. На черном рынке, слышал, ампула двадцать пять рублей, и то не купишь. Расходи возмещу, ведь ампутация для меня — смерть».

Я в аптеку, другую... Нету, говорят. Изредка бывает, но без рецепта все равно не дадим. Пишу деду, чтобы выслал, а в ответ: «Врач сказал, если он мне такой рецепт выпишет, его с работы погонят».

Пошел я к знакомому врачу, рассказал все. Он вытщил бланк, вписал фамилию, имя, отчество...

— Возраст?

— Одиннадцатого года рождения.

Врач на миг задумался и росчерком пера сделал деду вдвое моложе.

— Иначе не продадут. Скажут, помирать пора...

Рецепт истрепался в кармане от частых предъявлений аптекарям, прежде чем я сумел зайти к ним с черного хода. От-

дал в кассу четырнадцать рублей, и вот она — красивая заграничная упаковка! Двадцать пять ампул. Больше не дали, но и на том спасибо!

Пришел на почту с бандеролью, стал в очередь. Длинная — обеденный перерыв только закончился. А седой старичок с толстой алюминиевой палкой поковылял прямо к окошечку. За пенсией, наверное. Показал зеленое удостоверение участника войны, и молодая женщина недовольно посторонилась, но тут вмешался стоящий впереди меня мужчина лет сорока пяти:

— Настоящие фронтовики уже давно в земле! Понаделали удостоверений, червонец штука в базарный день, и лезут, лезут без очереди. На старости лет ни стыда, ни совести!

Очередь ошарашенно замолчала, в считанные секунды раскалываясь на два непримиримых лагеря — «за» и «против». Я тронул крикуна за плечо и спросил:

— Что, у вас тоже есть? А почему на базаре за червонец не купили? И лезли бы себе со спокойной совестью, на законных основаниях и с моральным правом...

Наглец, видимо, ждал от очереди поддержки, а не отпора. А старичок медленно, трудно повернулся в нашу сторону, и все увидели под расстегнутым плащом три ордена Славы. Он сделал шаг к выходу, в хвост очереди, но та самая женщина, что пропускала его вперед нехотя, теперь не давала уйти:

— Получайте, получайте и не обращайтесь на него внимания!

А я уже не мог остановиться:

— И ордена с базара?

Мужчина посмотрел мне в глаза:

— Не суди меня строго, командир. Да, я не прав сейчас, но мой-то отец с войны не вернулся!

Словно вернувшиеся виноваты в том, что остались живы! И хотя бы в память о павших надо беречь живых! Все это я мог бы высказать, но слова вдруг показались банальными и ненужными. Очередь двигалась молча. Я отправил бандероль, и тут ко мне подошла маленькая, сухонькая старушка.

— Теперь за нас, фронтовиков, мало кто заступает. Льготное удостоверение есть, а я в очереди стою, боюсь, разорвут меня, если покажу. Я сначала радистой была, а как ранило, перевезли самолетом на Большую землю и поставили командиром отделения в школе связистов. Мальчишки молодые, меня возле них и не видно... А как скомандую — все слушались. «Смирно!» — и проверяю, чтоб подворотничок был свежий, пуговицы начищены... И ни один потом из-за фронта не вернулся...

Она расплакалась на крыльце почтового отделения, я утешал ее, но что я мог, кроме дежурных обещаний типа «не забудем» и «в обиду не дадим»? А мимо

шли люди и с неприязнью говорили: «Довел бабу до слез, а еще военный»...

Есть у всевозможных льгот одно объединяющее их свойство — круг «посвященных», т. е. ими пользующихся, постоянно расширяется. И лишь одно печальное, неумолимое исключение из этого правила — ветераны, участники Великой Отечественной войны.

«Что за льгота такая — купить без очереди буханку хлеба или билет в кино?» — недоумевал я во времена не столь отдаленные. И только наша перестроечная эпоха расставила все по полочкам: наполнила глубоким смыслом, более того, весомым экономическим содержанием некогда эфемерные привилегии. Однако с этим процессом параллельно растет волна удушливой зависти к тем же ветеранам. Не судьбе завидуют, не увечью — праву той самой покупки без очереди. Только где оно, это право? Посмотрите на очередь у магазина «Ветеран», почитайте висящее там объявление: «Праздничные заказы. Среда — семьи погибших, союзы художников и писателей. Четверг — инвалиды детства, общее заболевание, престарелые, общество глухих. Пятница — участники войны, ветераны Афганистана. Суббота — многодетные семьи. Воскресенье — металлисты. Понедельник — участники аварии ЧАЭС, инвалиды, общество слепых от А до К. Вторник — инвалиды, участники ЧАЭС, общество слепых от К до Я. Спецконтингенту отпуск заказов будет производиться по предъявлению визиток и приглашений строго по дням и по часам». Что ж, торговля вправе сквозь зубы называть прикрепленных спецконтингентом (во внутренних войсках так называют осужденных. — В. Г.) и поминутно расписывать время встречи у прилавка: посвященных действительно много! И не подумайте, что я наберусь нахальства вопрошать, на каких фронтах воевали писатели с художниками — фронт искусств, как известно, требует от общества жертв, особенно в последнее время. Порочен сам принцип расчленения населения по признаку причастности к той или иной «кормушке». Создание пародийных «спецраспределителей» для ветеранов по известному образу и подобию помогает сберечь элитный «прототип», но и дает возможность выжить престарелым, малообеспеченным людям. Неужели за гарантированный продуктовой минимум их нужно возненавидеть и отпихивать локтями в конец очереди за бесплатным пока хлебом? Или жителям страны тотальных очередей совесть и сострадание уже не по карману?

Газеты и журналы забиты рекламой импортных компьютеров, с телеэкрана настойчиво предлагают взять напрокат «вольво», «ниссан» или «мерседес», полки московских универмагов ломятся от французской туалетной воды по сто тридцать «рз» за флакон. Знакомый принес домой

второй японский видеоманитофон, чтобы обменять его на мебель для новой квартиры... Все это страна купила за валюту, которой не хватало, чтобы лечить людей, оплативших когда-то свободу страны самой дорогой валютой — кровью...

Ситуацию нетрудно «прокинуть» в будущее. На примерах «заботы» о ветеранах Великой Отечественной войны учатся верить разговорам о светлом завтра сегодняшние военнослужащие. Точнее, не верить. Что может быть горше разочарования в деле, которому служишь? И боюсь, еще не раз услышат мои сослуживцы печально знаменитую фразу: «Я вас в Карабах (Сумгаит, Баку, Фергану, Цхинвали — да мало ли куда может забросить военнослужащего логика большой политики!) не посылал!»

— О чем думали, как представляли жизнь после победы? — спросил однажды полковника в отставке Леонида Федоровича Ломанова.

— К этой мысли мы не часто обращались, — ответил ветеран. — Поглощены были более насущными делами — боевой обстановкой. Цель была одна — скорее закончить войну. Победить и возвратить ся к мирной жизни.

Нелегким был путь Леонида Федоровича к мирной жизни. Ранен был в Калужской области, воевал у Ржева, Вязьмы, на знаменитой Курской дуге. В сорок втором, Первого мая, по дороге с фронта на фронт заехал в Москву, на Белорусский. На три часа отпустили — погостил сорок минут у тетки возле Красных ворот. А к матери — она в районе Преображенки жила — не успел бы. Только после войны свиделись — как закончил военное училище и за назначением приехал. Охранял военнопленных в Таллинне. Полк нередко терял людей. От квартиры до штаба батальона напрямик было всего пятнадцать минут ходу, но запрещали: по обе стороны от узкоколейки кладбище, и можно было навсегда там остаться. Однако после фронта, после войны страха уже не было, и даже осторожности не было почему-то. На своей территории — и бояться?

— А сейчас не боитесь удостоверение участника войны показывать?

— Это чтобы без очереди? Я лучше постою. Людей, наверное, можно понять. У нас в магазине «Ветеран» хоть раз в неделю продуктовый заказ гарантирован. Чай, сахар, несколько банок консервов, кусок вареной колбасы... Жить можно. А за державу обидно. Германия объединилась — ладно, хотя, по-моему, рановато это случилось. Восточную Европу оставили — тоже переживем, хотя пришли туда не врагами — освободителями, а от нас сейчас носы воротят. А вот когда у немцев подачки берем — стыдно. Неужели такая страна без их шпека да галет пропадет? Победителям — от побежденных... Да, крепкий удар по самолобию вете-

ранов нанесла наша готовность через сорок пять лет после Победы принять «гуманитарную» помощь. Не знаю, какую пользу принесла эта «помощь», а вот вред виден невооруженным взглядом: сегодня даже Замбия может гордиться тем, что подарила великой Стране Советов полтонны бананов и апельсинов. Неужели так дешево ценится престиж великой державы, международный авторитет великого народа?

...«Солкосерил» деду не подошел — аллергия. В очередном письме он просил достать «Трентал» — хотя бы тридцать ампул. Но знаковый врач убыл к новому месту службы, а без рецепта, по опыту знаю, нечего и пробовать...

Хорошо, что через сорок пять лет после Победы в Великой Отечественной войне не дошел черед до проекта Закона СССР, регламентирующего «организационные, финансовые, юридические и иные аспекты работы по увековечению памяти советских воинов, партизан и других граждан СССР, погибших в предвоенные годы, в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг»... Президент предлагает создать в этих целях постоянно действующие органы при Кабинете Министров СССР и правительствах республик.

Вспомнили, наверное, суворовские слова о том, что война не закончилась, пока не похоронен последний солдат. Я сознательно пропустил сейчас слово «павший» — в стремлении поскорее закончить войну и забыть годы триумфа Страны Советов кое-кто спешит похоронить и живых. В самом деле, куда моему деду обращаться за импортным лекарством? Звать к благотворительности, призванной подменить систему гарантированного государственного социального обеспечения и здравоохранения? Так у Григория Ивановича всего одна рука, а этого мало, чтобы протягивать за подающим...

МЕДИКИ утверждают: раны у солдат армии-победительницы заживают скорее. Однако сегодня старые, мгновенно затянувшиеся в мае сорок пятого раны открываются вновь. Снова зашевелились и продолжили путь к сердцу на долгие годы приостановленные, глубоко засевшие осколки. Вот и у деда заныла рука, которой давным-давно нет. Зловещей краснотой наливаются когда-то примороженные в окопе ступни. Неужели Григория Ивановича убедили, что в Великой Отечественной войне он больше не победитель?

...«Трентал» на курс лечения он раздобыл сам и сейчас ложится в госпиталь для ветеранов войны со своим лекарством. Кто знает, чего это ему стоило?

Живи сто лет, Григорий Иванович!
Живи, пожалуйста...

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
внук ветерана Великой Отечественной войны.

Борис ТЕДЕРС

Когда к 40-летию Псбеды я составлял сборник стихов «Поэзия моя, ты — из окопа», а затем антологию художественных произведений о Великой Отечественной войне «Венок славы», мне посчастливилось познакомиться со многими стихами поэтов-непрофессионалов. Оказалось, что среди них есть немало по-настоящему талантливых людей, стихи которых могут украсить любой сборник, посвященный войне.

В числе этих авторов и Борис Тедерс.

В его стихах запечатлена подлинная правда жизни — тяготы военного быта, выносливость и героизм наших солдат. Они ритмически разнообразны, в них есть своя интонация, есть и скорбь, и торжество, и улыбка. Он, участник великой битвы, действительно имеет право сказать: «Поэзия моя, ты — из окопа»...

Родился Борис Тедерс в 1926 году в Москве. Воевал солдатом на Прибалтийском фронте, был тяжело ранен на Лиепайском направлении. После войны окончил художественно-промышленное училище имени М. И. Калинина. Многие годы работал художником-оформителем. Он — член Союза художников СССР.

В своих новых стихах он продолжает разрабатывать тему Великой Отечественной войны.

Николай СТАРШИНОВ.

БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

1.
Дед мой канул во мрак.
Мне о нем говоря,
Повторяли: «Он враг.
Он полковник царя».

Разочлась с ним с лихвой
Пролетарская новь
За погон золотой,
За дворянскую кровь.

На уста его смерть
Наложила печать,

Лишь успел он суметь
Сыну клич прокричать:

— Сын! Услышь, не забудь...
Это воля моя...
Верен Родине будь,
Как был верен ей я...

Он свой долг исполнял.
Он присягу хранил
Той России,
Которую знал
И любил.

2.
Его сыну достались
Крутые пути,
Как изгоя
Родную страну идти.

Клятву деда шепча,
Боль работой леча
Под угрозой
Дамоклова злого меча.

Через сотни дорог,
Через сотни тревог
Шел отец мой
С порога острога в острог.

Сквозь тифозный огонь,
Сквозь барачный загон
За отца своего,
Золоченый погон...

Он судьбе не пенял,
Хоть и пасынком был
Той России,
Которую знал
И любил.

3.
Кровь обоих во мне —
Их начало начал...
В день, когда о войне
Репродуктор кричал

И до неба вставал
Черной тучею дым,
Мой отец умирал,
Я стоял перед ним.

Маета — позади,
Темнота — впереди...
Лоб крестом осенив мне,
Сказал он: «Иди!»

И я шел на вокзал
И в теплушку влезал,
Повторяя слова,
Что отец мне сказал:

— Сын! Услышь, не забудь...
Это воля моя...
Верен Родине будь
Ты, как дед твой и я...

И по слову отца
Я страну защищал.
И отведал свинца,
Как мой дед завещал...

Я ли право свое
На любовь уступлю
К той земле,
Что тройною любовью
Люблю?!

РАЗВЕДКА

Бумаги и медали
Сданы старшине,
Будто не бывали —
Остались в прошлом дне...
Принят на дорогу
Водки «посошок»,
Тукает тревогу
Сердца молоток.
Автомат заряжен,
РГД — с чекой.
Нож к ремню прилажен
Точно, под рукой...
Чтя обычай строгий,
Присели на миг...
— Поднимайся. Трогай!
Будет «язык»...
Дистанция три шага,
Следом в след,
Вышли из оврага,
Мелькнули, и нет...
Тихо и глухо.
Ночная пора.
— Чтобы вам ни пуха
Ни пера...

ЖАВОРОНОК

Ой не пой ты, жаворонок, звонко
В фронтовой изменчивой тиши...
Шепчутся о чем-то камыши,
Воду гонит узкая речонка.
Гладь ее поверхности искрит,
Солнечными бликами играя,
И ничто сейчас не говорит,
Что проходит здесь «передовая».
За четыре года утомясь,
Дремлет смерть

во власти солнцепека.
И под птичку радостную вязь
Память наплывает издалека:
Вспомнишь лес,

где каждый куст знаком,
Поле ржи,

речушку по соседству...
Хочется, как прежде, босиком
Пробежать тропой,

знакомой детству.
Позабыв о смерти и войне,
Лечь на спину

среди трав пахучих
И под звон кузнечиков трескучих
Утонуть глазами в синеве...
Но не верь тиши!

Тут поле боя.
Не спеши покинуть свой окоп.
Через речку смотрит за тобою
Снайперской винтовки телескоп.
Грянет выстрел...

Вскрикнешь, как спросонок.
Кровь окрасит заросли травы...
Ой не пой так звонко, жаворонок!
Не кружи солдатской головы.

* * *

Он плакал, глядя на экран,
Седоголовый ветеран.
Слезинки по корявой коже
Ползли, рисуя мокрый след.
И я спросил: «Ну как? Похоже?»
Но тихо он ответил: «Нет».

— Чего ж ты плачешь, старина?
— Мне вспомнилась МОЯ война —
Забот и горестей полна,
Болящая, как рана...
...Гредел торжественный хорал.
Герой эффектно умирал
На полотне экрана.

* * *

Дед ее не вернулся
в бревенчатый дом,
Дедов путь зачеркнулся
могильным крестом.
В годы царской войны,
в чуждедалных краях
Стал маньчжурской землей
его горестный прах.

Арестован за что-то отец
и погиб.
Объясняют, что — «культ».
Говорят — «перегиб»...
Где могила, где крест,
чтоб поплакать прийти?
И по карте
тех мест не сыскать, не найти.

Муж ее, лишь ударили залпы войны,
Промокнул поцелуями слезы жены:
— Не горюй!
Жди меня, я с победой приду...
Он под Прагою пал
в сорок пятом году.

Годы мира мелькнули
без новых потерь.
Вот она и старуха.
Но снова теперь
Из афганской земли
ждет от внука вестей...
...Широка география
русских костей.

ПРОЗА

1.

Виктор Мандрыкин

ЭТО Ж НАДО, сами Валерий Петрович в гости пожаловали! Замполит батальона, майор — к распоследнейшему солдату второй роты рядовому Мандрыкину. Не совсем вовремя, правда. Я только «козла» собирался забыть, топал к беседке, и тут — он.

— Вы неплохо выглядите, Мандрыкин. Куда спешите, если не секрет?

Я смотрел на домино, коробку с которым держала моя здоровая левая рука, и трезво рассуждал, что говорить, к примеру, о библиотеке в данной ситуации просто глупо. А раз так...

— В библиотеку, товарищ майор. Хочу взять Макаренко или Сухомлинского.

Сейчас он грустно улыбнется—вот, уже улыбается—и скажет: «Это хорошо, Мандрыкин...»

— Это очень хорошо, Мандрыкин, книги надо любить, тем более, такие книги. Они нас главному учат—честности, правильно?

Наверное, замполит считает, что он мне гол забил. Пусть. При желании я бы мог с ним потягаться в этом, но настроя что-то нет.

Майор Ненашев, он же Валерий Петрович, он же мудрящий мужик, которого никто не проведет, это уж точно, излишне внимательно смотрит на часы:

— Но я вас огорчу, Мандрыкин. Вы, наверное, забыли, что в «мертвый час» библиотека закрыта, поскольку больные должны находиться в кроватях.

Вообще-то больных огорчать нельзя. Их надо навещать с авоськой апельсинов или хотя бы с пачкой печенья. Сказать мне вслух? Ладно, не стоит, апельсины я полтора года не пробовал, вдруг у меня на них за это время аллергия выработалась? А от печенья полнеют. Мне полнеть нельзя, меня тутешний молодой персонал за стройность любит.

Ладно, шутки шутками, но с чем-то же замполит пришел? Пора ему к делу приступать.

— Вам письма, Мандрыкин, целых пять. И Тюрину одно, от родителей. Как он? К нему пока не пускают, наверное, но вы, думаю, пробиваетесь, правильно?

— Лежит, — односложно отвечаю я. И действительно, больше ничего сказать не могу. Превратили Генку в куколку-шелкопряда, бинтами спеленали. С реанимашки в палату перевели, страшное для него уже позади, я имею в виду самое страшное, но жутковато смотреть на сине-красное то, что когда-то называлось кожей.

— Да, — вздыхает Валерий Петрович и бережно поглаживает свою молодую зарождающуюся лысину. — Нескладно получилось... Пойдем присядем на лавочку, а? Больных с травматологии, насколько я знаю, не очень ругают за нарушение распорядка дня, правильно?

Мы садимся лицом к нежаркому солнцу, и замполит начинает рассказывать мне о... социалистическом соревновании. Наверное, думает, что меня очень должно волновать то, что обязательства в этом году батальон наверняка выполнит, станет отличным, и потому многие солдаты получают поощрения, то бишь поедут в отпуска. Правда, окончательные итоги пока не подведены, сейчас в батальоне комиссия работает: офицеры из полка и управления.

Я слушаю его и размышляю: это все тепло, тепло, пока не горячо. Валерий Петрович знает, что меня лично присутствие в батальоне высокого начальства мало волнует. Так что же ему надо?

— Если все будет хорошо, капитана Виноградова переведут от нас, на повышение.

Майор Ненашев говорит это словно между прочим, но с таким задумчивым видом, что я понимаю: неспроста он о ротном речь завел.

— А ему действительно надо сменить обстановку, вы, наверное, многого не знаете, поверьте мне на слово, — надо.

Знаем мы, многое знаем. И о самом Ненашеве, быть может, больше, чем командир части.

Ладно, это к делу не относится. Сейчас замполит, кажется, собирается карты открывать.

— Но тут загвоздка может получиться, с ротным вашим. Да и с солдатскими отпусками. Дурацкий этот случай. С вами и с Тюриным, понимаете?

— Не совсем, — отвечаю я вполне искренне.

— Ну как же! Рядовые Мандрыкин и Тюрин оказались в городе без увольнительных, не в выходной день и с той целью, которую можно сформулировать как использование служебного положения капитаном Виноградовым в личных целях. Вот факт, и его, как вы сами понимаете, вся повернуть можно. Кому он в руки попадет, какое у того настроение будет, и какая установка от вышестоящего начальства. И начнет этот человек копать так, как ему надо. Правильно?

«Да пусть копает! — чуть не выкрикнул я. — Есть же в конце концов здравый смысл у каждого!» Но не выкрикнул. Захотелось встать со скамейки и уйти куда-нибудь в тень. Осеннее, еще минуту назад ласковое, солнце начало немилосердно палить.

2.

Николай Белов

Я ЕДУ к Женьке Виноградову. Точнее, не совсем к Женьке — в батальон, где он служит. Шеф послал сюда в командировку: мол, передовики, надо опыт обобщить. Но Виноградова я, конечно же, увижу. Жаль только в батальоне сейчас людей до черта: итоговая проверка начинается. А то бы сорвались хоть на полдня на озеро, шашлычок бы заделали, уху сварганили. И вспомнили бы нашу голодуху в горах Лачина, и вагончик заставы, пробитый пулями, и белобрюхих орлов, таскающих в лапах змей...

Да ладно, бог с ними, с шашлыками, все равно встретимся и поговорим. Статью по итогам проверки для меня написать — раз плюнуть, а вот если очерк в газету привезу... Только бы нормально Женька проверку сдал — будет очерк!

Материала у меня о нем — две записные книжки. Я заполнял их своими каракулями в те дни, когда жил с солдатами на горной заставе, выполняя один из пунктов своей командировки. Мне надо было сделать репортаж о боевой службе, вот я и напросился у командира батальона подполковника Овчинникова выехать вместе с одной из смен в горы. «С лучшим нашим офицером поедете, — сказал Овчинников. — С капитаном Виноградовым. На «тринадцатку».

Вагончик с кроватями в два яруса, плагбаум поперек асфальта тонкой дороги, два окопа с выложенными на брустверах мешками песка, «бэтр» — огромное доброе чудовище... Это — «тринадцатка». Добираться к ней надо крученой узловой дорогой, такой, что «бэтр» не каждый поворот с ходу делает, приходится ему замирать, пятиться и идти тихонечко, рояя из-под колес гальку в ощерившиеся желтыми клыками камня ущелья.

Потом совершенно неожиданно очередной поворот открывал панораму поля, самого настоящего, с желтыми квадратами только что скошенной пшеницы, новенькими столбами электролинии, сколоченными из кривых стволов груши футбольными воротами. Если тут и гоняли мяч, то очень давно, отметил я, трава стоит ровная, невытопанная...

И еще я тогда же отметил, что слово «граница» вошло в местный лексикон совсем недавно. Это мне Женька подсказал, когда я только спрыгнул с брони на землю. «Взгляните, сударь, налево, видите дома под черепицей и изгороди из камня? А теперь взгляните направо, на другую деревню. Там тоже, как вы убедились, дома под черепицей и с каменными изгородями. И все же, сударь, смею задать вам

вопрос: в чем отличие между этими деревнями? Ага, не знаете! А отличие в том, что они находятся по разные стороны от границы, от вот этой асфальтовой стезжки. А мы, значит, ровно посередочке, и потому с обеих сторон нашего вагончика равное количество входных отверстий от пуль. Это они как-то ночью друг на друга шли, ну и, как всегда в таких случаях, больше досталось нам».

За четыре дня, которые я прожил на заставе, пули над головами не летали, хотя выстрелы слышал, и не раз. Но гремели они на других участках, а у нас дни проходили, можно сказать, мирно и буднично. Мы осматривали проходящие по дороге-границе редкие машины, собирали на компот ягоды алычи и боярышника, связывались по рации с соседними заставами, гоняли чай. «Короткими перебежками», как говорил Женька, спали днем, а ночью садились с ним у колеса «бэтра» и трепались обо всем на свете. Разговоры наши заканчивались одним и тем же: Виноградов начинал говорить о своей семье. «Плюнуть бы сейчас на все—и к сударыне своей, к Наташе. Я, дурак, не взял с собой ее фотографию. Представляешь, все время брал, а в этот раз—нас так быстро сюда кинули... Дочке, Лене, четыре года, я вот подчитываю, и получается—меньше двух лет ее видел... Ладно, идем спать».

Лезли мы в кровати перед самым рассветом. Хоть у меня и был выбор, но спал я на втором ярусе. Только в первую ночь улегся внизу было, но услышал, как под полом кто-то пронзительно заверещал.

— Чего там?—спросил я шепотом Женьку, и тот так же шепотом, лениво ответил:

— А, тушканчик допрыгался, гюрзе на ужин попал. У нас под вагончиком две гюрзы живут.

Я с минуту выждал и полез наверх, а чтоб то переселение было меньше похоже на бегство, сказал:

— Дует что-то. На втором этаже, наверное, потеплее?

Женька меня понял правильно:

— Гюрза, сударь, существо препротивное. Ты не храпнешь? Она на храп, говорит, лезет.

Я по-ндютки хохотнул шутке ротного, однако спал так, что, кажется, контролировал каждый свой вздох. Но уже на вторую ночь не реагировал ни на какие шорохи и писк. Человек, оказывается, ко всему привыкает очень быстро. Особенно если сознает, что не в силах изменить то, к чему привыкает...

Итак, в девять утра поезд делает мою остановку, я пересеку по диагонали привокзальную площадь и потоплю по аллее в противоположную от центра города сторону. Я уже был в этой части, давно, правда, года два назад, писал тоже по итоговой проверке, но дела у них тогда шли скверно... Сейчас все хорошо—кандидаты в отличники. Правда, перед Виноградовым будет немного неудобно. Я ведь обещал ему, что репортаж в газете о за-

ставе появится, но он не появился. Это у меня, между прочим, первый прокол: забраковал шеф материал. Поначалу хвалил, но дал почитать кому-то из политотделцев—и вернул мне: «Не пойдет. Чего-то там твои герои сотворили, уже после возвращения из Закавказья»...

Вот сейчас и узнаю, что произошло. Скорее всего, сами политотдельцы чего-то напутали: было бы какое ЧП—мы бы с ним через приказ давно познакомились.

3.

Виктор Мандрыкин

ДЕМБЕЛЬ на носу, потому надо быстрее вылечиваться. А в принципе лежать тут хорошо. Ни тебе кухонных нарядов, ни строевой. Блаженны дни, когда по утрам в палату входит Валечка и присаживается на краешек моей кровати: «Больной, готовим ягодицу». У Валечки халатик имеет свойство распахиваться там, где надо, и она делает вид, что не знает это, якобы все свое внимание сосредоточивая на кончике иглы: «Не крутите головой, больной, сейчас будет больно, потерпите». И белая коленочка перед моими глазами, как эфир, мозги туманит, так и хочется в нее лбом ткнуться. «Потерпите!» Говорит, а сама глазами смеется, локтем халатик поднимает. М-м-м!

— Больно, да?

Ну что ей ответить?!

— У тебя колени красивые.

— Это я знаю,—она присаживается на краешек кровати.—А разве это плохо, а? Должно же у человека хоть что-то хорошее быть. Мне бог колени дал, тебе—глаза.

Ее ладошка скользит по моему лицу—от лба до подбородка, задерживается там, и я прижимаюсь губами к пахнущей морской коже.

— Завтра повторная операция, Мандрыкин, знаешь?

Я молчу, лишь чуть шевелю головой, чтоб не спугнуть подрагивающие ее пальчики.

— Специально прилечу завтра, узнаю, как ты.

Встает с кровати, но не уходит, словно ждет, что я скажу.

— Прийти?—спрашивает.

— Только в этом халатике.—Я, конечно, понимаю, что хамлю, но ничего не могу с собой поделать. Если бы мы одни были, а то ведь еще четыре пары глаз пялятся на нее. От этого те слова, которые я действительно хочу сказать, застревают у кадыка.

— Могу и получше кое-что надеть.

— Валя, н-н-ничего не на-надева-вай,—

гундосит распухшими губами лежащий через проход Костя Черновол. Он из авиаторов, прапорщик, на мотоцикле разбился, да так, что только правая рука сейчас не в гипсе.—И кк-ко мне приходи, на кой тебе эти л-лопухи зе-зеленые.

— Да, они без меня обойдутся, а к вам, Черновол, я, конечно же, приду. Ну кто же вам утку принесет?

Под наше ржание Валечка уходит, и Черновол начинает нас учить жить. Ему уже двадцать семь, если ему верить, у него кроме жены любовниц куча, и следовательно, опыта в этом деле не занимать.

— Ст-терва она. Думаете, ей только поговорить с вами хочется? Наш брат их тут шерст-т-тит... Вон как Витька. Ах, колленки, ах, губки, ах, глазки, да не поедете ли со мной в Одессу. А девки-то э-это все лон-нимают, понимают, что нужны нам, пока мы л-лежим, но подыгрывают. На стороне мужика н-не каждая снять отважится, а тут легче, да и про-проверенные. Так что н-не хлопайте ушами, парни. И ты, Витька, н-не хлопай. Вот она сегодня в ночь дежурит...

В палату заглядывает мой постоянный партнер по домино, и я с удовольствием набрасываю на плечи пижаму:

— Пойдем, забьем последний раз перед антрактом.

— Чего так?—спрашивает «козлятник».

— Операция завтра.

— Ага,—говорит он, будто я ему сообщил о том, что завтра, как и сегодня, будет дуть юго-западный ветер.—Слышь, если у меня шестерка, я тебе вот так глазом делаю, смотри, а если пуштышка...

Господи, и никто-то не посочувствует, кроме Валечки! А честное слово, хочется, чтоб кто-то тебя похлопал по здоровому плечу и сказал, что все будет в порядке. Эх, нет никого из роты! Когда летом в Карабахе мы тащили к вертолету раненого Гришу Мезенина, каждый старался хоть чуточку подержаться за плащ-палатку, на которой лежал младший сержант. Будто верили, что ему от этого легче станет. А тут Ненашев пришел: «Вы прекрасно выглядите...» Вроде не в госпитале, а на курорте меня навестил...

Ладно, чегой-то я расхныкался, перед операцией, видно, комплексую.

До обеда забивал «козла», после обеда пошел к Генке Тюрину потреться. Я трепался, а Генка лежал спеленатый, как фараон в гробнице, и блеснул глазом, выглядывающим из прорези бинта. Потом настал час посещения больных, и к нам пришла Вера Васильевна, мама капитана Виноградова. После вчерашнего визита Валерия Петровича мне как-то неловко было смотреть ей в глаза. Не знаю, почему. Конечно же, она к нам приходит совсем не для того, чтобы задобрить нас, чтоб мы лишними разговорами не подвели ротного, и все же...

Нет, я просто злой сегодня на всех. Нельзя так.

К Тюрину, между прочим, и вчера, и по-

завчера пускали, это Ненашев старой информацией пользовался. Тюрин ему не нужен, потому что он говорить пока не может, челюсть в гипсе.

Я проводил Веру Васильевну до ворот госпиталя и ошивался по темным аллеям, пока не стемнело. То разжигал себя, то усмирал. Хреновенько на душе было. Потом поднялся на наш этаж и прямоком пошел в кабинет, где сидела Валечка. Зашел и с порога спросил:

— Хочешь, я увезу тебя с собой в Одессу?

— Ты где пропадал?—она подвинулась на кушетке, словно приглашая меня сесть рядом, и закрыла книгу, лежавшую на коленях.—Тут женщина приходила, разыскивала тебя. Тарасова, знаешь такую?

— Не знаю,—ответил я, сел рядом с Валечкой и посмотрел ей в глаза.—Так ты поедешь со мной в Одессу?

— Конечно, не поеду,—спокойно сказала она.—Меня уже пробовали увозить, Витя. Вот такие же молодые и симпатичные. Так что иди в палату и успокойся. И не принимай меня за... за...

Она резко поднялась и отошла к темному окну. Я сказал ей в спину:

— Мы просто не понимаем сейчас друг друга, просто не понимаем. Спокойной тебе ночи.

Уже лежа в постели, я вспомнил Валины слова о посетительнице. О Тарасовой. Наверное, ошибка какая-то. Не знаю я такую.

Ночью мне приснился дурацкий сон: меня везут в операционную, а майор Ненашев бежит следом с коробкой домино и кричит:

— Если выиграешь у меня—в первую партию уволишься. Только никому не говори, как вы в тот день с Тюриным в городе оказались!

4.

Николай Белов

У МЕНЯ есть своя примета, я ее называю приметой первой встречи. Вот войду сейчас на КПП, доложу о своем прибытии дежурному по части, выведу у него общую информацию и по тому, как сложится этот разговор, уже пойму, удачной или нет будет командировка. Хорошо, если дежурный заулыбается и сразу начнет названивать в столовую: попоите, мол, корреспондента чайком, да не пожалейте варенья. Хуже, когда он про мой желудок не вспомнит, а примется пристально изучать мою командировку, потом удостоверение личности, потом спрашивать, почему ему неизвестно, что в часть должны приехать из газеты... И уж совсем дело дрянь, коль тебя встретят фразой, пре-

тендующей на шутку: «А, писаки пожаловали, сказки о нас сочинять»...

Я плохо переношу, когда нашего брата не уважают, хоть и выдавливаю улыбочку на лице, но начинаю психовать. Мне, правда, всего двадцать шесть, в мои годы нервы должны быть еще железными, но я добрых полдня твержу сам себе, что все в этой части недоброжелательны, норовят тебя как-то уколоть, потому строки в блокнот не пишутся, и хочется тотчас сесть в поезд и уехать в редакцию...

Дай бог, чтоб сейчас мне предложили чаю.

А дежурного, оказывается, нет: отдыхает. Его помощник, прапорщик с некрасивыми белыми усами, встречает меня по четвертому, не предвиденному мной варианту:

— А я вас помню, товарищ капитан. По Лачину. Мы оттуда в Кубатлы вместе ехали, я почту вез.

Дверь КПП открылась, вошла женщина, и я чуть посторонился, пропуская ее к окошку.

— Это опять я,—сказала она.—Что, так никто из начальства и не появился?

— Пока нет.

— А вы...—вернулась она ко мне, но прапорщик ее тут же перебил:

— Нет-нет, это командированный, только что прибыл.

Я глуповато затряс головой, поймав на себе усталый ее взгляд. Высокая, длинноногая, немногим старше меня. Еще не знаю, почему, но уверен: такая может постоять за себя. Нет, не жаловаться пришла.

— Тогда вот что,—сказала она опять в окошко.—Запишите мой телефон. Шестидесят шесть, тридцать шесть, шестьдесят три. Пусть ваш командир позвонит, в любое время суток... Впрочем, через полчаса я еще раз сама забегу. Хотя, думаю, и вы могли бы мне помочь, если бы не играли в военные тайны. Мне ведь всего фамилии нужны.

— Я передам командиру вашу просьбу.

— Заодно передайте и то, что я настырная, очень прошу об этом.

Резко повернулась, ушла, лишь тонкий запах духов остался еще на какие-то секунды возле меня.

— Кто такая?

— А,—прапорщик неопределенно махнул рукой и потом аккуратно расправил усы.—Разыскивает двоих военных, думает, они из нашей части.

Ну вот, когда ладонью прикрыл усы, я и вспомнил того, с кем ехал в уазике по горному серпантину. Фамилия у него еще интересная...

— Демерза?—спросил я.—Павел Демерза?

— Так точно, товарищ капитан.

— Прошел бы мимо, не узнал. Усы лицо изменили.

— Ага,—согласился прапорщик.—Сам к ним никак не привыкну. Но мне же губу там дорвало. С «градобойки» нас обстреляли; снаряд в скалу попал, и галька—

прямо под нос. Два верхних зуба в горло влетели. Теперь с золотом во рту хожу: теща обручальное кольцо отдала, с него новые зубы и сделали. А теща, кстати, вас знает. У нас фотография висит: вы со мной беседуете. Хороший снимок. Солдатик снимал. У меня и негатив есть. Если хотите—подарю. Приходите вечером в гости, а? У нас свой домик, сад, виноград, груши...

— Спасибо. А что, командира действительно нет?

— Уехал с комиссией на стрельбище проверять, все ли там к ночным стрельбам готово. Завтра же огневую сдаем.

— А из политотдельцев кто на месте?

— Замполит, майор Валерий Петрович Ненашев.

Ненашева я не знал. Он не из местных. с Севера приехал, где восемь лет оттрубил. Эту информацию записал в блокнот, когда, еще в командировку собирался. Ладно, сейчас познакомимся.

Замполит сидел не за столом, а на одном из стульев, расставленных вдоль стены. Рядом с ним—ефрейтор, ссутулившийся, зажавший ладони между колен. Демерза наверняка позвонил Ненашеву, доложил, кто к нему идет, потому при моем появлении офицер встал, не дав мне представиться, протянул руку:

— Рады прессе, рады,—и к ефрейтору: —Пока все, Ильин, идите. Подполковник Овчинников прибывает, я ему доложу обо всем.

Он подождал, когда за Ильиным закрылась дверь, и пояснил:

— В отпуск просится. По семейным обстоятельствам. Мать, говорит, тяжело больна. Телеграмма от соседей пришла, да незаверенная. Как тут быть?

— Наверное, поверить, что не врет,—с ответил я.—По логике здравого смысла.

— А по приказам?—опять спросил замполит и, не дожидаясь ответа, сам и продолжил:—Врунов хватает. Но нельзя всех в нечестности подозревать. Правильно, пусть едет. Мама—это мама, и если действительно с ней что-то серьезное, а мы его не отпустим, солдат нам этого не простит, правильно?

Потом мы с Ненашевым завели речь о целях моей командировки, о том, в какой роте лучше поработать. Я надеялся, что он роту Жени Виноградова порекомендует, но ошибся. Пришлось прибегнуть к дипломатии:

— Я в Закавказье с капитаном Виноградовым познакомился. Толковый вроде командир. Хотелось бы повидаться с ним, может, очерк написать.

— О нем?—вроде бы удивился замполит, но тотчас вновь приятно улыбнулся.—Он на хорошем счету. Но для очерка есть более достойные кандидатуры.

На хорошем. Значит, никакого ЧП у него не было. Почему же тогда сняли мой материал? Ну да ладно, не стоит пытаться Ненашева, раз сам говорить не хочет. Я записывал в блокнот фамилии тех, с кем мне замполит посоветовал встретиться, когда раздался телефонный звонок.

Ненашев снял трубку, долго выслушивал чей-то голос, потом тяжело вздохнул:

— Хорошо, позвоню. Как ее отчество? Виктория Сергеевна? Еще раз номер продиктуй... Шестьдесят три, есть. Ты ей мягко ответь, что Овчинникова сегодня не будет. Настырная, говоришь? Ну, ладно, пусть ждет. Правильно?

Скорее всего, это звонит прапорщик Демерза. Как и обещала, пришла вновь та

женщина. Черт, напрасно я с ней не поговорил. Кого она все-таки ищет?

Ненашев закончил разговор, извинился: — Прямо хоть отключай эти телефоны, поговорить не дают. Впрочем, и выручают часто тоже. Вот будем сейчас с гостиницей связь устанавливать, просить для вас номеров. Люкс или необязательно?

5.

Виктор Мандрыкин

КОГДА режут и кости мои ворошат — не больно. Боль позже начинается, когда ты уже лежишь в палате и чувствуешь, что отходит наркоз. Губы становятся сухими, а по лбу ползет пот. Хреноватенько. Даже орать хочется. Хорошо, сестры чувствуют, когда надо прийти и сделать укол. Не дай бог, если не так начнет сростаться ключица и меня по-новому повезут в операционную,—сбегу!

А Валечка не пришла, как обещала. Обиделась на меня. А напрасно, я же на полном серьезе предложил ей уехать со мной в Одессу. А чего? Одесса ахнет, девочка что надо. И предки будут рады: «Может, хоть она тебя заставит за ум взяться, а то гуляешь ночами...»

Было дело. Невест—как грибов после дождя. Хорошие невесты. Одна даже сюда приезжала, в гостинице жила. А меня в увольнение не пустили, пришлось дырку в заборе искать. Из-за этого на «губу» и сел. А я ведь просился в увольнение, первый раз за всю службу слезно просился. Не отпустили. Был бы Виноградов, он был дал увольнительную, но ротный в отпуске был, дела свои семейные утрясал.

Бардак дома у ротного. Пока он с нами сначала по Азии, потом по Закавказью ездил, Леночка, дочь его четырехлетняя, успела подзабыть папку. Вернулся наш капитан после обеда, до вечера Леночку с рук не отпускал, а вечером она ему и выдала:

— Ты сказки умеешь рассказывать? Дядя Володя мне все время сказки рассказывает.

И пошло-поехало. Жена в слезы: «Да как ты можешь, дурачок, такое думать?» А он: «Ах, так я еще и дурачок... Кто же из умных сюда бегал?»

В эпоху нашей гласности, даже если захочешь, ничего не утаишь. Соседи тут же шепнули: «С вашей же части, высокий такой, тоже капитан, когда сюда въезжали, вещи помогал вам носить».

Трофимчук из строевой части—вот кто «сказочник».

Как говорят у нас в Одессе, «гарные люди, потому и грызутся».

Жена Виноградова в роту на Новый год приходила, приносила свои торты. И тан-

цевала с нами. Если бы не ротный, я бы ее в Одессу увез, вместе с дочкой. Я бы ей собственноручно корону из золота выточил, и была бы она королевой города. Волосы пышные, золотые, по плечи, глаза все время смеются... Смейлись, вернее.

Трофимчук—мужик неплохой, свой. Когда мы возвращаемся из командировок, он мячи с нами по выходным гоняет, в театр водит. Жена от него ушла, когда Трофимчук с Чернобыля вернулся. Он в госпиталь лег, на профилактнку, а она укатила к маме в Новосибирск. Узнала, сколько он там на себя цезия и прочей гадости нацеплял, и укатила. А Трофимчук и вправду захирел. Все реже в футбол играет, больше—как болевщик.

Теперь о самом Виноградове. Одно скажу: жалко, если его от нас переведут, пусть даже на повышение... Хотя мне-то лично должно быть все равно, мне домой скоро, в Одессу, знакомить родителей с Валечкой...

Черт, как болит плечо! Я, кажется, подываю, и Черновол, заикаясь, костерит кого-то из наших ходячих:

— Ч-чего лежишь? Давай за ня-ня...ня-нечкой топай.

Представляю, какая у меня сейчас видуха! И очень хорошо, что колоть меня приходит бабка Николаевна. Эта, кроме своей иглы и моей ягодицы, ничего не видит, а если и увидит, все равно даже слова не проронит, как войдет, так и выйдет с поджатыми тонкими губками. Дело свое, правда, знает классно, порой и вовсе не ощущаешь, как игла входит в тело.

Все, полечало. Так, на чем я там остановился? Ну да, Виноградов. И Наташа с Леночкой. И Трофимчук. Господи, мне-то это все на кой ляд?

Помню одну из первых бесед с Валерием Петровичем. Он в батальон тогда только пришел, и каждого солдата в канцелярию вызывал, для лучшего, так сказать, знакомства. Заходишь—перед ним блокнот открытый, авторучка, и он все это в сторону отодвигает, мол, не для записи разговор предстоит, а так, по душам. И двигает он этот несчастный блокнот туда-сюда столько раз, сколько ребят для отпущения грехов к нему входит. Мы встречи с замполитом так и называли—отпущение грехов. Ну вот и моя очередь настала. Бумажки в сторону, в ручке стержень утопил, тоже ее отложил и начал: где жил, где учился, чем занимался, с кем переписку ведешь, что на будущее свое мыслишь? С одной стороны, вроде как допрос, а с другой—умеет зубы заговаривать Петрович, надо отдать ему должное, нормальненькая беседа получается.

Ну, жил я, ясно, где, у самого синего моря. Учился в школе номер... Впрочем, это неважно, да? Оценки нормальные были. И тройки—как же без них? Но в институт поступил без проблем. И без проблем вылетел оттуда через год. Потому, что скучно стало. Появл: не то выбрал.

Сдал за первый курс и перестал появляться на лекциях. А что родители, они у меня современных взглядов, вполне спокойно к этому отнеслись. Папа в порту работает, инженер, мама—технолог. Они единственно чего боялись—чтоб я не женился до армии. Была ли у меня девушка? О, это сложный вопрос. Ждет ли кто-нибудь из армии? Если на предмет выйти замуж—то нет, все леди Одессы уже поняли, что я не слишком серьезный человек.

— А с той, ради которой вы в самоволку пошли, тоже у вас ничего серьезного?—спросил Валерий Петрович.

И тут меня, я это сам почувствовал, повело не туда немного. Надо было бы, конечно, смолчать или какие-нибудь общие слова вспомнить, но я на рожон полез.

— А вы, — говорю. — товарищ майор, никогда к девочкам не бегали и никогда и ни от кого вам за это не перепадало? Или вы женились на той, с которой с детства дружили? А как зовут ее родителей?

Валерий Петрович не совсем меня понял, нарисовал на лице елеиную улыбочку и попросил:

— Вы, Мандрыкин, мне сразу все вопросы выскажите, их ведь у вас еще много, правильно?

— Правильно,—отвечаю я его же любимым словом.—Но я еще только один выскажу, правда, тоже бестактный. Можно?

Смотрит на меня Ненашев, ждет.

— Товарищ майор, нас все, от взводного до начальника войск, пытаются и кто мы, и что мы, и как жили, и как жить думаем. А вот почему солдату нельзя такие вопросы командиру задавать? Вот почему мне нельзя сейчас пойти к подполковнику Овчинникову и спросить, ладит ли он с тещей?

Улыбка на его губах не пропадает, но вроде как бы съезживается:

— Понимаете, Мандрыкин, есть этика отношений между старшими и младшими...

— А если у меня с командиром взвода разница в три года?

— Не перебивайте, послушайте меня до конца. Так вот, этика отношений между старшими и младшими, командирами и подчиненными, она строилась на взаимном уважении и начала разрушаться давным-давно.

— Давно, я согласен. Еще древние говорили: что положено Юпитеру—не положено быку. Только какое ж тут взаимное уважение? Право сильного, вот и все.

— Мы с вами еще поспорим на эту тему,—сказал Ненашев,—но позже: мне пора на совещание бежать...

Я почему Ненашева вспомнил? Потому что не могу, вот просто не могу подойти к капитану Виноградову и попросить его пройтись по городскому парку. А там присесть на скамейку, что возле озера, бросить диким уткам корку от булочки и сказать: «Евгений Данилович, я ведь вашу Наташу знаю очень хорошо. Я на Новый год танцевал с ней, и она рассказывала о

вас, Евгений Данилович. Такой человек, как Наташа, не может предать, и вы... и ты, командир, просто сорвался, тебе изменяла выдержка, потому что ты выдохся там, в горах, потому что невозможно все время жить в режиме ожидания плохого, и вот—сорвался, в простейшей ситуации. А ведь из каких ситуаций там, в Лачине, выходил!»

6.

Николай Белов

ГОСТИНИЦА называется «Театральная», номер у меня одиночный, и есть все условия для работы: стул, настольная лампа... Я материалы зачастую в командировках и пишу, по горячим, так сказать, следам. Сейчас пока не пишется: мало информации. Итоговая проверка—до журналиста ли тут кому? Да и людям мешать не хочется. Так что буду пока накапливать впечатления.

Солдаты хоть и суетятся, а улыбаются, шутят между собой. Ни разу не слышал, чтоб кто-то из офицеров заругался или голос повысил. Факты? Факты! А два года назад тут стоял сплошной мат-перемат, и приказы не отдавали, а отряжкивали на всех уровнях. Удачное слово, надо записать в блокнот, пока не забыл.

Возможно, с приходом майора Ненашева здесь такие изменения? Он мне понравился.

Тактичный, мягкий. Знак, что в Степанакерте был, получил благодарность от московского начальства... А что, можно и о нем зарисовку написать...

Жаль, не увидел Женьки Виноградова, но зато узнал, почему «зарубили» мой материал по Закавказью. Опять же Ненашев просветил. «Не хочу, чтобы вы пользовались слухами и разными вымыслами. Уж коли сами заговорили о капитане Виноградове, то слушайте, что с ним произошло...»

На второй день после возвращения из Закавказья мой капитан зашел в кабинет к капитану Трофимчуку, и... И минут через пять офицеров пришлось, можно сказать, растаскивать. Они готовы были друг на друга с кулаками кинуться, хотя друзьями считались.

Ненашев, естественно, тут же побеседовал с каждым, но—без толку. Пришлось более длинными путями все выяснять. Когда Виноградов в командировке был, батальон закупил картофель и овощи для офицеров, прапорщиков. Трофимчук по домам мешки да ящики развозил. Естественно, завез и Наташе. Потом в военторге сосиски давали. Взял, отнес Виноградовым. Потом так получилось, что Наталья в школе задержалась, собрание с родителями своих учеников проводила, и позвонила Трофимчуку, попросила Леночку из садика забрать. Потом они в выходной в кино ходили, втроем на дневной сеанс, потом он с тортом пришел поздравить Леночку с четырехлетием, сидели, чай пили. И еще пару раз забегал... Что там было, чего не было—кто теперь скажет, но Виноградов просит, чтоб его перевели, Трофимчук настроен хоть на Сахалин ехать...

Но и это еще, оказывается, не все. Через пару недель страсти вроде улеглись, тем более, что Трофимчук жениться собрался, и тут Виноградов еще один финт выкинул. Забегав вечером в квартиру к Трофимчику, обзывать того начал, выгнал на улицу невесту. Был бы выпивши—хоть водкой можно было такое поведение оправдать, но Виноградов спиртного на дух не переносит.

Эта история огласку получила, не замолчать ее теперь, придется разбираться уже основательно и до конца, но, естественно, после итоговой...

Всю информацию, полученную от замполита, я перечитываю в блокноте и думаю, стоит ли мне теперь стремиться к встрече с Виноградовым. Ему не до меня, да и я—что я могу сделать? Очерк о ротном, конечно, не получится, но не о том речь. Не знал бы я Женю по Карабаху, я бы, вполне возможно, совсем по-другому воспринял слова Ненашева, расписал бы ссору офицеров в фельетоне, это в худшем случае, а в лучшем — просто подумал бы: ну вот, еще одну женщину не поделили.

Но я-то Виноградова знаю! Насчет пуда соли—это сказка, иногда человека и за пять минут узнать можно.

...Воды на заставе не было, ее привозили с горной речки, протекавшей по дну ущелья, и проехать к ней можно было только через небольшое азербайджанское селенье, черт-те как умудрившееся примоститься меж каменных валунов. На «бэтр» погрузили бидоны, и сержант Ярема с четырьмя солдатами отправились на «водопой». Вернулись через час. Привезли еще ведра три яблок и груш—сельчане угостили.

На следующее утро я проснулся рано, решил пойти на дальний пост,—он был в полукилометре от вагончика,—и встретил хмурого ротного. Попытался было узнать, в чем дело, но услышал уклончивые ответы и понял, что лучше не приставать: придет время—сам расскажет, если сочтет нужным. И точно: вечером, у колеса «бэтра», он заговорил:

— Представляешь, они не только яблоки, орлы мои,—они и фляжку тутовой водки привезли. Старик фляжку дал, сказал, там квас, они и взяли. А в дороге попробовали...

— Выпили?—спросил я.

Виноградов досадливо поморщился:

— Да это, Коля, меня не волнует. Парня зрелые, сами знают, и что вместо водки подсунуть могут, и что такое хмельная голова на посту. К тому же, флягу Мандрыкин взял... Я о другом. Фискал появился. Нашептал мне на ухо обо всем.

— Ты чего, Женя?—изумился. —Он же пьянку предотвратить хотел.

— Они выпьют только тогда, когда я им перестану доверять, когда начну подозревать и следить за ними. Когда я им покажу, что мы не в равных условиях, понимаешь? А если понимаешь, то скажи, что мне делать с доносом?

На следующий день Виноградов повел

меня на маленькую каменную площадку, расположенную на краю обрыва, протянул бинокль:

— Смотри, дикая айва растет, видишь?

Одна из веток дерева согнулась под тяжестью пластмассовой литровой фляги: при падении та запуталась ремешком в жестких корявых побегах.

— Полная фляга. Но я не знаю, как быть с тем, кто... Он новичок в роте. Как думаешь, поймет сам, а? Поймет, что у нас все на полном доверии?

...Я знаю Виноградова.

Или Ненашев в чем-то ошибается, или у Жени была действительно серьезная причина врываться в кабинет к Трофимчику.

В дверь постучали.

— Товарищ капитан, можно?—входит Демерза, разглаживает смешно топорщащиеся усы.—Товарищ капитан, дело такое: теща к ужину ждет. Говорит, не приезжай без журналиста.

Видно, прочтя растерянность и нерешительность на моем лице, он выложил один аргумент:

— И потом, у нас прямо за огородом река. Вы, знаю, рыбак, и к вечерней зорьке мы успеем. Если, конечно, мне вас долго упрашивать не придется. Но учтите: у меня не получится—тещу сюда привезу.

Павел жил в пригороде, в небольшом доме, до крыши увитом виноградом, и только окна как-то исхитрились проглядывать сквозь плети и побеги. С крыльца сбежал парень в спортивной куртке, принялся открывать ворота. Открыл и пошел к въехавшей во двор машине, распахнул дверцу с моей стороны:

— Ну, здравствуй!

Передо мной стоял Женя Виноградов.

7.

Виктор Мандрыкин

...ИЗ КАКИХ ситуаций выходил капитан Виноградов! Взять хотя бы случай с радией.

Дорога, у которой стояла наша застава, была как бы полуживой. Боялись по ней ездить армяне—азербайджанцы могут обстрелять, по той же причине—страх!—не появлялись и азербайджанские машины. По утрам на асфальт выползали греться гурзы.

В общем, за сутки к шлагбауму подрывало машин пять-шесть. Люди ехали по самым неотложным делам: на свадьбы, похороны, чтоб навестить больного родственника... Вот и водитель кремowego «жигуленка», тормознув у шлагбаума, сказал, что едет на день рождения к племяннику. Я как раз его машину осматривал, а он мне рассказывал, какой славный этот десятилетний юбиляр. Вез дядя племяшу две

огромные сумки подарков. Среди поездов, машинок, детских телефонов и пистолетов я и нашел нечто вроде мыльницы. На красном пластмассовом корпусе — иероглифы, ручки настройки, как на приемнике...

Виноградов эту штуку нашему связисту ефрейтору Мезенину показал, и тот с ходу определил:

— Рация, товарищ капитан.

Мы и автоматы, и гранаты в машинах находили, и в принципе ничего удивительного в новой находке не было бы, если бы рация не оказалась настроенной на нашу волну. А так вышло, что все переговоры, которые ротный вел с базой, эта проклятая импортная «мыльница» пересказывала тому, кто не должен был их слушать.

И вот в тот же день, но уже к вечеру, база сообщила: недалеко от заставы из вертолета высажен отряд вооруженных людей — мы слышали шум вертолета — и направляется к одному из поселков. Наша «вертушка» сейчас дозвонится, и поэтому Виноградову надо перекрыть горную тропу и не допустить, чтоб боевики напали на поселок.

«Идем на операцию все, оставляем только радиста», — ответил базе командир и тут же отключился. Крайне глупо, конечно, ответил, даже мы, солдаты, переглянулись, а начальство на базе, наверное, сейчас пальцем у виска крутит: съехали, мол, шары у передового офицера. Выйдет он сейчас на повторную связь...

Виноградов, похоже, того же боялся, с опаской поглядывал на рацию, пока инструктировал нас. Он с двумя бойцами спускается вниз, — да, тропу и втроем удержать можно, она, как и другие стежки, уже азучена нами, — ефрейтор Мезенин сдается у вагончика, остальные во главе с сержантом Ярёмой спускаются лишь метров на пять, потом под прикрытием валунов по одному возвращаются, занимают места в окопах и «бэтре» и сидят там как мухи, тихо и недвижимо.

Теперь все стало понятно. Если боевики нас продолжают прослушивать, то вряд ли рискнут подставиться под автоматы на тропе, если захотят захватить заставу и ударить нам в тыл, — их встретит Коля Ярёма.

Я ушел с первой группой — с командиром. «А знаешь», — сказал Виноградов, — на базе молодцы, догадались обо всем, не стали повторно на связь выходить. Я же им докладывал о рации. Догадались».

«А если и боевики догадаются, товарищ капитан?»

«На это и рассчитываю. Не сунутся ни сюда, ни наверх».

Сунулись.

На тропе их было одиннадцать, и когда все они вышли на ровную площадку, — как на сцене пред нами предстали, — Виноградов сказал мне: «Ударь по скале, над головой, только не зацепи».

Я выпустил очередь, а секундой спустя пули Лехи Мухина срезали кустарник

там, где бандиты только что прошли. Это означало, что назад им путь заказан: простреливается. Наш капитан приказал им оставить оружие, снять армейские камуфляжные куртки и уходить восвояси.

«А в спины стрелять не будешь?» — крикнули оттуда.

«Дураки», — сказал Виноградов. — Разве не понимают, что мы бы могли их и сейчас, как кроликов?.. — но все же ответил: — Не буду».

«Верим тебе, Виноградов», — они знали многое, даже фамилию командира, но я не удивился, я разучился удивляться на этой странной, никем не объявленной войне.

Они ушли, а я отправился собирать оружие. «Не подставляйся», — попросил командир. — Они могут... В общем, не подставляйся». Обвешанный автоматами и винтовками, я собирался возвращаться, когда точнехонько над моей головой стукнула о камень пуля, завизжала, срикошетив. Это били из «макарова». Капитан и Мухин ответили длинными очередями, я под прикрытием их огня благополучно добрался до безопасного места.

Мы уже поднимались, когда наверху прожужжал вертолет, а через минуту после этого загремело выстрелы там, где стояла заставка. Забубнил наш пулемет...

Бой закончился до того, как мы присоединились к своим. От них уже и узнали все подробности. Вертолет без опознавательных знаков сел метрах в трехстах от вагончика, десяток боевиков, не таясь, побежали к заставе. Ярёма дал короткую очередь вверх, но это их не остановило, они открыли огонь на бегу, наверное, были уверены, что оборону держит лишь один связист...

В общем, наш пулемет ударил по вертолету, тот сразу же взлетел, не набирая высоты, пошел над землей, врезался в деревья и рухнул метрах в двух от начала ущелья. Можно сказать, повезло вертолету. Атаку боевиков отбили без особых проблем: бородачи бежали, оставив трех своих. Их и забрала вскоре на борт наша «вертушка». Туда же мы отнесли и Гришу Мезенина: пуля прошла ему правый бок. Гриша улыбался синими губами и успокаивал нас: «Да не волнуйтесь, ребята, все нормально, мне ни капли не больно». Медик тоже утешил: ничего важного пуля не задела. А подполковник Овчинников, опершись о шлагбаум, смолит одну за другой сигареты, выслушивал Виноградова, задавая ему короткие вопросы, и прежде чем уйти в drogнущий уже от оживших винтов «Ми-8», полубоялся нашего ротного за плечи: «Молодец, Женя».

Так сделал Овчинников, чопорнейший наш комбат, которого мы и курящим никогда не видели, который и с офицерами, и с солдатами только на вы, который ни разу при нас не улыбулся и не нахмурился. Овчинников, которому наши дали кличку «дистанция», потому что...

— Привет, больной!

Я отрываю глаза от потолка и смотрю

на Валечку. Она проходит мимо кровати Черновола, тот выбрасывает навстречу ей руку, пытается дотронуться до бедра, но медсестра зло, что непохоже на нее, бросает:

— Убери, а то и эта в гипс попадет.

Черновола не дурак, понимает, что Валечка не шутит, и молча принимает, так сказать, первоначальное положение. А она идет ко мне, садится на стул:

— Телефон мой оборвали, звонят и звонят, персональные приветы передают. Знаешь таких...

Она вытаскивает из кармана халата листок, зачитывает фамилии, и я после каждой дергаю головой. Наверное, в роте нет никого из офицеров и ребята звонят из канцелярии. Дорвались.

Валечка умолкает, перечислив, кажется, весь личный состав, а также фамилии двух моих знакомых девчонок, я с ними в увольнениях познакомился.

— Спасибо,— говорю я, но она молчит.

Молчание это затягивается, мне оно не нравится, и потому я пробую осторожно хамить:

— Вот видишь, как меня ценят и любят. Одной тебе я до лампочки. Почему не хочешь за меня замуж, а?

Черноволу она только грозилась вцепиться, а мне может сейчас и врезаться, вон как глаза темнеют, как туча дождевая. Но, кажется, обошлось, голос у Валечки уже не злой, хоть и не веселый:

— Фамилия у тебя некрасивая: Ман-дрыкин. Мне она никак не подойдет.

— Согласен взять твою девичью! Но ты свистишь, Валечка, ты просто за калеку выходить замуж не хочешь.

Она резко встает и идет к выходу. У самой двери останавливается, опять переходит на вы:

— Да, Мандрыкин, опять Тарасова звонила, та, которую вы не знаете. Так вот, сегодня она придет к сем.

Бог с ней, с Тарасовой. Пусть приходит, познакомимся. Меня другое больше заботит: чего это медсестра психует? Опять я неудачно пошутил?

8.

Николай Белов

С ЖЕНЕЙ я встретился, конечно же, не случайно. Он с комбатом и проверяющими весь день на стрельбище были, но Демерза по телефону разыскал-таки его там и рассказал о моем приезде. Так что не только теща белоусого Павла ждала меня в этот вечер.

Карасей ловил один Павел, а мы с Виноградовым сидели на перекинутой раскошей лодке и провожали взглядами заходящее апельсиновое солнце.

«Не приглашаю вас, сударь, к себе до-

мой... Вы, конечно, уже слышаны о моих семейных новостях? Ненашев посвятил?»

«Он не хотел, чтоб я выслушивал слухи и сплетни».

«Что ж, правильно. Нет, вообще-то он неплохой мужик, Ненашев, любит во всем копать, и поэтому лучше бы ему не вникать в это дело».

«Боишься, что накопает не то?»

«А что там копать, все на поверхности. Кругом, сударь, я одна виноват».

«В чем, если не секрет?»

«А, это так просто не рассказать. Вот у робота программа есть, и он по этой программе живет свою железную жизнь. А если что из незапланированного перед ним возникает — предохранители у него горят. Вот и у меня — сверх программы... И не выдержал».

У ног шлепнулся карась цвета невызревшей, красной еще луны. Мы оба вздрагиваем от неожиданности, а Демерза смеется, подходя к нам и на ходу сматывая удочку:

— Четыре красавца, каждый со сковородку. Хватит. Пойдем жарить и кушать блины. А потом я вас развезу на машине.

Демерза высадил нас с Виноградовым возле гостиницы, и мы немедленно пошли по аллее вдоль пустых скамеек.

— Не хочется идти домой, да?— спросил я.

— Да как сказать. Нет, Коля, в принципе там у меня все нормально, и Наташа — умница, поняла, что я просто сорвался, и дочь — чудо, и мама вот приехала... А я бы сейчас взял и уехал месяца на три. В вагончик тот.

— Зачем, Женя?

— А хрен его знает, зачем. Наверное, чтоб быстрее все забыть.

— Скажи, а на квартире у Трофимчука ты чего скандал устроил?

Женька поднимает с асфальта блестящий темный каштан, подбрасывает его на ладони:

— А потому что и Трофимчук такой же дурак, как я. Жениться на ком решил? Ее в каждой подворотне пацаны знают, а он... Я бы еще понял, если бы из жалости, а то ведь... Наташа сказала: это, мол, чтоб у нас с тобой все нормально стало. Ну, я и пошел к нему, дабы заверить, что жертв не принимаю. Нормально поговорили, да невеста обиделась, что срываются ее планы, вот и побежала жаловаться. Ненашев, естественно, узнал.

— И что он? Взгрел за развал будущей семьи?

— Да нужны ему наши семьи! Его-то задача какая главная? Чтоб воинский коллектив не лихорадило, чтоб Виноградов и Трофимчук не допрыгались до персональных дел, чтоб высоко начальство батальон не склоняло.

— Чинуша, значит.

— Ну вот,— Женька швыряет каштан, и тот разбивается о бетонное основание

уличного фонаря.—Забываю, что с газетчиком дело имею. Замполит—мудрый мужик, он занимается тем, за что с него спросят. А спросят с него, сударь, за меня и Трофимчука, за неуставные отношения между офицерами. На большее у него нет времени и возможностей, честное слово. Мы тут вот ходим, а он, знаю, в кабинете торчит, обдумывает с командиром, как бы покрасивше сделать, чтоб проверяющие не лезли, куда не надо.

— Но вам-то чего бояться? По всем статьям передовики.

— Потому и передовики, что боимся. Вам, сударь, никогда не приходило в голову, что мы живем в постоянном страхе? Вот ты лично почему отказался от рюмахи, которую тебе мама Демерзы предлагала? Чтоб мы не заподозрили в тебе пьяницу? Там, внутри, у тебя эта мысль разве не сидела? И наш правильный Ненашев чего-то боится, и командир, и начальник войск, думаю.

— Ну, у них, допустим, не страх, а ответственность.

— Тебе кажется, я эти понятия путаю? Нет, сударь. Ответственность ответственностью — в горах я, к примеру, сознавал, что за каждую операцию и за каждого солдата отвечаю, — а страх страхом. Кому страшно, тот в бой не идет, понимаешь? Там из нас никто не отсиживался, там мы под пули шли, а тут... А тут Паша Демерза, знаешь, чего испугался? Что ты женщине вопросы задавать начнешь. «Я,—говорит,— аж похолодел».

— Какой женщине?

— Когда ты только приехал, она на КПП стояла. Да ты на нее, наверное, и вниманья не обратил.

— Это которая настырная. Вообще-то стоило, конечно, поинтересоваться, чего она хочет. Но ведь начальство же спрашивало. Что она могла такое мне сообщить, что даже Демерза, под обстрелом побывавший, сдрейфил? Все-таки, значит, жаловаться приходила. Хотя непохоже...

— Женья, а если я все-таки поговорю с ней? На кого она компромат даст?

— На меня, Коля, опять на меня. Но—поговори. Поговори, ладно?

9.

Виктор Мандрыкин

ПРИШЕЛ врач, обошел всех, нигде не присаживался, а возле меня приземлился.

Я люблю угадывать поступки и дела окружающих. Часто получается. Вот и сейчас предчувствие такое, что доктор пришел сказать мне гадость. Бодренько на меня смотрит, а губы кривятся. О самочувствии спрашивает, об аппетите, о том, сколько писем из госпитяля домой написал.

— А вы,—говорю,—гипс снимите с правой руки, а то ведь я левой не умею ручку держать. Сегодня снимете — сегодня и письмо напишу.

— Не снимем,—говорит врач.—И лежать тут тебе, Мандрыкин, до холодов, боюсь, придется.

Ну вот, точно напророчил. Неужто у меня кости уже такие старые, что не растроятся? Однако лучше не спрашивать, а то этот нехороший человек, мне кажется, еще кое-что для меня припас. Ждет ведь, что начну его вопросами засыпать, глаза испуганные делать. Ничего, пусть ждет. Пусть без расспросов выскажется, так честнее и понятней будет.

— Я говорю, Мандрыкин, повозиться нам с тобой еще придется. Ты все что мог себе поломал, на коже рука только и висела. Знаешь, сколько часов я тебя штопал?

Надо оторвать глаза от потолка и повежливей посмотреть на доктора: иначе он сочтет меня совсем уж неблагодарным. И сказать ему что-нибудь приятное.

— Она вообще-то... заработает у меня?

Хреново, товарищ Мандрыкин, сипит голосочек, вроде как со слезой. А Гиппократ — ну нет же сразу утешить, паникером назвать — паузу выдерживает.

— Будем надеяться,—говорит после нее.

— Одной де-де-девочке вообще ногу оторвало,—гундосит с кровати Черновол, наверное, желая меня утешить.—Ей я-чующую пришлили—и ни-ничего!

Голову бы ему оторвать за такое утешение. Мне своя рука нужна. Пробую пошевелить под гипсом пальцами и чувствую, что к горлу подкатывает тошнота. Это потому, что не получается у меня ничего. Реакция на страх. Темнеет в глазах и не хватает кислорода. Жидковатый я, оказывается, даже не ожидал.

— Будем надеяться,—поспешно повторяет врач, узрев мое состояние.—Сиделку тебе разыщем. Афанасьеву, к примеру. Она хоть и не операционная сестра, но всю операцию возле тебя крутила. Я пару раз на нее даже рявкнул, чтоб не мешала.

Приходила-таки Валечка Афанасьева! Это я под наркозом балдел, ничего не замечал, а она—приходила! Даже не знаю, почему, но приятно, черт возьми, слышать такое.

После доктора в палату входит она — легка на помине! Черновол опять извивается под бинтами, желая обратить на себя Валечкино внимание:

— С-сестра, мне со-совс-сем плохо, п-посиди рядышком!

— Это вам не поможет, товарищ больной. Давайте я вам лучше клизму поставлю, чтоб полегчало.

Мы хохочем, хохочет и сам Костя, а Валентина подходит к моей кровати, и тени улыбки нет на ее лице.

— Врач говорил: вам, Мандрыкин, сиделка нужна? Можно спросить, зачем?

— Раз врач говорит, значит, нужна,— отвечаю я.—Вот хотя бы письмом домой написать. Я ведь, как очень прилежный сын, через день весточки им слал, а теперь...

— Диктуйте.

Она по-прежнему стоит, очень серьезно смотрит на меня, руки держит в карманах халатика.

— Значит, так.— Я откашливаюсь, настраивая голос.— «Здравствуйте, дорогие мама и папа, пишу вам письма ваши дети— Витя и Валечка. Вы со мной еще не знакомы, но...»

Парни на койках хихикают и фыркают. Я смотрю на Валечку. И понимаю, что я законченный дурак. Все не к месту и не к месту шучу. Слезинки смывают с ее ресниц тушь, и темные кляксы расплываются под глазами. Лучше бы она сейчас наорала на меня, сорвалась с места и убежала, но Валечка как-то повинно опускает голову и идет к выходу. Остановить ее надо, но как? Но что сказать, чтоб она хоть бы оглянулась?

— Фу ты ну ты,—ворчит Черновол.— Ч-чего она, а, Мандрыкин? Обиженную д-де-девочку из себя к-корчит. Ц-цену набивает, что ли? Знаем мы этих с-се-сестричек, их тут наш брат... Ты чего, Мандрыкин?!

А я уже стою возле его кровати и жуку сквозь зубы:

— Если ты еще хоть слово... Если ты... Не трогай Валентину, понял?

— Да кто ее трогает-то? Ты что, еще и головой ударился, что ли?—и уже в спину мне, совершенно не заикаясь:— И вообще, пацан, на кого выступаешь? Я тебе кто? Ты у меня, салажонок, схлопочешь...

Валечка стоит в коридоре у окна и, наоборот, сама не замечает, что слезы льются по щекам. Я топчусь за ее спиной, не знаю, с чего начать повинную речь, в чем каяться.

— Уйди, Витя,—говорит она.

— Но... Я...

— Ты ни при чем. Я просто хочу побыть одна, можешь это понять или нет?

— Как ни при чем?

— А вот так. Думаешь, ты первый гадости в мой адрес говоришь? Мне казалось, что я к ним привыкла, но вот от тебя—не могу почему-то слышать. Но ты ни при чем. Просто со мной что-то...

Я провел ладонью по ее волосам. Она обернулась, очень серьезно посмотрела на меня:

— За что ты меня ненавидишь? Или просто играешь со мной, как с котенком? Я уже боюсь заходить в вашу палату.

Я уже собрался сказать Вале все, но тут в дальнем конце коридора показалась женщина, совсем, конечно же, некстати.

— Это та самая Тарасова,—тихо сказала Валентина.—Та, которую ты не знаешь.

Не знаю. Эффектная длинноногая женщина, блондиночка,—в моем, между прочим, вкусе,—мушка на левой щеке, большие зеленые глаза... Мушка и глаза, ну как же, как же! Я на ее ноги тогда не смотрел, не до этого было, а мушка и глаза...

Сначала я откинул в сторону мальчишку,

потом рванулся к женщине и... Не помню, что было дальше, но это лицо, и только оно, наплывало на весь белый свет, и я видел только его, не знаю, сколько времени, но до той самой минуты, когда очнулся от болн в правом плече и услышал над собой густой голос: «Проклятая колдобина! Ты потише гони».

Я огляделся и понял, что лежу в «санитарке», на носилках, и вроде соображаю, и могу шевелить игонами, шеей, вот только одна рука никак меня не слушается, но это ерунда—рука...

— Как Тюрия?—спросил я и только потом понял, что они же не знают, кто это—Тюрия, и начнут сейчас спрашивать, и придется отвечать, а боль в плече такая, что лучше держать зубы сцепленными. Но врач оказался догадливым.

— Поцарапался посильнее, твоего. Но—живой, а это главное, так ведь?

Я не ответил, потому что в плече начал разгораться огонь, и он усиливался даже на шевеление моих губ. Я прикрыл глаза, и лицо с огромными зелеными глазами появилось еще раз, но уже нечетко, да и ненадолго...

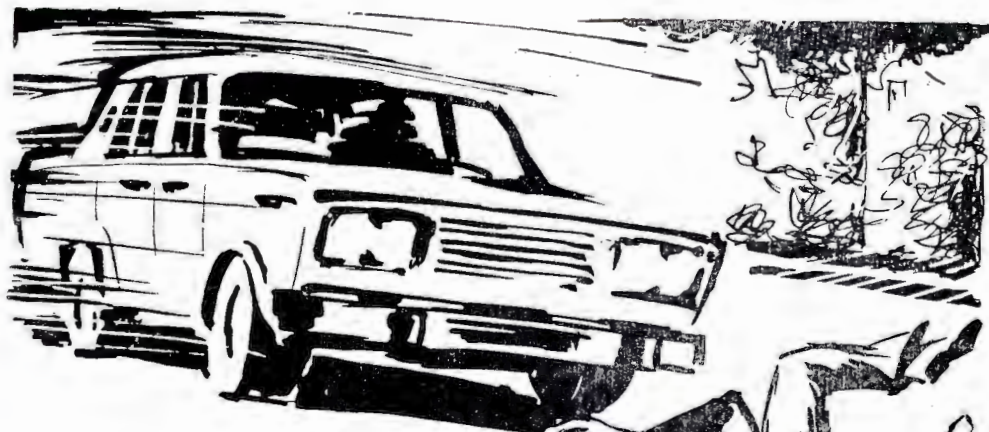
10.

Николай Белов

ПОДПОЛКОВНИКУ Овчинникову идет полевая форма. В ней он по-прежнему катюмо красив и шеголеват. Но он не шеголь, рисовки — ни капли ни в чем.

Я стою в пустом кабинете комбата и смотрю через окно на плац. Батальон готовится к выезду в поле, сдавать итоговую проверку. За годы службы я насмотрелся на подобные мероприятия. Что солдаты—и офицеры, бывало, на лбах шишки били, сталкиваясь в беготне через плац, надрывая глотки от многочисленных команд. Здесь все не так. Не ломаются шеренги рот, не слетают на асфальт пилотки. Овчинников никого не подгоняет, стоит в одиночестве у ближнего ко мне края плаца, покачиваясь с пятки на носок, и даже на часы не смотрит. Уверен, что по сигналу «Сбор» батальон будет готов выполнить любую вводную точно в назначенное время.

Вот пока и все, что я могу записать в блокнот за сегодняшнее утро. Овчинников отшил тактично и совсем не обидно: «Вы извините, но сейчас просто не до прессы. Вот закончится проверка...» Ненашев тоже в хлопотах, так виновато смотрит на меня, что прямо стыдно лезть к нему с расспросами. Можно, конечно, выехать вместе со всеми в поле, набираться впечатлений, но и там, знаю по своему опыту, буду чувствовать себя лишним и с таким настроением вряд ли выйду на интересную тему.

А в голове уже выстраиваются кое-какие комбинации. У них нет пока логической последовательности, но зато есть над чем задуматься. У нас несхожие заботы: здесь, в уютных казармах, и там—в обстреливаемых вагончиках и палатках. Туда почему-то рвется Паша Демерза, хоть спит там урывками, хоть нет там речки с карасями и тещи, которую он прямо-таки обожает. Там я знал спокойного и уверенного в себе Женю Виноградова, а тут он что-то потерял, и даже его любимое словцо «сударь» утратило лоск, кажется инородным...

Женя—и чего-то боится?

Я снял трубку телефона и автоматически набрал так хорошо запоминающиеся цифры: шестьдесят шесть-тридцать шесть-шестьдесят три. Я совсем не думал, что скажу сейчас тому, кто откликнется на звонок, и потому, когда услышал женский голос, опешил и не сразу ответил:

— Это... я из той части, куда вы приходили вчера, помните, мы встречались на КПП? Я даже не знаю вашего имени, но...

Она назвалась, и я ругнул себя: Виктория, конечно же, Виктория. Ненашев при мне в блокнот записывал...

Через полчаса я встретился с Тарасовой в центре городка, у одного из пешеходных переходов. Вообще-то она меня к себе пригласила, на чай, но я стал так энергично отнекиваться, что Виктория Сергеевна тут же приняла другое решение:

— Хорошо, тогда подходите к центральному универмагу, знаете, там переход есть?

И вот мы стоим у «зебры», моя собеседница смотрит на часы и говорит:

— Как ни странно, но именно в такое же время, минута в минуту, все тогда и произошло. Я с сыном вышла из универмага, остановилась у светофора, подождала, когда зеленый свет загорится...

А дальше все произошло так. Загорелся зеленый свет, Тарасова взяла за руку своего Костика, дошла до воловины дороги и тут увидела, что прямо на нее мчатся красные «Жигули». Единственное, что она поняла в тот миг,—машина врежется в нее, и никуда от этого не деться. Дыхание сразу перехватило, ноги приросли к асфальту, хватило сил только на то, чтоб обхватить

сына за плечи, попытаться отодвинуть его себе за спину, но Костик крутанулся из-под рук и...

Тут Виктория Сергеевна закричала, и остальное все воспринимала не как реальность, а как абсурдный сон. Между автомобилем и Костином пролетел солдат, на своем легу подхватил сына, потом толкнул ее. Уже падая, она заметила, что на капоте «Жигулей» распластался другой солдат, лобовое стекло машины вылетает, а сама машина круто разворачивается, спотыкается о бордюр, подпрыгивает и валится на бок в кустарник, растущий густым ежиком вдоль дороги.

Тарасова мгногм вскочила, схватила на руки живого и невредимого Костика и ничего не соображая—ее слова—побежала с ним на тротуар. И там тоже не остановилась, не оглянувшись—страх гнал ее до тех пор, пока она не услышала за спиной высокий женский крик: «Солдатики!..»

Только тогда она пришла в себя. Дорога была уже запружена людьми, Виктория Сергеевна, не выпуская Костика, расталкивала их, пробиваясь вперед... Один солдат лежал лицом вниз, там где падала от толчка и она, второй полуисидел, прислонившись спиной к поваленной машине, и все лицо его было залито кровью.

Завыли сирены, это подъехали милицеевская легковушка и машина «скорой помощи». Чуть позже прибыли на машине и военные. Медики увезли солдат, милиционеры усадили к себе водителя красных «Жигулей»,—тот был без единой царапины, повезло подлецу,—достали рулетку, стали что-то измерять, записывать... Виктория Сергеевна стояла почти рядом с военными и слышала, как они переговаривались: «С Тюриным хуже, но, кажется, обойдется... Не вовремя, черт... Вспомнят теперь старое... Главное—живы». Она обратилась к ним: мол, солдаты людей от смерти спасли, нельзя ли узнать, как их фамилии, чтоб в госпитале известить, в газету заметку написать. Старший лейтенант и прапорщик—а Тарасова различает воинские звания хорошо, отец у нее до ухода на пенсию был офицером—ответили, что ничего не знают, сели в «уазик» и хотели было уже уехать, но Виктория Сергеевна нахально—«Нет, правда-правда, я умею быть нахалкой»—взялась за дверцу:

«В городе ведь одна часть, где носят краповые петлицы, и вы не можете не знать своих солдат».

«Ну, хорошо,—недовольно ответил старший лейтенант.—Скажем все, что вам надо. Фамилии? Сидоров и Иванов. А теперь, простите, нам надо на службу».

«Но вы же называли кого-то Тюриным...» Военные, показалось Тарасовой, смешались, но потом скороговоркой ответили:

«Это совсем о другом бойце речь шла. И уехали».

А она поняла, что с ней просто не захо-

тели разговаривать, но в тот же день пошла в часть, объяснила ситуацию и услышала в ответ: «Нет у нас таких, Иванова и Сидорова».

Что оставалось делать? Да ничего не оставалось. Разве что недоумевать: чего это солдаты, спасшие людей, засекреченными оказались? День так прошел, второй, третий... Не спится ночами. Все видится, как отбрасывает солдат из-под колес машины Костика, а сам не успевает отпрыгнуть в сторону и...

Вообще-то Виктория Сергеевна не в этом городке живет, сюда она к свекрови в гости приехала, и до конца отпуска всего ничего осталось. И испугалась она, что вот уедет, а сны такими тяжелыми у нее и останутся. А главное, надо ведь страшно неблагоприятной быть, чтобы не сказать спасибо тому, кто тебе жизнь сохранил. Пошла Тарасова опять в часть, решила с кем-нибудь из командования поговорить... Вот тогда мы с ней и встретились.

А ни с кем она так и не поговорила. Расстроилась, но свекровь выход подказала: узнать в госпитале, кто туда во вторник, двадцатого, попал. Если все как есть объяснить—там должны сказать.

— И сказали,—говорит мне Виктория Сергеевна.—Познакомилась я с солдатами, Виктор и Гена. Гена—Тюрин, между прочим, его фамилию прапорщик и старший лейтенант называли. Как узнала это—еще обидней стало: зачем же обманули-то? Предположений сразу—куча. Может, водитель тот, пьяный, шнырка большая, или сын сановника? Может, солдаты до того, как людей спасли, сами что натворили? Я у Виктора спросила, а он печально так мне отвечает: не надо, мол, об этом, Виктория Сергеевна. Но почему не надо, вы можете ответить, Николай?

— Я постараюсь ответить. Я позвоню вам через день, вы еще не уедете?

— Звоните.

К обеду я вернулся в часть, прошел по пустынным ротам, где не было никого, кроме дневальных, поболтал с библиотекаршей, с дежурным по штабу, с чуденькой прапорщицей из строевой... Когда выходил оттуда, встретился нос к носу с майором Ненашевым.

— Скучаете?—спросил он.—А я вот бумага начальству готовлю, ни минуты свободной, и обедать, боюсь, не придется.

— Мне некогда скучать,—ответил я.—Интересный материал попался, о Тюрине и Мандрыкине. Жаль, конечно, что вы так заняты, но мы поговорим, когда проверяющие уедут?

Ненашев помолчал мгновение, потом раздумал идти в строевую часть, прикрыл туда дверь и не слишком дружелюбно промолвил:

— Вот что... Пойдемте ко мне в кабинет, бог с ними, с бумагами.

11.

Виктор Мандрыкин

УГЕНКИ личико такое, что лучше ему еще, конечно, параджу носить. Но сам он страшно рад, что бинты с лица потихонечку снимаются, опухшими чернильными губами утешает себя, что до свадьбы все заживет. Мы с Викторией Сергеевной и не думаем сомневаться.

— Я вам мази дам,—говорит она,—таких в госпитале не достанут. Все порезы затянутся, кожа станет лучше, чем была.

— Лучше—не надо,—ворочает губами Тюрин.—Согласен и на такую, как была.

И я согласен. Согласен на старую свою руку, которая часто делала не то, что надо, но была все-таки послушной мне. Теперь же... Вновь пробую шевелить пальцами. Ничего не получается.

— Послушайте, ребята,—говорит Тарасова. — А что, в части не знают как вы здесь оказались? Я пришла туда, чтоб кое-что выяснить—хочу в городскую газету заметку написать,—а дежурный меня сразу не так понял, за журналистку посчитал и выдал такую информацию: мол, с Тюриним и Мандрыкиным вы встретиться не можете, поскольку они лежат в госпитале в инфекционном отделении и потому посещать их нельзя. Ну, я, понятно, рассмеялась, растолковала ему, как смогла, что сама выяснила, где ребята, а он даже не смутился.

— М, говорит, вредно волноваться, вот и оберегаем от наплыва посетителей. Наплыв! К вам что, девочки сюда с утра до вечера бегают, что ли?

— Ага, на Генку любят,—отвечаю я Виктории Сергеевне, и мы с ней хохочем, а Тюрин издает радостное кудахтанье, означающее смех.

Мировая она, оказывается, женщина, увез бы ее в Одессу, да не дорос чуть-чуть. Не жалеет нас и не охает понапрасну, и руки не целует, мол, спасибо, спасители. Я люблю, когда любой разговор идет на равных, без книксенов и хлопаний по плечу. Потому просто не могу перед начальством в струнку тянуться. Ну к чему? Я же не для этого форму надел? Мне дело поручено делать, а не...

За два дня до госпиталя, в воскресенье, поехал я в увольнение в поселочек один, за десять километров от нашего городка. Зашел в домик, хозяйюшка там меня чаем индийским напоила, пирогом яблочным угостила. Подгорел у нее, правда, пирог, но не в этом суть. Собрался мы с ней по городскому парку погулять, сели на автобус, приезжаем на автостанцию, я, значит, выскакиваю первым, подаю спутнице моей руку, а в другой фуражку держу, и тут пред очами моими предстает некто в ефрейторских погонах и с честнейшими гла-

зами патрульного. Тебя, говорит, товарищ майор на беседу приглашает, головой за спину мне кивает и улыбается при этом поганенько. Я себя со стороны представил и вздохнул. Китель расстегнут, голова обнажена, ботинки в пыли—по проселочной дороге ехали... Хреново, сам себе думаю, но, как всегда в таких ситуациях, на рожон полез. Ссаживаю из автобуса мою хозяйюшку и говорю при этом так, чтоб и майор услышал,—он, я уже усёк, метрах в десяти-двенадцати стоял:

— Идите, товарищ ефрейтор, и передайте начальнику патруля, что я сейчас подойду.

Ефрейтор губы в бантик связал, глаза на лоб выставил. А меня уже понесло—не остановить:

— И вообще, вы бы еще в галюне нас отлавливали, там каждый форму одежды нарушает.

Ефрейтор офонарел, стоит, бантиком подрагивает, то ли ругнуться хочет, то ли прощения попросить, а я отвожу под локоток спутницу свою на тротуар, ни галстук не поправляю, ни китель не застегиваю, а в таком виде, в каком меня застывали, иду к майору, мысленно представляю уже гарнизонную «губу» и утешаю себя: ладно, к дембелю выпустят. Сейчас одно важно, чтоб меня сразу в комендатуру повели, а не стали принародно «нос утирать», то бишь нотации читать. Я их наслушался за два года! Когда и кем, интересно, принято в армии распекают нас, как детсадовцев распекают тетн-воспитатели? Не для того же нас в строй поставили, чтоб любой старший по званию командирский голос выработывал! Не для того же я под Лачным на пули шел, чтоб мне за пыльные ботинки на виду всего честного народа пальчиком грозил! Президент с чабаном на равных беседуют, когда встречаются, а нас любой лейтенант обложит может и прав останется...

Все это я, уже держа в руках увольнительную записку, решил высказать майору, как только он примется за мое перевоспитание.

— Мандрыкин,—прочел мою фамилию начальник патруля и... вернул мне увольнительную записку.—Из батальона майора Овчинникова, да?

— Подполковник Овчинникова,—нехотя ответил я, готовясь к разносу и повторяя про себя заготовленную речь.

— Мы с ним в Афгане вместе были: хороший человек. Он, слышал, и сейчас воюет, с Закавказья не вылазят, да?

Вместо ответа я за считанные секунды застегнулся, одернул, поправил узел галстука и даже неожиданно для себя сказал, глядя на ботинки:

— Пыль в автобусе страшная, вы извините, товарищ майор.

— А мы тут дезертира ищем,—словно не услышав моих слов, продолжил офицер.—Может, на автовокзале объявится... Ну ладно, Мандрыкин, идите, а то вас девушка заждалась.

Он бросил ладонь к козырьку, и я ответил тем же, рассматривая красную нашивку на его кителе—нашивку о ранении.

— Чего он тебе, шею мылил?—поинтересовалась спутница, когда я вернулся к ней.

— С чего ты взяла? Поговорили как коллега с коллегой.

— Офицер с солдатом? Ну ты даешь! Будто я не знаю, как к вам лейтенанты относятся. Я ведь до тебя с одним встречалась, он рассказывал, как вы им сапоги драите...

Мне расхотелось гулять по парку, я усадил спутницу в автобус, отходящий в ее поселок, и пошел в часть. Шел и думал о том, что, по большому счету, эта девочка права, а майор-афганец—редкое исключение из правил. Да и то: не знал бы он нашего подполковника Овчинникова, не ведал бы о том, что и мы свист пуль не только на стрельбище слышим,—черта б с два отпустил за здорово живешь...

Почему я вспомнил афганца, слушая вопрос Виктории Сергеевны? А все потому же, что не могу согласиться с ролью мальчика-детсадовца. Не только мы с Тюриным в этой роли оказались, но это не утешение—от этого еще горше. Валерий Петрович—и тот ведь испугался, прибежал: молчите, мол, а то и вас, и меня в угол поставят.

А чего бояться-то? Что, собственно, произошло?

Во вторник к командиру роты капитану Виноградову мама приехала, и надо было ее встретить, домой проводить и помочь кое-что из вещей донести. Так получилось, что не мог Виноградов у комбата отпроситься, не мог из роты уйти, вот и отправил нас с Генкой на вокзал. Для нас это—как поощрение: вместо скучнейших занятий среди людей потолкаться. Встретили мы Веру Васильевну, помогли ей поклажу до дома донести, там Наташа, понятное дело, за чай нас усадила, Вера Васильевна варенье раскрывала. Посидели мы минут пятнадцать и пошли в роту. И вот тогда-то и увидели красные «Жигули», мчащиеся на людей. Ну, кое-чему обучили нас. Генка на капот прыгнул, я рванулся к малышу...

Но не о том речь. Если б все случилось в воскресенье, в выходной, когда мы гуляли бы по городу на законных основаниях, никто бы сегодня Виктории Сергеевне не врал. А так... Вдруг действительно напишет в газету? А кто-то умный прочтет и спросит: чего это солдаты по городу разгуливали? Кто их отпустил в день занятий и на каком основании? И поспыпятся на нашего ротного шишки.

Да, вторник и воскресенье—это две большие разницы, такне, что даже мировая женщина Тарасова, узнай она все подробности, охнет. Но она не узнает. Ей просто не надо это знать. Ни к чему.

12.

Николай Белов

— Н У, И ЧТО же это будет за материал? — спрашивает меня майор Ненашев. — Простите, что любопытство проявляю, но, может, и помогу в чем-то, а? Детали уточню, дополнительную информацию дам. Тюрин и Мандрыкин. Я их неплохо знаю. Что ж вы о них напишете? Хотя бы в двух словах?

— Когда солдаты на подвиг идут, тут слов скупиться нечего, так что двумя — не обойдусь, — отвечаю я Ненашеву. — А писать вот о чем буду. Шагают, значит, солдаты по городу, рассуждают, к примеру, о том, что итоговая проверка на носу и надо постараться, чтоб рота отличной стала. Оба они — передовики, у обоих по дюжине благодарностей и потому искренне переживают за коллектив. И тут замечают «Жигули», несущиеся на красный свет светофора, и понимают, что водитель легковушки или пьян, или преступник. Быстро советуются, что предпринять, разделяют обязанности, Тюрин должен вспрыгнуть на капот, выбить лобовое стекло машины, повернуть руль, а Мандрыкин — спасти пешеходов до того, как машина достигнет «зебры». И солдаты, рискуя своими жизнями, претворяют намеченный план.

— Все нормально, — говорит Ненашев, выслушав меня. — У Мандрыкина, правда, не благодарности, а выговоры... Хотя и благодарности тоже есть. Но не в этом дело. Лучше, Белов, пока отложить эту заметку. Есть здесь кое-какие неясности, которые еще надо выяснять. Спешка ни к чему, правильно?

— Да чего тут выяснять? Солдаты подвиг совершили! Если ж и есть неясность, то лишь одна: почему вы такой факт замалчиваете, почему в батальоне велено никому не говорить, как Тюрин и Мандрыкин в госпитале оказались?

Ненашев положил ладони на стол, наклонился вперед, прикрыв глаза, и в положении сфинкса просидел так молча несколько секунд. Наверное, решал, что мне ответить. Потом он откинулся на спинку кресла и сказал вяло и тихо, словно самому себе:

— Сердечко чегой-то... Ладно, Белов, дайте заварим сейчас чаек на травкак и посудачим. Травки сам собирал, из тайги привез, с тех мест, где служил. Откуда сюда, к теплу, поближе к пенсии перебрался... Впрочем, это к делу не относится. А относится вот что...

Замполит включил электрочайник, достал из стола пачку чая, пакет с травами, заколдовал над заварником, готовя сухую смесь.

— Вот что относится, — повторил Ненашев. — Меня, Белов, начальство било

313

ровно столько, сколько я служил. Солдаты напились, подрались — я виноват. Лейтенант у кого-то жену увел — мне, замполиту, выговор и задержка звания. Зеки из зоны ушли — опять я на ковер. Вот так и просуществовал мальчиком для битья. Это я к тому, что если меня еще в газете вашей ударят — стерплю, привычный. Но я не хочу, Белов, чтоб ваш товарищ, Женя Виноградов, капитан Виноградов, судьбу мою повторил. У него и так неприятностей... Вы пока не понимаете, о чем я, правильно?

— Правильно, — согласился я. — Не Женя же эти «Жигули» вел, не он аварию устроил.

— Вел не он. Но командир роты, используя служебное положение, отпустил двух своих воинов с занятий, чтоб те встретили на вокзале его маму и помогли ей дотащить до квартиры чемоданы с соленьями да вареньями. Следовательно, под машину они угодили по вине Виноградова. Двое солдат, извините за казенщину, потеряли боеспособность. А может, и здоровье: как бы Мандрыкина не пришлось комиссовать и оформлять на инвалидность. Вот факты. А то, о чем вы собирались писать, — эмоции. Вам чай покрепче наливать?

Я лишь кивнул головой. Вот оно как получается: замполит боится, что если я напишу о подвиге ребят, то подставлю Виноградова. Но неужели о том, что случилось, в Управлении войск не знают? И могут узнать только из газетного материала?

— Знают, — ответил Ненашев, выслушав мой вопрос.

— И как они?

— А никак. Ждут, когда Тюрин и Мандрыкин поправятся, вернутся в часть. Потом придут и вручат обим ценные подарки, скижем так, за высокие показатели в службе и учебе. А вполне возможно, придут и пораньше: нас наказывать и снимать с должностей. Вы знаете, Белов, как брагу делают? Вы молодой, скорее всего, не знаете. Так вот, берется вода, добавляется сахар, варенье, и вся эта бурда может стоять сколько угодно, но ничего путного из нее не выйдет, пока туда не добавят щепотку хмельных дрожжей. Только после них все бурлить начинает. И вот никто эти дрожжи пока не бросает.

— А что ждет Виноградова, если...

Я замолчал, не зная, как подыскать подходящие слова, но замполит правильно прочел мои мысли:

— Не дойдет дело до браги, станет он начальником штаба батальона, будет в областном центре жить. А дойдет — скорее всего, примет взвод. Да и мы, чего скрывать, битыми будем.

— Женя у комбата или у вас спрашивал разрешение, чтоб солдат в город выпустить?

— Меня не было в тот день, а комбат... Подполковник Овчинников при мне генералу о происшествии докладывал, сказал, что разрешил Виноградову солдат за матерью послать. Хотя я знаю, что комбат в тот вторник с утра в горисполкоме был, вопросы решал... Но отшлепают нас, Белов, по

другому поводу. Вы ведь бывали уже в нашем батальоне раньше, знали, наверное, прежнее его руководство? И ту историю, из-за которой сняли тогда комбата? Подполковника Латынина? Оказалось, солдаты ему в доме паркет стелили, обои клеили, электропроводку меняли. И вот представьте, что создается теперь комиссия по выяснению нынешнего происшествия. Ненашеву солдаты помогали мебель перевозить? Помогали. А Овчинникову кто в ванной трубы переваривал? И никто не будет смотреть, что контейнер пришел, когда я в Фергане с батальоном был, а сантехники к комбату на четвертый этаж не доберутся по причине великого своего пьянства, хотя он устал уже заявки им делать. И с Виноградовым теперь... Не сделали, скажут, выводы из чужих ошибок? Так получите за свои в двойном размере. Вот какой подвиг к нам стороной оборачивается.

Я так и не допил чай, стакан уже успел остыть в моих руках. Столько информации Валерий Петрович выдал, не переваришь за один раз.

— Товарищ майор, а может, не надо все осложнять? Ну у кого язык повернется обвинять вас в использовании служебного положения?

— Да живем мы так, Николай... Это ничего, что я вас по имени называть буду? Живем мы, Николай, так: оправдываясь и обвиняя. Системой это стало: приехал на проверку — копай, ищи грехи, иначе зачем же приезжал? В этом плане в горячих точках нам даже проще: там мы настоящим делом заняты, не до склок. Не думаю, что «точки» эти нас другими сделают, но после них мы, кажется, потихоньку умнеем. Не ездили бы мы в Закавказье — историю с Мандрыкиным и Тюриным давно бы как ЧП расценили. Да и вам бы, Николай, пришлось перед вашим редактором не раз и не два за командировку в Лачин оправдываться.

— Мне? Почему?

— А потому. Вызвал бы он вас и спросил: что же это вы, Белов, в ббевой обстановке тутовку с Виноградовым распедали? Сидели ночами у бронетранспортера, грызли яблоки и пили водку местного производства, которую изъяли у солдат?

— Да что вы, товарищ майор? Не было такого! Фляга тутовки действительно была, но...

— А если была фляга, то что же не доложили об этом никому? Куда она делась? Кто ее на заставу провез? Какие меры к тому солдату приняты?

— Да это все одним словом не объяснишь. Понимаете, товарищ майор...

— Я-то понимаю, — Ненашев, кажется, впервые за весь наш разговор позволил себе улыбнуться. — Понимаю, потому дальше этого кабинета информация о тутовке никому не пошла. Но вот вы, Николай, сразу оправдываться начали, а не возмущаться, так ведь? Значит, уже — в системе. Вот ведь как. И тайгу проходим, и Фергану, и Закавказье — а система сильней.

— Вы системой что называете?

— То, что мы пока разделены на началь-
виков и подчиненных. Раз-де-лены, понима-
ете? А нам бы единомышленниками стать.
И не было бы тогда, мне кажется, ни ста-
риковщины, ни хамства, правильно? Суще-
ствующее же разделение основано на ущем-
лении чувства достоинства. Я, к примеру,
запросто могу подойти к солдату, прибыв-
шему из увольнения, и сказать ему: «А
дыхни-ка на меня, братец!» Или роту могу
два часа перед обедом гонять, если у меня
плохое настроение. Или... Ну, в общем, вы
меня поняли, правильно?

У Ненашева я просидел более двух час-
сов. И от него направился к себе, то бишь
в гостиницу: записать кое-какие мысли. У
черного входа в столовую сидел кухонный
наряд, чистил картошку. Многих из этих
солдат я знал в лицо: встречал их там, в
горах Лачина.

Уже вышел за ворота городка и все
вспоминал. Рыжего веснушчатого длинно-
рукого парня зовут, кажется, Володя, его
кровать на заставе была рядом с моей. А
толстяк, сидевший сейчас справа от него, —
пулеметчик, из Орла родом. Штангой увле-
кался, разряд имеет... В неопубликованной
моей статье были и о нем строки. А рядом
с ним... Черт! Ильин, конечно же, Ильин,
солдат, которого Ненашев обещал вчера
отпустить к больной матери. Телеграмма
еще от соседей пришла незаверенная...

Я даже остановился. Ну, замполит! Ка-
кие мысли, какие слова хорошие, а про
Ильина, оказывается, забыл! Или все-таки
не поверил незаверенной телеграмме?

13.

Виктор Мандрыкин

НУ, ДЕНЕК! Гостевой, да и только.
Если вчера женщины меня посещали,
то сегодня сплошные мужики. Поч-
тальон Рафик Сафиуллаев конвертики нам
с Тюриным принес, все ротные новости
сообщил. Прапорщик Демерза тещины пи-
рожков привез. Эти до обеда прорвались,
когда посещать больных не разрешается.
Потом какой-то парень с моим врачом при-
шел, долго мою правую в лангетке рас-
сматривал, иголками по кончикам пальцев
водил. «Ощущаешь? Хорошо. Не ощуца-
ешь? Хорошо». Оказался профессором. Ска-
зал, что ежели с женьбой не больно спе-
шить, то до свадьбы заживет. При Валеч-
ке, между прочим, сказал. Ну я, как всег-
да, и не утерпел, влюбленно глядя в ее
глаза, выдал: «Значит, пока не будем торо-
питься». Валечка крутнулась и ушла. Ду-
рак я все-таки. Сам себя от нее отпугиваю
и не пойму, почему.

Меня ругали и хвалили, мной командо-
вали и мне поручали, но обо мне никто и
никогда не заботился. Ни у кого, кроме
мамы, не было в глазах боли за меня. И
сюда ведь уже подружки прибегали, шебе-
тали о разном, клали мою неживую руку
к себе на колени. Но я не возьму их в

2/4

Одессу. Если, дай бог, все у меня обойдется, если профессор не соврал, я схвачу в охалку Валечку и скажу ей: мне наплевать, согласишься ты или нет — я агромадный эгоист — ехать к морю, но я туда увезу тебя. Потому что верую в тебя.

Ну да ладно, вернемся к гостям. После обеда пришел некто Белов, капитан из войсковой газеты. Пришел, конечно, зная уже многое, но изобразил на лице потемки: кто, да по какому случаю здесь. Я, помня инструктаж Валерия Петровича, отчеканил: ангина, а у товарища моего, Тюрина, — вы им, ясное дело, тоже интересуетесь, — корь. Белов побалдел немножечко, похохотал, а потом начал открывать карты: мол, все он знает, Ненашев ему не только о том злополучном вторнике, но и о своей программе все изложил, и пришел он, журналист, к нам не о дорожном происшествии толковать, а «про жизнь». «Вы, Мандрыкин, отслужили, можно сказать, увольняетесь, и потому, думаю, вам скрывать нечего».

«А вы, говорю, привыкли, что солдаты все скрывают, что у них постоянно колени дрожат?»

«Нет, я так обращаюсь только к тем, кто корью болеет».

Уел он, в общем, меня. И потому разговор дальше пошел без потуг. Сначала — о Ненашеве. Почему его солдаты по имени-отчеству величают между собой — офицером никудашным считают или как?

Или как, отвечаю. Хохма одна в Карабахе была. Недалеко от Степанакерта село стоит, мы его слоеным пирогом называли. На склоне горы уступами — четыре улицы. На верхней армяне живут, ниже — азербайджанцы, затем опять армяне и, естественно, опять азербайджанцы. И, как шамур, пронизывает все эти четыре улицы ручей с ключевой водой. Чудесная вода, что для поливов, что для питья. Ну вот, началась в Закавказье заваруха, пошли нация на нацию, вера на веру, а тут — тихо: что бы там ни говорили, а ведь одной семьей жили, если не с одной тарелки, то из одного ручья пили. А потом, значит, пришли в село агитаторы. В одну ночь армяне среди своих ходят, в другую — азербайджанцы. Кто знает, какие доводы каждая сторона приводила, но долго держались сельчане. Держались до того самого дня, когда однажды утром «нижние» азербайджанцы не увидели, что ручей кем-то перекопан и свернул перед их улицей в ущелье. Ровно через сутки удивились уже вторые снизу армяне, не увидев воды у себя. Всем стало ясно, что село теперь обречено полностью остаться без воды, дело лишь во времени...

Когда мы приехали сюда, ручей, не доходя домов, срывался в ущелье, хмурые молчаливые женщины с кувшинами стояли за ней в очереди, а виноградники выделялись жухлыми желтеющими листьями. Оставалось ждать более страшного, чем безводье: мужчины села точили ножи.

И вот в первый же день нашего приезда замполит приказал нам собрать по склонам горы все, что горит, — сушняк, обрывки бумаг, выброшенные догнивающие изгоро-

ди, — и разложить все это на уличах. Мы, значит, свое дело делаем, а народ в догадках теряется: к чему бы это? К нам с расспросами лезет, а мы и сами ничего не пойдем: есть, говорим, такой майор Ненашев — у него и интересуйтесь. Кавказцам его фамилия непонятной оказалась, даже неприличной, — фыркают, — узнали его имя-отчество — и пошло: «Валерий Петрович, Валерий Петрович...» Поначалу с любопытством, а потом, видя, какой он сосредоточенный, даже сердитый ходит, уже и со страхом зашушукались: «В чем дело, в чем дело?» К вечеру в селе — вообще паника, мужики не только по горизонталям, но и по вертикалям забегали, женщины тащат нам виноград, груши, лепешки: «Скажите, что Валерий Петрович хочет?» А нам это нравится, и потому мы делаем страшные глаза и шепотом в ответ: «О! Он велел молчать, правда, и мы молчим, но он такое придумал...»

Только темнеть начало, появился на нижней улице наш Ненашев. Тут не только все сельчане, но даже петухи и собаки вокруг него собрались. А он вытаскивает коробок спичек и своим тихоньким, спокойным голосом говорит: прошу, мол, подойти ко мне только армян. Товарищи армяне, вот перед вами дрова и бумага, обкладывайте азербайджанские дома нижней улицы и поджигайте, если нет спичек, дам.

Мертвая тишина после его слов, ну разве что можно услышать, как глаза хлопают. А он продолжает: разъясню, мол, кому не ясно. Вы все равно дошли до того, что дома можете зажечь, так лучше поступить как настоящие мужчины: не прячься, при всех. А азербайджанцы пусть со второй улицы начинают... Повернулся и ушел, и мы за ним ушли.

Вот такая история вышла. А закончилась она тем, что той же ночью, перед рассветом, армяне, грубо говоря, набил морду пришедшему агитатору-боевнику. А утром мужчины села и солдаты повернули ручей в старое русло, он опять побежал по всем четырем «этажам».

После этого если кто из сельчан Валерия Петровича издали замечал, то кряк делал, чтоб поближе подойти и поздороваться. И так часто его имя-отчество звучало, что и мы между собой замполита на подобный манер величать начали. А в принципе относимся к нему очень даже нормально.

Белов говорит: понимаете, Мандрыкин, какая дурацкая ситуация сложилась с этой аварией, не могу я, говорит, написать обо всем, что произошло.

А я отвечаю: так это для вас дурацкая, а для нас с Тюриным самая обычная, что мы — Тарасову и другим спасли только ради того, чтоб вы заметку написали? А журналист: я, мол, о другом. Вот батальон ваш — командир Афган прошел, Ненашев тоже мужик что надо, и офицеры, и солдаты под пули и камни идти не дрейфили, а, как говорится, на ровном месте, там, где ничего экстремального, спотыкаться начали. Значит, не ровное место, говорю ему, раз спотыкаются.

— Вы легко судите, — это опять он. — А я не могу пока еще четко сформулировать то, что вот здесь рождается (по голове постучал), но для меня происшествие с вами страшней, чем мордобой или стари-ковщина. Хорошие люди, славные люди — и бояться не только старых, но плюс к этому еще и чужих грехов, понимаете, Мандрыкин? Боятся, что их не поймут, что не восторжествует здравый смысл.

Значит, они в курсе относительно того, как чужие грехи другим приписываются, отвечаю я. Вот есть у нас свинтус такой, рядовой Ильин, тихий такой, жалкий с виду, но — свинтус. Подлянки всем подряд делает. Может, вы его помните, он на заставе был, когда вы приезжали. Впрочем, вряд ли, уж очень он незаметный... Так что этот Ильин недавно придумал? Списался с друзьями, и те телеграмму командиру прислали от имени соседей его мамы: мол, лежит та в тяжелейшем состоянии, пустите Ильина в отпуск по семейным обстоятельствам. Ильин, поверьте мне, надрался бы водки, учудил бы чего-нибудь, и кто бы в конечном итоге был виноват? Командиры. Хорошо, что Ненашев догадался маме Ильина позвонить, а то бы опять в тайге пришлось до пенсии дослуживать. Вот откуда страх. Взводный боится солдат, ротные боются лейтенантов... И так далее. Ну не смешно ли, что военным смелость нужна, чтоб принять любое самостоятельное решение? Что у нас мозги только по количеству звездочек на погонах расцениваются, не смешно?

— Ну, тут вы не совсем правы, — перебивает меня Белов, и я сам чувствую, что не совсем прав. Но в чем-то же — безусловно! Хрен с ним, с ЧП дорожным, даже с рукой, — заработает, никуда не денется, — не в частном случае дело! Но когда то, что ты делаешь, отрывается от тебя и называется фактом, и начинает жить самостоятельно в среде тоже безликих фактов — это паршиво. Нет Мандрыкина и Тюрина, нет Тарасовой, нет болей в руке и изрезанной кожи — есть батальон, который должен стать отличным, и пример того, как я за что снимали подполковника Латынина. Откуда ж тут смелость возьмется, если поощряется то, что называется оглядкой?..

Понимаете, говорит Белов, надо Виктории Сергеевне позвонить, сообщить ей что-то конкретное по этому делу, а я не знаю, что говорить, я тоже боюсь. Боюсь, что покажусь в ее глазах совсем никем, потому что ничего не решаю в данном вопросе...

Вообще-то интересно, думаю я. В горах Лачина многое решали мы, когда секунды на обдумывание задач давались, и в Фергане решали. А тут — не решаем. Ни я, ни Виноградов, ни Ненашев, ни Белов...

Господи, да зачем мне все это! Думать, что ли, больше не о чем? Ну пешка — и пешка. Пойду сейчас к Валечке, начну рассказывать ей про Одессу и забуду, забуду обо всем остальном...

ПОЭЗИЯ

Владимир ЧЕРНЕНКО,
полковник в отставке

НАШЕСТВИЕ

*Над деревней тяжело нависли
Пыль и гарь.*

И в страхе диком мысли.

Улицей,

где только лязг металла.

Женщина с детьми

бежит устало.

Сжала на руках двоих

до боли,

Третий, плача,

виснет на подоле.

Очередь чуть было не задела.

Хохот.

А она — окаменела.

От судьбы бежать

не стало мочи:

Всюду немцы —

пьют, орут, хохочут.

Так нас и настигла оккупация.

Марш гремит до одури

по рации...

СТАРЫЙ ОКОП

Угрюмый вид оплывших стен.

И ни души.

В невольной грусти

Здесь куст,

Как щупальца антенн,

Побеги выбросил на бруствер.

Ни звука рядом.

Так молчат,

Когда внезапно кто-то умер.

Кузнечик скрипнул невпопад,

Как под развалинами зуммер.

Нет,

Ты не вздрагивай, страна!

Твои запомнили солдаты —

Страшной бывает тишина,

Чем орудийные раскаты.

РЕФОРМА ПОЛИТОРГАНОВ:

ОЖИДАНИЯ И ОБРЕТЕНИЯ

проблемы,
события,
люди

ВОЗДУХ

Проведением I конференции организаций КПСС во внутренних войсках завершилось разделение функций государственных и партийных органов, создана самостоятельная структура организации КПСС. Но этим реформирование политорганов в военно-политические не завершено. Наш корреспондент встретился с начальником Военно-политического управления — первым заместителем командующего внутренними войсками МВД СССР генерал-лейтенантом А. И. ГРИЕНКО и попросил его ответить на вопросы, интересующие читателей.

— Александр Иванович, прежде всего несколько слов о сути самой реформы.

— Таково веление времени. Политорганы из органов КПСС реформируются в органы государственно-политические, призванные осуществлять в войсках политику государства. В этом как раз суть реформы, завершающейся к 1 сентября. Уточняется место военно-политических органов в системе военного управления, конкретизируются функции.

— А не происходит ли у нас на деле просто смена вывесок: были политорганы, стали военно-политические органы! Штатные единицы—те же, люди—те же...

— Во-первых, единицы не те же. Численность военно-политических органов сократилась на ту часть военнослужащих, которые ныне заняты партийной, комсомольской работой. Во-вторых, люди не могут оставаться теми же, если на них возлагаются конкретные, зачастую во многом не схожие задачи, по сравнению с теми, которые они выполняли прежде. Само направление деятельности политработников совершенно меняется. Если прежде инструктор политоргана придерживался в основном линии инструктирования партий-

ного, комсомольского актива, организации каких-либо партийных, комсомольских мероприятий, то теперь его усилия направлены на работу с военнослужащими независимо от их партийной принадлежности. Надо сказать, что в новом Положении о военно-политических органах впервые заложено и такой существенный момент — наша обязанность организовывать и проводить воспитательную работу с учетом политических взглядов, национальных особенностей, уровня образования и отношения к религии личного состава. А это, как вы понимаете, означает не просто смену вывесок.

— Но ведь толковый, опытный политработник учитывал это и прежде. Он шел отнюдь не к какой-то безликой массе и там проповедовал партийные идеи. Он видел индивидуальности, заранее думал, как построить разговор, чтобы добиться своего.

— Это с точки зрения психологической. А я веду речь о политическом воспитании людей в новых условиях: с учетом их политических взглядов, национальных черт, отношения к вере. Прежде здесь все зависело лишь от профессионализма политработника, теперь мы говорим о конкретной обязанности, которую возложило на него государство, а следовательно, и готовить будем людей к ее выполнению.

— Что можно сказать о переподготовке политсостава!

— С апреля началось проведение двухмесячных курсов в нашем Высшем политическом училище. Обратились мы за помощью и к учебным заведениям армии, у нас есть практика совместной работы. Мы рассчитываем, что за полтора-два года все наши люди пройдут переподготовку. Кроме того, эти вопросы будут учтены в системе профессиональной учебы, командирской подготовки. Надо ведь иметь в виду, что реформа коснулась не только политсостава. Широкий объем знаний предстоит дать офицерам и другим звеньев — работникам штабов, тыловых служб. Ведь многое достижимо нами лишь во взаимодействии.

Нельзя, думается, не сказать отдельно о тех, кто сидит сегодня на курсантской скамье. В ВПУ с 1 сентября прошлого года перешли на новую программу с военно-педагогическим уклоном. Немало времени будет уделено изучению социальной психологии, социологии, другим перспективным направлениям нашей работы.

— По ходу обсуждения предстоящей реформы высказывалось немало интересного, радикального. Как о чем-то вполне решенном, говорилось о введении в штаты военно-политических органов военных психологов. Наши читатели доказывали необходимость юриста в каждом полку...

— А меня недавно убеждали, что в полку непременно должен быть некий музыкально-эстетический организм во главе с офицером, который бы вел эстетическое воспитание. И уж если мы коснулись этой темы, то на своем служебном пути я почти не встречал тех, кто предлагал бы что-то сокращать, просят и даже требуют добавлять новых работников.

— Так ведь и жизнь не стоит на месте.

— Но при таком подходе у нас на каждого солдата будет приходиться офицер, а то и два. Это не решение проблемы! Оно в другом: любой офицер должен быть и психологом и педагогом. И давайте будем реалистами. Да, со временем и в военно-политические органы вольются люди, которые вплотную займутся только социальной психологией, социологией, станут готовить научно обоснованные предложения для выработки решений управленческого характера. Но сейчас возможности такой нет и потребность в офицере — специалисте широкого профиля останется главной.

— Александр Иванович, большинство наших педагогов, наших воспитателей трудится в роте.

— И на мой взгляд, реформа в меньшей степени коснется политработника роты, батальона. Ведь в подразделении их первой обязанностью, исходя из всего многообразия задач, была индивидуальная работа с людьми. Политработник организовывал политическое просвещение, информировал воинов о происходящих событиях, задавал социально-психологический настрой. Все это в полной мере лежит на его плечах и сейчас. Теперь он связан с организацией работы партийной, комсомольской организаций. Зато общество все строже будет подходить к профессиональному уровню этого человека, которому доверят восемнадцатилетнего юношу и его воспитание на протяжении двух армейских лет.

— Так беда-то как раз в том, что опыта воспитания людей ротному политработнику как раз и не хватало, а служебной нагрузки, как и у любого офицера подразделения — выше головы. Я не раз сталкивался с мнением, что, возможно, надо бы повысить «порог» ротного политработника минимум до майора, чтобы он воспитанием людей занимался основательно, может быть, и всю свою армейскую жизнь.

— Я не знаю в армии более тяжелых должностей, чем должности командира роты и его заместителя по политчасти. Быть практически круглосуточно в непосредственной связи с солдатом, притом таким сложным педагогическим материалом, каким располагаем мы сейчас, — очень нелегко. Тех, кто предлагает задержать в роте замполита на семь-восемь лет, не понимаю.

316

— А как же учитель в школе!

— Разве он работает круглосуточно? Поймите меня правильно: я глубоко уважаю труд педагога, но все же... Он отчитал предмет, прозанимался шесть-восемь часов и ушел домой. А у нас? Я с недоверием отношусь к попыткам узаконить офицеру, работающему с личным составом, подряд два выходных дня. Возможно, компенсация должна идти по линии увеличения отпуска, прибавки денежного содержания. Но два выходных дня в роте... Извините! Кто поварился в такой жизни, поймет меня: да я испытывал бы нечто большее, чем угрызение совести, если бы двое суток не показывался людям на глаза. А учитель! Звонок прозвенел, и за мальчишку дальше ответственность несут родители, различные государственные структуры. А политработник роты, даже находясь в отпуске, вместе с командиром отвечает за положение дел в подразделении. В общем, я так считаю, если человек энергично поработал в роте три-пять лет, мы должны сказать ему огромное спасибо и непременно предоставить условия для роста по служебной лестнице, повышения образования.

— И тем не менее, молодой офицер только перестает «ломать дрова» и уходит на повышение, а на его место в роту, где мы справедливо считаем, куется успех всего дела, вновь приходит лейтенант и опять начинается «ломка дров».

— И все равно я не соглашусь, чтобы в роте сидел дядя. Нужна организация работы всего офицерского коллектива роты, чтобы была преемственность, взаимопомощь. Я понимаю, проблема тут есть. Но я против того, чтобы искусственно тормозить дельного человека. И потолок — майор, подполковник... Да какой он ни будь, характер труда, нагрузки, которые испытывают офицеры ротного звена, чрезмерны для великовозрастного человека.

— Еще недавно с самых высоких трибун доводилось слышать, что функции политорганов изменяются на военно-воспитательные с ярко выраженной направленностью на социальную защиту военнослужащих и членов их семей. Но в утвержденных Президентом страны Общих положениях о военно-политических органах упоминается лишь, что они «совместно с органами военной юстиции организуют оказание юридической помощи, проверяют выполнение в войсках законов и иных правовых актов по вопросам социальной и правовой защиты личного состава». Как же так!

— Президент очертил основные направления предстоящей работы. Для нас они конкретизированы в Положении о военно-политических органах внутренних войск МВД СССР, утвержденном министром внутренних дел. Так вот, в нем говорится

и об ответственности за обеспечение соблюдения принципов социальной справедливости в отношении военнослужащих, рабочих и служащих, членов их семей, о заботе по расширению гласности, демократизации военно-служебных отношений.

Конечно же, проблемы жилья, медицинского обеспечения, отдыха людей требуют особого внимания. Но нельзя забывать, что у нас сегодня практически все в дефиците, т. е. на каждом шагу трудностей непочатый край. Практике еще предстоит нарабатывать многие формы и методы социальной защиты, но уже сейчас можно говорить со всей определенностью: если политработник не будет чувствовать человека в его переживаниях и заботах, то ничего толкового мы не добьемся. У нас ведь черствости очень много.

— Общеизвестно, что казарма страдает и от произвола сверху, и от самого настоящего хулиганства в солдатской среде. Как думают обновленные политорганы бороться со злом!

— Если уповать только на политработника, дескать, вот уж теперь он оградит от произвола, защитит от хулиганства — то по меньшей мере поступать опрометчиво. Такие проблемы, как пресловутая «дедовщина», решаются комплексно, и никак не иначе. А политработник должен задавать тон в этой борьбе. Но на практике, к сожалению, так происходит не всегда. Например, рассматриваю письмо солдатской матери. Женщина была у командира части, где служит сын, ей известны фамилии сослуживцев, которые издевались над ее ребенком. И ведь те сознались, что физически оскорбляли его. Прокуратура отказалась возбуждать уголовное дело. Командир пообещал принять меры. Мать уходит в гостиницу, а на следующую ночь сын повторно покидает пределы части, поскольку нет никакого жилья.

— А что же политорган!

— Действовал, вернее — бездействовал в едином русле со всеми другими, что особенно меня и возмущает!

— Ну, хорошо, съезды политотдельцы этой части на два месяца в ВПУ или еще куда-нибудь, послушают лекции. И что же, перекуются! Вы верите в это!

— Но ведь и среди тех, кто закончит училища, академии на совершенно новой педагогической, правовой базе, найдутся люди, которые войскам ровным счетом ничего не дадут. Не на них мы должны сегодня ориентироваться, и не надо делать трагедий! Конечно же, придет аттестование политработников с учетом всех характеризующих данных. Кому-то поможем подобрать место в других службах. А из других служб человека, допустим, с юридическим образованием, пошлем бы не пригласить к нам на должность инструктора

ра по правовой работе и дисциплине, которая есть в военно-политическом отделе дивизии? Да и в полку теперь—инструктор по социально-правовой работе и дисциплине — социолог.

— Вот вы говорите «социолог». Насколько я понимаю, социологов готовят на философских факультетах университетов, а у нас, простите, по-моему, многие считают это дело плевым: составил вопросник, раздал солдатам, подсчитал «да» и «нет», полюбил на стол командиру.

— А я вижу беду в другом. Многие наши товарищи при слове «социолог» начинают представлять какую-то кабинетную тишь. А на тех уровнях, где он прежде всего требуется нам—рота, батальон, полк, — нужно, чтобы это был прежде всего прекрасный офицер, знающий и понимающий службу. А специализация его тут нечто прикладное. Уверен, на уровне полка «чистый» социолог никогда не приживется. Толковый замполит части уже не может не быть социологом. Считаю, что каждому политработнику в его профессиональную характеристику мы должны заложить определенный объем социологических знаний.

И вот что еще надо иметь в виду. Введение одного-двух новых специалистов в часть, соединение проблем не снимут. Да и сама реформа может только дать импульс в работе, возможность взглянуть на проблему с точки зрения новых подходов и требований. Так что активность, заинтересованность людей остаются в цене.

— Из Ухты пишет нам инструктор-музыкант С. В. Вишняков, за плечами которого 13 лет службы. В июне минувшего года он перевелся в другую часть, тогда же подал заявление о расторжении брака, поскольку семейная жизнь не сложилась. Однако по этому поводу был создан суд чести прапорщиков и сверхсрочнслужащих, который вынес ему общественное порицание. Однако это, как сообщает адресант, не удовлетворило начальника полка. Через неделю суд собрался вновь, и было принято решение ходатайствовать об увольнении Вишнякова из войск. «Какое отношение имеет моя семейная жизнь к службе,—спрашивает военный музыкант,—если замечаний по службе не было, жена ни заявления, ни жалобы не подавала! Прав ли начальник полка?»

— Признаться, нам из Москвы трудно судить, кто здесь прав, кто виноват.

— Я с вами согласен, но если абстрагироваться от судьбы конкретного человека, то, к сожалению, Александр Иванович, в нашей почте нередки подобные письма. Претензия одна — политработники вмешиваются в личную жизнь. При этом «следить» разваливающуюся семью не удается,

а навредить служебному росту сколько угодно.

— И все-таки каждый раз нужно разбираться конкретно, самым внимательным образом, прежде чем что-либо утверждать по существу. Вот в случае с Вишняковым суд чести... Вы понимаете, инструментарий у нас очень велик. Возможно, это была крайняя мера воздействия. Возможно, исходя из конкретной ситуации, рассчитывали «шоковой терапией» еще раз напомнить человеку, что «жена—не рукавица, с белой ручки не стряхнешь да за пояс не заткнешь». Хотя, по большому счету, разумно ли доводить до суда чести такой деликатный вопрос, как семейные отношения?

Но мы не можем без крайностей, без шараханий из стороны в сторону. И уж если быть до конца откровенным, то сегодня меня больше беспокоит нежелание политработников, партийных активистов вообще как-то реагировать на происходящее с сослуживцами.

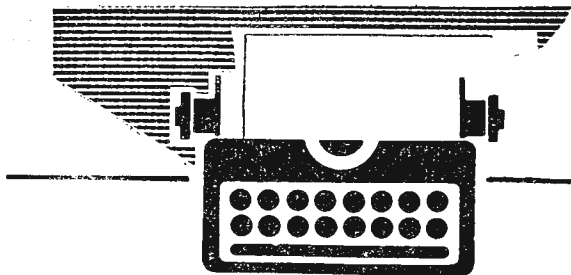
Все последнее время, начиная с XIX Всесоюзной партконференции, мы рекомендовали политорганам придерживаться исключительно методов политического руководства в отношении партийных, комсомольских организаций, других общественных объединений—т. е. ни в коем случае не командовать ими, не навязывать свою волю, свой диктат. Ну а в результате нынешней реформы военно-политические органы с общественно-политическими организациями будут сотрудничать на сугубо паритетных началах.

— Наверное, нашим военно-политическим работникам нужно постараться сразу прибавить в энергичных делах буквально на всех фронтах. Ведь ни для кого не секрет, что иные командиры, и притом в немалых чинах, считают, что фурмановы им ныне не нужны. И это будет сделать тем сложнее, что политработники все-таки остались те же.

— Вы опять, в который уже раз, возвратились к своей отправной точке: люди те же. Но я тогда так поверну этот вопрос. А что если эти люди теперь-то и воспрянут духом, поскольку раньше их талант, инициатива были связаны путами куцых обязанностей, догм, устаревших методик? Сегодня в их обязанностях вы не найдете обтекаемых «организовывать», «мобилизовать», там все куда четче и конкретнее. А стало быть, есть возможность проявить себя более полно.

Да, придут к нам и совершенно новые люди, но для этого понадобится добрый десяток лет. А я знаю, что и сегодня в нашей среде немало замечательных офицеров—творчески мыслящих, работающих нестандартно, с сердцем, с живым умом. Они способны на многое.

Вел беседу
подполковник Е. АРТУХОВ.

«НЕЗАВИСИМЫЕ» ПРОСЯТ ПОМОЩИ

В апреле 1989 года наидемократичные из демократичных изданий, незабвенный «Взгляд» на разные голоса клеймили военных, которые якобы разогнали мирную демонстрацию у Дома правительства в Тбилиси. И в том, что в результате этого инцидента погибло 16 человек, винили солдат. И, помнится, в Тбилиси побывали «правозащитники» с депутатскими мандатами. О том, как проходила встреча с такой авторитетной делегацией у воинов-дзержинцев, мы рассказали в свое время подробно. Прошло два года. В Грузии произошло то, о чем пророчески говорили «независимым» депутатам дзержинцы — участники тбилисских событий: Советская власть по существу низложена.

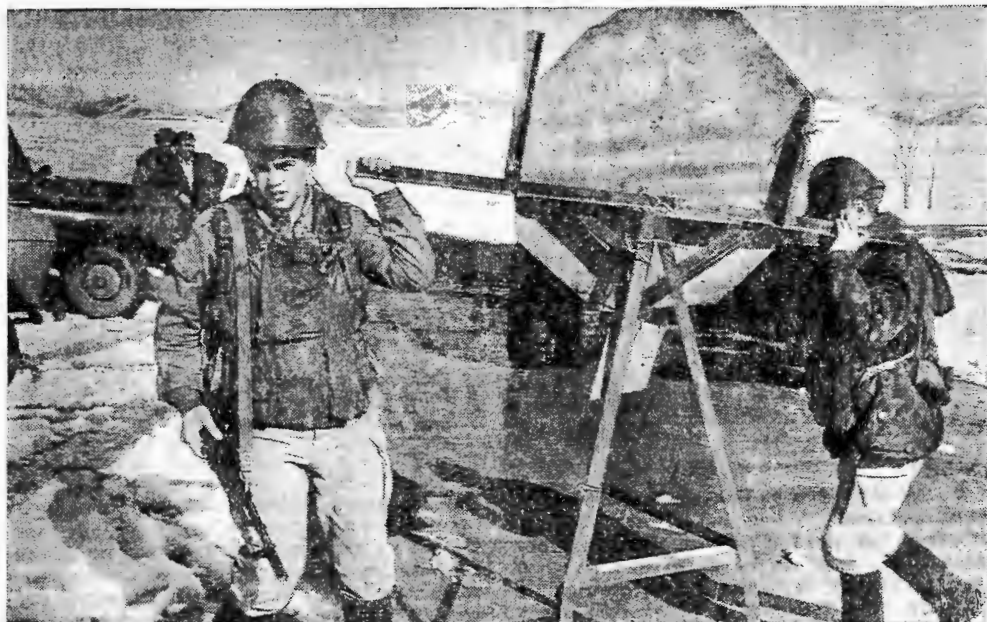
Тогда самозванные миротворцы защищали грузинский экстремизм, а сегодня! Ныне они с пеной у рта доказывают, что военные бесчинствуют в Нагорном Карабахе. Знакомый сценарий. Кто в числе его авторов! Не те же лица!

Как сейчас помню слова Елены Боннэр, которая вместе с мужем Андреем Сахаровым и народными депутатами СССР Юрием Карякиным и Борисом Васильевым в мае 1989 года прибыла в дизвию им. Ф. Дзержинского посоветить солдат. Она говорила: «У меня ни на секунду нет сомнения, что от митинга, который был на площади, не поколеблется Советская власть. Ни капельки она не поколеблется».

А вот поколебалась. И теперь Елена Боннэр, оценивая встречу новых «правозащитников» с Анатолием Лукьяновым, говорит: «Я увидела с его [Лукьянова] стороны полное невосприятие того, что говорят участники поездки — свидетели трагических событий депортации армянских жителей» [«Куранты», 1991, 31 мая]. Та же пластинка со знакомой мелодией. И опять у «правозащитников» нет желания взглянуть правде в глаза. А правда в том, что еще год назад Военный совет внутренних войск обратился к Президиуму Верховного Совета Республики Армения и в редакцию газеты «Коммунист» с просьбой разъяснить народу ложность утверждений о насильственном выселении армянских се-

мей из Камо, Чайкенда и некоторых других сел Ханларского района Азербайджана. Ответа не последовало. Зато, как по команде [или по команде!], независимая пресса дружным хором принялась охавать войска. Договариваются до того, что предлагают предать суду и командующего внутренними войсками Юрия Шаталина, и министра внутренних дел СССР Бориса Пуго. За что! А за то, что они, не взирая на удары и слева и справа, остаются непреклонными в стремлении защитить простой народ, который республиканские власти буквально загнали в тупик. И старейшины сел сами, без понукания обратились к войскам, к союзному МВД с просьбой защитить, помочь в переезде. И, как доказательство того, что труженики армяне по-прежнему верят в великий русский народ, его сердечность и теплоту, многие из них переезжают не в Армению, а в Россию.

Когда же наступит покой в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии, когда почувствуют себя в безопасности русские в Прибалтике и Молдове! Не тогда ли, когда жрецы лжи из «независимых» изданий, холлопски зависимые от своих хозяев, перестанут обливать грязью войска правопорядка! Пора бы уже... Ведь первый звонок прозвенел так громко, что самые из самых «правдивых», «демократических» и «воинствующих» корреспондентов «Московских новостей», «Голоса» и радиостанции «Свобода» обратились в международные организации с просьбой остановить беспредел в средствах массовой информации Грузии. Гамсахурдиа, простите за непарламентское выражение, плевал на их призывы. Он по точно выверенному курсу ведет давший течь в трюмах корабль, ведет подалее от берегов Союза и невдомек ему, что скоро окажется в лучине больших волн. А вот как понадобится помощь, услышат ли его SOS на земле! Так что, господа «независимые» журналисты, знайте, это ваши семена дают всходы экстремизма и оголтелого национализма. Пожинайте урожай. Но не надейтесь, что всегда он будет зреть при ясной погоде. Тяжелые времена грядут. Подумайте...

НИ ДНЯ ТИШИНЫ

■ Самый узкий пере-
шеек между Лачинским
районом Азербайджан-
ской Республики и Го-
рисским районом Респу-
блики Армения под неос-
лабным контролем внут-
ренних войск.

■ Именно здесь при
посредничестве комендан-
тов проводятся «мирные»
переговоры двух сосре-
дельных сторон.

■ Рядового Германа
Чукарина тяжело ранили
боевики. Он отправляется
на лечение в Централь-
ный военный госпиталь
ВВ МВД СССР. В Кара-
бахе остаются его боевые
товарищи — кавалер орде-
на Красной Звезды рядо-
вой Игорь Щербинин и
сержант Владимир Заго-
нов, награжденный меда-
лью «За отвагу». Оба спец-
назовца просят передать
привет врачам — Игорь и
Владимир уже зазлечили
свои раны, полученные в
бою с национал-экстремис-
тами.

В Карабахе по-прежнему
стреляют...

Фото О. СМЕРНОВА.

318

ЖИЗНЬ БЕЗ ПРОТОКОЛА

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ коммуниста капитана А. Забулонова несет службу в глухом, забытом богом поселке, окруженном лесами да болотами. С севера — Коми АССР, с юга — Кировская область. В подчинении Андрея Геннадьевича прапорщики и сверхсрочнослужащие. Люди серьезные, в большинстве семейные. Вот где лафа-то, подумает непосвященный, службу организовал, занятия провел, и в ус не дуй. Ан нет, не все так просто...

Из отчетного доклада секретаря партийной организации старшего лейтенанта М. Гринчука (а на партийном учете здесь четверо коммунистов) нетрудно сделать вывод — дела идут неважно. Ровным голосом озвучивая текст, он зашел издали — с последних событий в международной жизни. Вдруг как на грех погас свет: граждане осужденные, работающие на местной электростанции, после приема пицци изволят отдыхать. Гринчук осекся.

— Да вы без бумажки, своими словами расскажите, чем парторганизация год занималась, — пришел на помощь старшему лейтенанту майор И. Петухов.

Но тот замылся еще больше, а потом после продолжительных раздумий поведал присутствующим, что из двух взводов по итогам прошедшей проверки взвод коммуниста старшего прапорщика С. Курбанова стал отличным. Снова надолго замолчал.

Наверное, Гринчук пытался вспомнить еще какие-то страницы славных дел своей партийной организации, но, так и не вспомнив, перешел к упущениям и недостаткам. Их он помнил наизусть: за отчетный период осужденные трижды ухитрились сбежать из-под надзора, прапорщик Н. Лукманов пьянствовал на боевой службе, не отставали от него и некоторые другие, «закладывая», так сказать, в быту.

Секретарь парткомиссии тщетно пытался каводящими вопросами прояснить роль коммунистов в наведении порядка и укреплении дисциплины. Ни призывы к активности, смешные в тесном кругу из

четырёх человек, ни присутствие «гостей» не заставили партийцев заговорить о наболевшем. Отчет утвердили и тут же стали выбирать нового секретаря...

МОЖЕТ, нечего сказать коммунистам? Не знают проблем своего подразделения, не видят, к чему руки приложить? Или четыре члена партии — люди сплошь равнодушные?

Отнюдь. После собрания, без протокола, они говорили, как и все нормальные люди, продуманно, горячо, взволнованно...

— При наших условиях жизни и службы, — глянул в корень капитан Забулонов, — долго не протянешь. Вряд ли можно назвать их человеческими. Я здесь тринадцатый год. Начинал замполитом, потом командиром роты семь лет. Приехал сюда сразу после училища, думалось, горы смогу свернуть: все дороги открыты передо мной. Наивным был: «Где всего трудней, там и мое место». Только со временем задор исчез, романтики поубавилось, жизнь многое заставила переосмыслить.

Поселок наш построен в начале шестидесятых годов, как и все здесь в округе, и задуман был, разумеется, как временный. Пока поблизости был лес — поселок, зона, где осужденные обрабатывают древесину, — должны были существовать. Но до сих пор дымят печные трубы. Щитовые бараки (их домами-то назвать совестно), где живут мои подчиненные, уже в таком состоянии, что зайти страшно: потолки и стены гнилые, полы покрыты плесенью, и никак от нее не избавишься. Летом сырость, зимой холод. Приходится топить круглые сутки. Все удобства, естественно, во дворе, как в каменном веке... Отремонтировать? Так не то что гвоздей — досок и даже бревен нету! Среди тайги живем, и не смей бревно взять. Все на план идет, а до наших нужд никому никакого дела. Начальство всех рангов — и наше, войсковое, и ИТУшное в курсе, сочувствуют и даже помочь обещают, а только воз на прежнем месте...

— У нас два взвода, — продолжил

старший лейтенант Гринчук, и я поймал себя на мысли, что об этом можно было и в докладе сказать. — Один укомплектован, в другом и половины нет. Люди уходят в основном из-за отвратительных бытовых условий. Если по-хорошему не отпускаем, с миром — начинают пить, на службу не выходят. Уговоры не помогают. Только за пьянку в прошлом году пятерых уволили. Заменить некому — дураков нет! — и служебная нагрузка непомерная...

ПРИТЧЕЙ во языцех и мишенью для острот на партийную тематику была наша застойная привычка откровенно обсуждать все проблемы в курилке, а на собраниях демонстрировать единогласную решимость, делать, говорить и даже думать так, как скажут... Еще в недалеком прошлом наша партийная идеология трубила, что членом партии может быть только самый преданный делу коммунизма человек. Что он не должен требовать для себя никаких привилегий, а больше думать об обязанностях, главная среди которых — всегда быть впереди, показывая пример честной и праведной жизни для, так сказать, несознательной части населения. Рядовые коммунисты шли в авангарде гигантских строек (даже если они приносили огромные убытки и превращали природу в окружающую среду), поворачивали вспять реки, сеяли кукурузу там, где и картошка мерзнет, — словом, безропотно и молча, а то и под громкое «одобрям» выполняли то, что предначертывала партия, во главе которой всегда стоял очередной «верный ленинец и гениальный продолжатель». Простые коммунисты честно выполняли свой долг вместе со всем народом, влача, как теперь стало известно, полунищенское существование...

Но вот парадокс. Тогда об этом не то что на партсобраниях — в курилках говорить опасались. Нельзя было вслух заявить, что при коммунизме жила только партократия, правдами и неправдами достигая «зняющих» высот, взбираясь на очередную номенклатурную ступеньку, напрочь при этом забывая о нуждах народа, но усиленно делая вид, что страна живет в полном достатке и благополучии. А сейчас можно! Не то что на партсобраниях обсуждают, как знаменитое закрытое письмо съезда коммунистам — в газетах и журналах откровенно пишут: народ измучен постоянными дефицитами всего — продуктов питания, одежды, бешеным ростом цен... А отношении к острым проблемам не глобального, разумеется, а местного, в пределах полномочий парторганизации, масштаба, не изменилось.

Не раз старался выяснить у коммунистов: в чем дело? Почему прямо не говорят о том, что наболело на душе? А

в ответ почти всегда одно и то же: «А что толку? Как командир решит, так и будет. Глотку драть — себе дороже».

Конечно, разговоры о долге, чести, о воспитании в духе преданности коммунизму — пустой звук для людей, десятилетиями привыкших к своему бессилию что-либо изменить. Но времена меняются. И, думается, нет смысла противопоставлять решение командира мнению партийного собрания. По одной простой причине — мнения этого не существует, как не существует не то что привычки — желания каким-либо образом изменить ситуацию в свою пользу. И до тех пор, пока коммунисты будут исполнять на собраниях скучный спектакль, изображая обсуждение кем-то сверху предложенной повестки дня, вряд ли что-то изменится в их жизни.

ПАРТИЯ переживает трудное время. Некоторые «носители партийных билетов», обязанные им и головокружительной карьерой, и прочным материальным положением, сегодня уходят из КПСС — почуяли, откуда ветер дует, и мгновенно сориентировались. Не о них речь — жалеть тут не о ком. Это естественный процесс: в трудный момент партию, как правило, покидают люди случайные. Тревожит другое — выходят из партии некоторые рядовые коммунисты: рабочие, крестьяне. И военных сомнения не обошли стороной. В минувшем году в нашем управлении войск из КПСС вышли тридцать три человека — шестнадцать офицеров и семнадцать прапорщиков.

Но ведь большинство осталось! Решать насущные служебные проблемы, помогать командиру видеть ситуацию и с точки зрения подчиненных, проводить в жизнь решения партии, направленные на улучшение жизни и быта народа, трудящихся, — для этого нужны люди активные, заинтересованные, верящие в свои силы, в силы партии.

Беды одного подразделения в той или иной степени типичны: наверняка пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать роты, где полностью решена жилищная проблема, где личный состав обеспечен всем необходимым. Но вдумайтесь: проблемы копились десятилетиями. Последние тринадцать лет, если говорить о конкретной роте — при участии коммуниста А. Забулонова. И не найти в тайге бревен на ремонт? Это не тот случай, когда нужно ждать милостей от начальства — их можно взять у природы. И проблемы повышенной служебной нагрузки разрешимы.

Если, конечно, говорить о них на партийных собраниях, а не в курилке.

Старший лейтенант И. ХОМЯКОВ.
Привольское управление
внутренних войск.

Наш адрес: 111250,
г. Москва, Е-250,
редакция журнала
«На боевом посту»

Материнское слово

Дорогие сыновья, солдаты нашей великой Родины!

Обращаюсь к вам с материнским словом. Вы — наша надежда и опора в это тяжелое для страны время. Ваша верность долгу, Отчизне — залог нашего спокойствия и счастливого будущего.

Помните: уйдут в прошлое сегодняшние беды, но останется дом, где вы родились, наша родная, прекрасная земля, ваши матери, всегда любящие и ждущие вас. И всегда будет ваш родной народ, который по-прежнему будет ценить в своих сыновьях мужество, благородство, смелость, твердость духа, доброту.

Заклинаю вас сердцем матери — берите друг друга, будьте требовательны прежде всего к самим себе. Не национальность, а духовные качества главное в человеке. Все мы дети одной матери — планеты Земля.

Валентина Васильевна ВАХТИНА,
мать солдата.

Кому служит «Столица»?

Первый номер журнала «Столица» прочитал давно, а вот под впечатлением прочитанного нахожусь до сих пор. Впечатление, скажу вам, неважное. Особенно задела за живое страница редактора — зеркало души любого журнала. Чистейшей воды антикоммунизм! Не знаю, кому служит товарищ Главный, но только не своему народу. Цитирую: «...Мы будем подробно рассказывать о той роли, которую продолжает играть в стране Коммунистическая партия, о всех ее попытках дестабилизировать ситуацию, отбросить общество назад, защитить правящий класс номенклатурщиков и бюрократов...». Вот так вот, походя, раз — и всю партию, всех коммунистов черной краской. Прочитает

такую страничку обыватель — успокоится: стабильность в обществе появится.

Под стать главному редактору и автору. Так, народный депутат СССР академик А. Емельянов пишет: «...Союзному руководству сейчас надо проанализировать печальный опыт партии, которая все 70 лет утверждала, что она является авангардом общества. Если бы она была его арьергардом, плелась в хвосте событий и не противодействовала естественному развитию, это было бы полбеды, и мы бы имели, в самом худшем случае, половину сегодняшних проблем. Находясь в авангарде, вернее, стремясь это делать, партия все время мешала обществу двигаться вперед...»

Итак, товарищ академик советует нам, коммунистам, в столь сложное для страны время «плестись в хвосте событий». Понимая так — отказать от политической борьбы, не мешать «демократам» проводить в жизнь их «народные преобразования». Что же, спасибо за совет, но думаю, нам еще рано выходить из игры. Да и не пристало Коммунистической партии бросать свой народ в трудную минуту. Не так ли, товарищи коммунисты?

Ф. ШАПЕНКОВ,
член КПСС с 1940 года.

Без крыши над головой

Мой муж, прапорщик Олег Федчук, служит вот уже с 1986 года неподалеку от Чернобыльской АЭС. За все это время ни разу не лежал в больнице, не был в санатории. На здоровье он, слава Богу, не жалуется, хотя, думается, для профилактики надо же регулярно обследовать всех, кто в зоне опасности.

Но я взялась за письмо по иному поводу: столько воды утекло, как перебрались в город Славутич, а до сих пор мы без своего угла. Начальство, оно, конечно, с квартирами и о нас особо не

320

беспокоится. Наши походы в исполком по сути бесплодны: одни обещания. Неужели человек, более четырех лет прослуживший под боком ЧАЭС, не заработал права на жилье?! Рисковать ему можно, а крышу над головой — подождет. Сколько же еще ждать?! Может, вы ответите?

Написала о том, что наболело, а сама боюсь: как бы это мое обращение к вам не навредило мужу...

Впрочем, в таком положении оказались здесь не только мы.

Л. ФЕДЧУК.

Контролеру бронезилет не положен...

Обходя территорию объекта, прапорщик А. Баскаков увидел спускающегося с крыши общежития по пожарной лестнице осужденного. Подчиниться требованиям контролера злоумышленник наотрез отказался. Пришлось применить силу. С помощью подоспевшего на выручку младшего сержанта В. Корякина нарушитель был задержан. И только после этого прапорщик Баскаков пожаловался на боль в животе — исподтишка осужденный нанес военнослужащему удар спрятанной в рукаве заточкой. Прапорщика срочно доставили в больницу, где ему сделали операцию: заточка пробил печень.

За мужество и решительность, проявленные при выполнении воинского долга, прапорщик Баскаков награжден медалью «За отличие в воинской службе» I степени.

Майор Е. МЯЗИН.

От расплаты не ушли

На одном из рынков Красноярска рэкетеры решили «проучить» кооператоров, отказавшихся платить им дань за право торговать там. Расправа, однако, длилась недолго: заметив патрульный наряд — это были воины внутренних войск, — преступники ретировались.

Сержант А. Мозылев, рядовые В. Воронков и О. Зараев опросили потерпевших, выяснили приметы преступников и начали преследование. Бандиты делали все, чтобы замести следы, но тщетно. Их обнаружили и, несмотря на отчаянное сопротивление — оба были мастерами спорта по борьбе, — доставили в отделение милиции.

За грамотные, смелые и решительные действия воины поощрены командиром части и награждены денежными премиями начальником РОВД.

Майор Н. СЕРОГОТСКИЙ.

«...А потом — военный»

В одном из номеров журнала за этот год прочитал письмо майора М. Киселева «Нужна ли в войсках элита?». Признаюсь честно, приятно было узнать, что нас, военных музыкантов, относят к избранным, «привилегированным». Но оставил в покое тщеславие. Поговорим откровенно о нашем житье-бытье.

Не знаю, как в других частях, а нас нередко привлекают к службе, не связанной с нашими функциональными обязанностями, в том числе к розыскным мероприятиям. Вполне реально, что кто-то из музыкантов однажды станет участником задержания преступника. Окажи тот сопротивление, и достаточно одного удара в лицо — а их пропускают и боксеры-профессионалы на ринге, — чтобы на судьбе моего коллеги поставил крест. Ведь он, как правило, «духовик», для него губы — все!

Для того, чтобы быть классным музыкантом, нужно систематически заниматься, поддерживать свою форму. Скажите, пожалуйста, каким образом это сделать, если тебя постоянно будут отвлекать для выполнения всевозможных распоряжений командования? О какой системе в подготовке может тогда идти речь?

Знаю, что не все со мной согласятся, но выскажу суждение, которое разделяют многие мои сослуживцы по оркестру: я в первую очередь музыкант, а потом — военный.

Теперь о зарплате. Я лично до недавнего времени получал на руки сто семьдесят рублей шестьдесят копеек. Чистыми. Солидная сумма, не правда ли? Да на «гражданке» каждый из нас при желании может заработать в несколько раз больше! Ко всему прочему мы зачастую и бездомные. Если что нас и держит, то только преданность своему делу! И — любовь к войскам.

Мало кто станет возражать, что без военной музыки наша и без того суровая служба многое потеряет. Трудно представить без духового оркестра ритуал принятия присяги, строевой смотр, развод караулов и т. д. Армия, войска и так обделены вниманием культуры. И если еще отказаться от военных музыкантов...

Младший сержант Г. ТУРКЕНИЧ,
военный музыкант.

Дайте клубу заработать!

Прочитал во втором номере журнала за этот год статью С. Немасева «По остаточному принципу». Как будто про нас написано! Взять хотя бы вопрос обеспечения политпросветмужеством. Наши за-

явки не удовлетворяются уже на протяжении нескольких лет! Ответ один — нет поступлений. Вот и приходится выкручиваться кто во что горазд.

Нам постоянно не хватает денежных средств — выделяемых крох явно недостаточно.

А ведь мы бы могли заработать деньги сами. Только уберите, дорогие товарищи финансисты, препоны и рогатки на нашем пути. Позвольте клубу иметь свой бюджет и право самим распоряжаться им.

Пришла пора пересмотреть и штатную структуру клуба. Ему как воздух нужны настоящие профессионалы культурпросветработы, а не дилетанты. Считаю обязательным условием штатной реконструкции введение должности художественного руководителя — вольнонаемного.

Короче, Немасев абсолютно прав: реформа в клубной работе назрела! И надо приступить к ней уже сейчас.

Капитан И. ФЕДОРИШИН,
начальник клуба.

Новое общество

«В. И. Ленин и Отечество» — так называется общество активных наследников дела В. И. Ленина, членами которого стали войны части, где служит подполковник С. Коротенко.

Эта общественная организация была учреждена постановлением бюро Центрального райкома КПСС города-героя Волгограда и президиума правления Волгоградского областного отделения Детского фонда имени В. И. Ленина в августе прошлого года. Тогда же решением Центрального районного Совета народных депутатов был зарегистрирован ее устав.

Направлений в деятельности вновь созданной организации много, но главной целью является пропаганда и практическая реализация идей В. И. Ленина о справедливом, гуманном, демократическом обществе во имя укрепления Отечества.

Старший лейтенант Н. КАМШЕКИН.
ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

В редакцию обратился Владимир Федорович Буханцов — в прошлом прапорщик внутренних войск, ныне пенсионер, инвалид I группы. Ветеран просил помочь ему в пересмотре пенсии в связи с ухудшением здоровья, которое было подорвано во время прохождения службы. На наш запрос в Министерство внутренних дел Украинской ССР пришел ответ за подписью генерал-майора внутренней службы В. Барташевича. Из него следует, что, во-первых, В. Буханцову в связи с введением в действие зако-

Строки из писем

...У меня нет повода обижаться на внутренние войска. Считаю, они нужны народу в критическую минуту. Внутренние войска — это наша национальная гвардия. Только они могут выступать надежным гарантом порядка и стабильности, что не раз подтверждали трагические события в горячих точках страны.

И. МУШКЕЕВ,
ветеран Великой Отечественной войны.

Мой единственный сын попал служить во внутренние войска. И теперь я постоянно нахожусь в страхе за него — ведь он сейчас там, где вылают пожары междоусобных, межнациональных конфликтов, где погибают люди, в том числе и солдаты. Если с ним что-то случится, я просто не переживу...

Е. ШЕРСТНЯКОВА.
г. Смоленск.

Не знаю, к кому обратиться, а хотелось бы узнать, есть ли у нас в Советском Союзе спецвойска или наемная армия, где могла бы служить женщина, если она занимается спортом (вот уже семь лет), главным образом лыжами, борьбой. У меня есть такое желание. Думаю, что это полезное дело. Если есть такие войска, напишите, как туда добраться. Жду ответа.

Ольга РУДЫХ, 18 лет.
о. Сахалин.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы показали письмо Ольги Рудых специалистам Главного управления командующего внутренними войсками МВД СССР. Нам разъяснили, что пока вопрос о наборе женщин в войска специального назначения и подразделения, комплектуемые на добровольной основе (речь идет только о ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МВД СССР), увы, ни в каких инстанциях не рассматривался. А жаль! В Канаде, например, для женщин, решивших надеть военную форму, никаких ограничений не существует, кроме должностей на подводных лодках и капелланов. Так неужели наши девушки хуже канадских!

на СССР «О пенсионном обеспечении военнослужащих» с 1 января 1991 года сделан перерасчет пенсии, к которой, в частности, теперь приплюсовывается надбавка за уход за инвалидом. Во-вторых, управлению внутренних дел Донецкой области рекомендовано возбудить ходатайство перед ВТЭК об изменении причинной связи инвалидности от заболевания, полученного в период прохождения службы, что позволит увеличить размер пенсии.

ТРИ боевых патрона получила, смотрела, — заученной скороговоркой произнесла Людмила Федоровна, согревая в ладони золотистые патроны к «макарову».

Капитан И. Агапов согласно кивнул в ответ на привычную уставную формулу: — Ваша мишень — первая...

Если бы первая, с неожиданной грустью подумала старший прапорщик Буриба, а то сколько их уже продырявлено за службу, никак не меньше сотни. Правда, самые первые, действительно, пуля не брала — стояли как заговоренные. Еще шутили тогда подруги: пуля — дура, гвоздь — молодец. И смех и грех. Лиха беда начало. Когда это было-то?.. Да вскоре после того, как впервые провели ее, оробевшую, через контрольно-пропускной пункт на территорию исправительно-трудовой колонии.

...Редкий мужчина без трепета взирает на колючее ограждение колонии — временной обители преступивших законы государственные. Настолько чужеродным кажется этот мрачный многоугольник, будь то непролазная тайга, современный микрорайон большого города или глухая деревушка. Что уж о женщинах говорить, натурах более чувствительных, тонких и сентиментальных?! Вопреки неумолимой логике жизни не можешь, как ни стараешься, увязать воедино женщину, девушку, мать, сестру, жену и, не приведи господь, «лагерь».

Увы.

Людмила Федоровна Буриба, командир взвода контролеров, взвода специфичного, женского, однажды призналась: страшно было. Восемнадцать лет прошло, а и сегодня помнит, как пробежал неприятный холодок по спине, когда перешагнула она черту между миром ярких, цветастых козынок, трезвонящих трамваев, фруктового мороженого и миром серых стеганок, серых будней и серых мыслей. И больше

всего боялась Людмила Федоровна не самих обитателей жуткого островка полутеней — пугал забор, нет — Забор. Величественный и грозный, он был повсюду, куда ни кинь взор, давил, ммя хрупкую женскую душу. Особенно длинными ночами.

А ведь не из-за школьной парты и не от ткацкого станка пришла — кое-какой опыт службы за плечами был. В забайкальской глубинке, в стрелковой гвардейской дивизии. Правда, служба та — дело-производителем строевой части — ни в какое сравнение с нынешней не шла. Тогда вокруг были симпатичные, обходительные, веселые офицеры и прапорщики с их особым, присущим только армейской среде уважительно-шутливым отношением к женщинам в воинском коллективе. Здесь, на службе, вовсе не до шуток, и на добрый, теплый взгляд, приветливую улыбку осужденных рассчитывать не приходится. И то верно — за что им любить тебя, за что почитать? Хотя в общем-то и ненавидеть не за что. Ни один контролер в мире не повинен в горькой судьбе законопреступников, но нередко именно на его долю выпадают самые обидные слова, самые колючие взгляды, а порой, чего скрывать, острые заточки и увесистые булыжники. Так уж нескладно устроен человек, что причины несчастий своих зачастую склонен видеть в ближних, вымещать зло на окружающих, отгораживаясь глухой стеной непонимания и неприятия истинных истоков мытарств и бедствий. Точь-в-точь по Крылову: «Ты виноват уж в том, что хочется мне кушать...»

Только выдержку и терпение можно противопоставить ожесточению людских сердец. И человечность. Подлинную, а не показушную. Людмила Федоровна уверена в этом, и вряд ли кому удастся ее переубедить...

— На рубеж открытия огня...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА Терновых, тоже старший прапорщик, шагнула одновременно с Людмилой Федоровной. Вот так же, шаг за шагом преодолевала она многотрудные ступени служебной лестницы. От новичка-контролера до профессионала — заместителя командира взвода. Много воды утекло с тех пор: время безжалостно. Но одно осталось неизменным — отношение Натальи Петровны к осужденным. Его она определила так: смесь жалости и сострадания. Чего только повидать не пришлось, казалось бы, могла и привыкнуть; ведь привыкают ко всему, даже к людскому горю. Но нет, до сих пор не понимает, как это можно видеть перед собой серую массу, разбитую на «ятерки», и не замечать прекрасных даже под блеклыми, казенными платками женских лиц, не слышать биения их сердец под выдавшими виды телогрейками. Что из того, что на душе у тебя кошки скребут и дети сетуют — редко видимся, подумаешь, настроение неважное: контролер не должен, не имеет права быть жестокосердным, злым, грубым. И не только потому, что осужденные женщины и без того хлебнули горяшка с избытком. Их судьбы вверены нам, считает Наталья Петровна, и было бы низко и подло превращать исправительно-трудовое учреждение в примитивный полигон для проявления и испытаний своих страстей и амбиций. В конце концов главная цель их временной изоляции от общества — перевоспитание, пусть даже оно неважно организовано и скверно обеспечено в нашем государстве и держится на голом энтузиазме низов. Но скажите, кто, когда и кого обратил в иную, праведную веру грубым словом, бесчеловечным отношением?

...— Старший прапорщик Терновых к стрельбе готова.

— Огонь! — подал команду капитан И. Агапов, в который раз уже отмечая про себя, что ни один устав, ни одно наставление не предусматривает рапорта или доклада в женском роде. Жизнь куда шире устава. Она, случается, такие колена выкидывает — диву даешься, дыхание перехватывает. Но на службе ничего сказываться не должно.

ХОТЯ, куда от этого деться, личное давит порой ощутимо. Хлопотно и трудно живется нашей женщине. А если она при погонах — вдвойне. Ну, кто когда по-настоящему вникал в их несущие нужды, особые, специфические? Служба службой, а семью накормить, приодеть, дом обустроить, чтобы уютно было мужу и детишкам, надо? Непременно. А как, если за Забор выходишь, когда на дверях магазинов увесистые замки. Да и что там купишь сегодня, в магазинах-то? Полковой же — немощен, куда ему женскую роту всем необходимым обеспечить. А «Военторг», как на грех, отвернулся от внутренних войск — дескать, вы теперь не наши, раз вас из Вооруженных Сил вывели. С глаз долой — из сердца вон.

Не часто доводится в ярких нарядах красоваться: как праздник — так усиление в войсках, все настороже. Бог с ними, с нарядами — службу нести, случается, не в чем: то одного, то другого на вещевом складе нет. Размеры то на школьниц, то на рубенсовских красавиц. А женщина — она и на службе хочет оставаться женщиной — красивой, опрятной с иголочки, чтобы не невольно, походя скользнул взгляд постороннего — задержался. Но военное ателье с некоторых пор не жалует вниманием. Отговорок масса, а толку мало. Вот и хранятся годами аккуратными стопочками ордера на пошив. И забнут в лютые морозы на пронизывающем до костей ветру хранильницы семейных очагов, представительницы слабого пола в крайне легкомысленных шинельках.

А жилье? Притча во языцех. Последнюю квартиру роте дали еще в застойные времена, только старожилы и помнят, сколько радости тогда было. Как появилась программа «Жилье-2000» — исчезли квартиры. Остроножающиеся же в них по-прежнему есть, как не быть? С детьми малыши. Неприкаянные, вовсе без угла. Такие, как прапорщик Наталья Анищенко.

А тут новая напасть — ведомственные сады (а где они, свои-то?) цены взвинтили, по три шкуры с «чужих» родителей сорвать норовят, меньше чем на 100—120 рублей за ребенка (многочетные стонут) в месяц не соглашаются. Не нравится, говорят, ищите другое место для ваших детей — кто ж его приберег для них? Незаконно? Да, зато выгодно. Выгодно фундамент рыночных отношений на человеческих лишениях закладывать. Благо, командование части первые удары на себя приняло, и грабители из сферы дошкольного воспитания временно отступились. Надолго ли?

...— Старший прапорщик Терновых стрельбу окончила.

— Оружие к осмотру.

Руки сами знают, что делать: магазин, затвор, спусковой крючок, предохранитель, — порядок, все хорошо. Одно плохо — чересчур часто дни занятий совпадают с днями отдыха, ведь служба идет по особому календарю. Никуда не денешься — замкнутый круг: занятия мешают отдыху, но и без занятий нельзя.

Бывают тягостные минуты, когда дело не клеится и хочется от отчаяния бросить все и уйти. Но минуты, не более. Года перевешивают, года нелегкой, но очень нужной службы. И тогда понимаешь, что уже не можешь без боевых подруг, без строгого регламента жизни, без ободряющей улыбки командира, без счастливого взгляда ребятишек во дворе: «Моя мама — солдатка!». Без этого проклятого Забора, наконец. Как понимаешь и то, что с женской этой работой, кроме них, женщин, не справится никто.

А. ШУРУЛОВ.

ШКОЛА

«ЦЕНТУРИОНОВ»

Служба по охране общественного порядка волею обстоятельств стала приоритетным направлением в деятельности внутренних войск. То, что сегодня на первый план выдвигаются вопросы подготовки личного состава оперативных и милицеских частей, еще раз подтвердили читательские письма — отклики на публикацию Е. Серова «Профи» из Канады [1991, № 2]. Как это делается у нас, хочется верить, известно многим. А вот как готовят новых «центурионов» в Англии и Америке!

КТО ПОМОЖЕТ? КОНСТЕБЛЬ

ДАЛЕКО НЕ каждый подданный Великобритании может с уверенностью претендовать на почетную, престижную роль блюстителя правопорядка. В первых, требуются соответствующие внешние данные: грозой экстремистов и хулиганов может стать мужчина не ниже 172 (женщина — 162) сантиметров, физически здоровый, молодой — до тридцати лет. И, во-вторых, нужен достаточно высокий общеобразовательный уровень. Будущие полицейские не только принимают присягу в присутствии мирового судьи, но и сдают вступительные экзамены, надо заметить, довольно сложные. И те, кто выдерживает это испытание, направляются на четырнадцатинедельный (для кандидатов в лондонскую полицию — шестнадцатинедельный) курс начальной подготовки в окружной учебный центр.

В Великобритании их шесть. Все находятся в сельской местности и располагают необходимой базой для строевой и физической подготовки, составляющей значительную часть учебного времени, особенно на первых порах.

Но и выпускник учебного центра не вправе считать себя сформировавшимся полицейским. Его ждет двухлетняя (!) служба в качестве стажера в одном из под-

разделений унифицированной полиции, чаще всего в частях патрульно-постовой службы, выполняющих задачи, сходные с задачами милицеских частей внутренних войск, — вот и первая параллель. Так ли уж беспочвенна мысль: будущих профессиональных работников милиции после соответствующей сборовой подготовки призывать на службу именно в войска, занимающиеся охраной общественного порядка? Двух зайцев в этом случае убиваем: к нам станут поступать не новички на патрульно-постовой службе, а затем в органы внутренних дел придут уже понюхавшие порошу парни.

Однако вернемся в Великобританию, где именно после двух лет службы стажера утверждают в должности констебля и... направляют на краткосрочные курсы профессиональной подготовки рядового состава (детективов, патрульных, собаководов и т. д. — в зависимости от ориентации). Столь тщательная и, по нашим представлениям, длительная программа, в которой теоретический курс неразрывно связан с практической деятельностью, позволяет готовить Профessionалов с большой буквы.

Правда, и на этом этапе учеба не заканчивается. Она продолжается постоянно. Ежегодно стражи правопорядка сдают экзамены и проходят аттестование. Отличные показатели — реальная возможность получить очередное звание и должность. Но не так-то просто заслужить похвалу компетентных, строгих педагогов. Только каждый десятый претендент на звание сержанта и каждый третий на звание инспектора, как правило, выдерживают конкурсные испытания.

НАИБОЛЕЕ престижным ведомственным центром по подготовке младшего, среднего и старшего командного состава является штабной полицейский колледж в Брэмсхилле. Учебная программа здесь помимо сугубо специальных дисциплин (уголовное право, управление полицией, полицейская техника) включает занятия по истории, социологии, экономике, литературе, английскому и иностранному языкам. И это вполне объяснимо: блюстители порядка по роду своей деятельности не только разгоняют демонстрации и митинги, но и просто контактируют с людьми — представителями различных социальных слоев общества, в том числе и с интеллигентными, образованными. Общине с полицейскими не должно оставаться горького осадка в их душах. Это с одной стороны. И с другой — высокий общеобразовательный и правовой ценз полицейского позволяет на месте, без нервных проволочек разрешать многие, порой весьма сложные проблемы. И в старой шутке: если вам трудно, зовите констебля — изрядная доля правды.

Впрочем, английские специалисты довольно самокритично оценивают систему подготовки полицейских, и потому ныне на рассмотрение компетентных органов предложена новая учебная программа. Считается, что базовый курс целесообразно проходить в шесть этапов.

На первом этапе (4 недели) новобранец получает общее представление об организации полицейских сил и повседневной службе, знакомится с основами обеспечения правопорядка. На втором (10 недель) — в окружном учебном центре усваивает основы будущей профессиональной деятельности, классификацию наиболее частых правонарушений. Следующие 5 недель — третий этап — наставник-констебль прививает стажеру навыки пешего патрулирования, предоставляя все возможности для закрепления полученных знаний на практике. На четвертом и пятом этапах (свыше 5 недель) совершенствуются навыки патрульной службы. И наконец, шестой этап — непосредственно конкурсные испытания, оценивающие знания и навыки стажера. Предполагается, что курс этот позволит улучшить качество подготовки рядового состава полицейских сил Великобритании.

Характерная особенность кадровой политики в английских правоохранительных органах — при выдвижении на руководящие должности предпочтение отдается обычно тем, кто прошел все без исключения ступени полицейской карьеры. Вот уже почти полвека не было прецедента, чтобы место главного констебля (начальника местного полицейского управления) занял человек, как говорится, со стороны, то есть не прошедший многолетнюю службу в регулярных частях английской полиции.

**... ЗНАТЬ,
ЧТОБЫ ЖИТЬ**

ЕСЛИ ОТБРОСИТЬ в сторону все прочие аргументы в пользу тщательной подготовки полицейского в США и оставить только один — много знать и уметь надо для того, чтобы остаться в живых, — этого будет вполне достаточно. И потому система обучения и воспитания кадров для правоохранительных органов в Соединенных Штатах Америки покоится на солидной основе. Убедителен хотя бы такой факт: почти во всех штатах разработаны базовые программы подготовки будущих полицейских. Именно будущих. Что это значит?

К примеру, в полицейском управлении графства Кук (штат Иллинойс) круглогодично функционируют курсы первоначальной подготовки молодежи к службе в полицейских силах. Учащиеся — юноши и девушки в возрасте от 14 до 21 года — знакомятся с будущей профессией. Так что случайный человек в правоохранительных органах Штатов — явление куда более редкое, нежели у нас. И в отличие от кружков ЮДМ (юных друзей милиции) и других маломощных полупринудительных организаций, действующих в нашей стране, курсы действительно имеют серьезную материально-техническую и методологическую базу.

На классных занятиях курсанты постигают такие науки, как этика и право на действия по своему усмотрению, профилактика преступлений, взаимоотношения с населением, основы патрулирования. На практике изучаются средства связи, тонкости процедур задержания, обыска и многое другое. Можно представить, каким кладом для наших милицеевских частей были бы новобранцы, прошедшие эту школу.

Вот уже без малого пятьдесят лет, как в штате Джорджия создан федеральный центр подготовки личного состава органов правопорядка. На площади в 600 га размещился целый учебный город с корпусами, спортивными комплексами, полигоном для стрелковой подготовки, штатом квалифицированных, опытных преподавателей и инструкторов.

СПЕЦИАЛИСТОВ готовят по двенадцати отдельным учебным программам в зависимости от заказа той или иной федеральной организации. Учитывается все — от климатических особенностей штата до уровня преступности в регионе. Курс составляет 5—17 недель, исходя из того, какую специальность при-

обретают слушатели. Не менее 400 часов отводится проблемам общения с населением, почти 1000 часов — овладению основами культуры и психологии национальных меньшинств (очень бы пригодилась эта наука и нам), проживающих на территории штата. Налицо четкая дифференциация и даже индивидуализация подготовки полицейских сил, максимальное приближение ее к обстановке в регионе.

Значительное внимание уделяется выработке у курсантов навыков принятия правильных решений в трудных ситуациях. Фон — имитация реальной обстановки с помощью компьютеров, видеокассет, магнитофонных записей, деловых игр. Будущие стражи правопорядка учатся взвешивать целесообразность применения оружия и физической силы с учетом правовых и моральных последствий, эффективно справляться с чувством страха и другими эмоциями в острых моментах. И, безус-

ловно, постоянно проигрываются оптимальные варианты поведения при встрече с преступником.

Что касается среднего и высшего звена сотрудников правоохранительных органов, для их подготовки в США имеется целый ряд известных всему миру университетов, институтов и школ. Их отличает прежде всего узкая специализация. Достаточно сказать, что количество учебных программ превысило 1500 и постоянно растет, ибо в жизни возникают новые криминогенные сферы, в которых дилетантам делать нечего. Впрочем, не только длительность и качество подготовки способствуют высокому профессионализму американского полицейского, но и престижность самой профессии, ее четкий правовой статус и соответственно гордость за принадлежность к силам правопорядка.

Майор О. НИКОЛАЕНКО.

ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

КАРАУЛ... НА ХОЗРАСЧЕТЕ?

Прошли времена голого энтузиазма. Теперь рыночные отношения и на первом месте в системе стимулирования стоят материальная заинтересованность, прибыль. В выигрыше и работник, и предприятие. А кто в проигрыше? Да воинские части, кто же еще.

Раньше, бывало, богатые шефы не скупясь оказывали помощь. То стройматериалы подбросят, то, глядишь, телевизор цветной презентуют, то мебель новую для караула. А сейчас, в условиях хозрасчета, когда каждая копейка на учете, о былых их щедротах остается только вздыхать.

Не подумайте, мы не иждивенцы какие-нибудь. Рады бы своими силами обойтись. Но при той скудости средств, которые поступают в воинские коллективы по каналам централизованного снабжения, это практически невозможно. Ремонт казармы, приобретение музыкальных инструментов, материальное стимулирование — кто вплотную сталкивался с этим, знает,

каково командиру подразделения без «спонсора».

А ведь можно найти дополнительные источники материальных средств, не уповая на милость «добротного дяди».

Снажем, охраняет рота производственный объект, часовые задерживают нарушителей пропускного режима, «несунов». Все они потом, как правило, лишаются прогрессивки, премий или уплачивают штраф. Почему бы какой-то процент от этих сумм не перечислить подразделению? Часть денег — на хозяйственные нужды, остальное — в фонд поощрения.

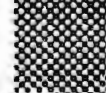
Мне могут возразить: у нас и так поощряют добросовестных, администрация охраняемых объектов идет навстречу. Верно, поощряют. Бритвенными станками, например, и праздникам. Напоминаю лишний раз о нашем незавидном положении «бедных родственников».

Итак, караул на хозрасчете? Почему бы и нет. Рынок так рынок. Для всех.

Прапорщик Ю. ПРИХОДЬКО.

ДУБЛИСТИКА

Советские люди сегодня крайне озабочены кризисным — политическим и экономическим — состоянием страны. Негативные явления с каждым днем продолжают нарастать: падает уровень производства всех видов товаров, в том числе продовольственных, отчего резко ухудшается жизнь народа. Голод, гражданская война — это уже реалии завтрашнего дня.

Во всей грозной силе встает перед нами призрак развала, гибели СССР. Мы еще до конца не осознали, какую опасность для существования нашего государства таят в себе резко сбострившийся национальный вопрос, борьба за так называемый суверенитет республик и автономий.

Да, народ на состоявшемся 17 марта Референдуме сказал свое слово: «Союзу быть!» Однако в нашей истории найдется немало примеров, когда важнейшие государственные решения принимались вопреки воле народа. Опасность развала страны сохраняется, потому что силы, стремящиеся к этому, оружия не сложили.

О том, к чему может привести «парад суверенитетов», и рассказывается в публикуемой ниже статье историка Анатолия ИВАНОВА.

ВЕРНУТЬ РОССИИ ИМЯ

О ДНО из самых модных слов в последнее время — «суверенитет». Вдруг расплодилось столько суверенных образований, что они дали богатую пищу для фантазии сатириков и карикатуристов. Многие «суверенные товарищи» кипят возмущением против пародии на их любимую игру, однако, похоже, употребляют этот термин, не совсем точно представляя себе, что он обозначает, подобно тому как Попандопуло из популярной оперетки «Свадьба в Малиновке» очень нравилось слово «вундеркинд», и он щеголял им к месту и не к месту, просто потому что «слово красивое».

Слава Богу, нашелся грамотный юрист Ю. В. Голик, который растолковал на четвертом Съезде народных депутатов СССР, что «существование Союза абсолютно суверенных государств невозможно даже в теории, и тем более невозможно оно на практике. Два суверенитета в одном государстве — это нонсенс». Об этой же абсурдности, бессмысленности «парада суверенитетов» говорила на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР и Г. В. Старовойтова: «Суверенитет, с точки зрения международного права, неделим. Иначе вспоминается известное литературное произведение, безумный герой которого говорит о том, что внутри земного

шара находится еще один земной шар, гораздо больших размеров». Суверенитет, если перевести этот термин на русский язык, есть осуществление верховной власти на определенной территории, говорить о своих суверенных правах могут только независимые государства, ограниченного суверенитета в рамках СССР или РСФСР не может быть, такой суверенитет предусматривала только печальная память доктрина Брежнева.

Смешно и обидно, что этой игрой для маленьких увлеклась и великая Россия. Можно, конечно, понять причину, потому что, как правильно отмечает Б. Н. Ельцин, «ее (России) государственность долгое время была в основном номинальной», а председатель Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Р. Г. Абдулатипов заявил: «Россия не может терпеть до сегодняшнего дня фактического существования на правах автономной республики». Все это верно, но власть Ельцина пока что распространяется только на территории РСФСР, готовность же вышеозначенного деятеля рассматривать все, что находится за пределами этой территории, как за границу, есть самый настоящий акт предательства национальных интересов русского народа.

Итак, сегодня, в условиях распада страны, все упирается в границы. Конечно, Старовойтова — фигура одиозная, но к некоторым высказанным ею мыслям стоит прислушаться, особенно к такой: «Нам не уйти от большого и тяжелого вопроса о необходимости пересмотра и согласования некоторых республиканских границ, которые были установлены в сталинское время без учета реального расселения народов и исторической преемственности их территории. Конечно, уточнение границ в качестве реализации права наций на самоопределение должно вестись не стихийно, а в рамках правового процесса, на основе согласования заинтересованных сторон и опираться на три критерия: 1) Историческая принадлежность территории; 2) Современный этнический состав населения; 3) Волеизъявление населения данной территории, заявленное тем или иным легитимным путем как результат референдума или решения органа представительной демократии на данной территории».

Старовойтова считает, что «только сочетание всех трех принципов принимается за достаточное основание для внесения изменений в сложившуюся структуру национально-государственного устройства». С моей же точки зрения, вполне можно обойтись без первого пункта.

Тюменский депутат Н. А. Павлов, делая иные выводы, нежели Старовойтова, исходит из тех же предпосылок: «Определяемые после 1917 года Лениным, Сталиным и Хрущевым границы носили абсолютно условный характер. Они определялись произвольно, без переговорного процесса и всяких референдумов».

НЕЗЫБЛЕМОСТЬ границ между республиками... Этот принцип записан не только в нынешней брежневской Конституции. Первая Конституция СССР 1924 года тоже провозглашала, что территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия. Однако этот принцип никогда не соблюдался. РСФСР начали «обглаживать» в том же 1924 году, когда Белоруссии были переданы восемь уездов Витебской и шесть уездов Гомельской губернии, Горечкий уезд и ряд волостей из других уездов Смоленской губернии. В 1926 году к Белоруссии были присоединены еще два уезда Гомельской губернии и город Гомель. В результате территория Белоруссии расширилась более чем вдвое.

Но самые большие потери наша республика понесла в другом месте. До 1936 года в ее состав в правах автономных входили Казахстан и Киргизия, причем Казахстан включал в себя тогда и Каракалпакскую область. Последующее выделение Казахстана и Киргизии в отдельные союзные республики без пересмотра границ было самой большой несправедливостью, допущенной по отношению к русскому населению этих республик и к России в целом за весь советский период.

А. И. Солженицыну удалось наконец сказать во всеуслышание то, о чем давно писали в самиздатских статьях русские патриоты: сегодняшняя огромная территория Казахстана «нарезана была коммунистами без разума, как попадая; если где кочевые стада раз в год проходят — то и Казахстан». «А составлен-то он — из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразованных и воссозданных — русскими, земками да ссыльными народами. И сегодня во всем раздудом Казахстане казахов — заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть — это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться — то и с Богом».

Казахов в Казахстане действительно всего 36 процентов, однако и здесь русское большинство начинает испытывать на себе притеснения. Об этом рассказала на встрече с патриотической общественностью в Севастопольском райсовете Москвы 21 декабря 1990 года народный депутат СССР от Усть-Каменогорска С. Г. Васильева. В области, которую она представляет, 90 процентов русского населения, однако и здесь насильственно навязывается казахский язык, на который требуют даже перевести все

техническую документацию. Русские не имеют права даже уехать из Казахстана без разрешения властей. Понятно, почему: работать будет некому. Когда после событий в Душанбе начался отъезд русских из Таджикистана, там стали останавливаться заводы. Поневоле вспомнишь, как русским, уезжавшим из Баку, местные подонки кричали: «Русские, не уезжайте! Вы нужны нам, как рабы».

При такой ситуации нет ничего удивительного в том, что на объединенной сессии районных и городского Советов народных депутатов Усть-Каменогорска был поднят вопрос о создании национально-административного района пока что в составе Казахстана. Круче поставили этот вопрос сибирские и уральские казаки: они потребовали включить в состав РСФСР всю территорию Северного Казахстана и провести для этой цели референдум среди коренного казачьего и русскоязычного населения.

Казахи обижаются на Солженицына, проводят демонстрации под лозунгами: «Не отдадим ни пяди казахстанской земли!», «Туркестан — для тюрков!». Казахский писатель Ануар Алимжанов сетует, что в Уральске, Усть-Каменогорске и Петропавловске, где большинство населения — русскоязычное, возникли отделенческие тенденции. Он связывает уменьшение процента казахов в республике с геноцидом, который устроил в Казахстане организатор убийства царской семьи Голощекин. У нас к Голощекину такое же отношение, как у казахов, но сегодня речь идет не об этом и не о том, собирается Казахстан отделяться от России или нет, а только о положении русских, которые в зависимости от этого положения должны иметь право выбора.

Н

АЧАЛОСЬ бегство русских и из соседней Киргизии, где их около миллиона. Как сообщили «Известия», за шесть месяцев 1990 г. из этой республики уехало русских в 2,6 раза больше, чем за весь

1989 год. Народное хозяйство теряет высококвалифицированных рабочих, строителей, инженеров. А откуда, если разобраться, бегут эти русские? Из России, которая по вине антирусских правителей перестала быть Россией.

Перестал быть Россией и Крым, подаренный в 1954 году Хрущевым Украине, словно какая-то бессловесная вещь. Указ Хрущева об этом царском даре крымско-татарский писатель Сейтумер Эмин, выступая на VII съезде писателей РСФСР, назвал хулиганским и бандитским, и лучше, пожалуй, не скажешь.

Около 90 процентов населения Крыма выступает за возвращение в состав РСФСР, хотя Ельцин уже запроектировал Крым Украине, а председатель Украинской республиканской партии Левко Лукьяненко доказывает, что жившие в Крыму с X века славяне — предки именно украинцев — так срывает первый пункт Старовойтовой. Однако ссылки на X век ничего не могут изменить в сегодняшней ситуации: русские составляют подавляющее большинство населения Крыма, да и во времена Крымской АССР, в 1930 году, их там было 42,2 процента, татар — 25,1, а украинцев всего 10,8 процента.

Угроза воинствующего украинского национализма заставляет всерьез задуматься о всей дальнейшей судьбе и жителей других областей Украины, в которых преобладает русскоязычное население. Как сообщают «Московские новости», выдвигается идея создания, пока что в рамках Украины, на федеративных началах, Новороссии, в состав которой, кроме Крыма, предполагается включить Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Кировоградскую, а также части Донецкой, Днепропетровской и Запорожской областей.

На какое-то время отрывали от России и кусок на севере, когда в 1940 году Карельскую АССР, чтобы хоть как-то внешне компенсировать свою неудачу в финской войне, преобразовали в Карело-Финскую ССР, из которой в 1956 году без особого шума опять сделали автономную ССР в составе России.

В 1940 году правительство СССР постаралось в той мере, в какой это представилось возможным, вернуть бывшей Российской империи территории, утраченные в результате революции и гражданской войны. Отсюда война с Финляндией, оккупация Прибалтики, раздел Польши и возвращение Бессарабии. Однако все эти приобретения сегодня выходят нам боком.

Три Прибалтийские республики, единожды вкусив независимости, уже не могли об этом позабыть и сегодня требуют восстановить историческую справедливость. Требование это законно, но нельзя добиваться справедливости для себя, творя несправедливости по отношению к другим. Каждая из трех республик имеет свои проблемы.

Начнем с Эстонии. В ней около 40 процентов русскоязычного населения, причем сосредоточено оно в основном на северо-востоке. После декларации о выходе Эстонии из состава СССР представители трех городов этого района (Нарвы, Кохтла-Ярве и Силламяэ) создали Межрегиональный совет с целью защиты русскоязычного населения, которое не желает оказаться вне СССР, и не придумали ничего лучшего, как обратиться за поддержкой к Ельцину, однако тот решительно отверг какую-либо возможность вмешательства России во

внутренние дела «суверенной Эстонской республики». Вывод разочарованных русских: «Ельцин оставил нас на произвол судьбы, предал нас («Рабочая трибуна», 14 декабря 1990 г.). В общем, ситуация на северо-востоке Эстонии очень напоминает ситуацию с Ольстером после отделения Ирландии от Англии, и последствия могут быть столь же трагичными.

Е

СЛИ в Эстонии можно наметить какой-то рубеж раздела, то с Латвией дело обстоит еще сложнее, поскольку здесь процент русскоязычного населения приближается к половине, и сторонникам независимой Латвии трудно рассчитывать на победу на референдуме. Однако, не завоевав еще и Латвии, они уже претендуют на Пыталовский район Псковской области.

Литва — одна из самых многонациональных республик в Союзе, однако и у нее есть свои трудности, правда, больше с поляками, чем с русскими. Интересно, что и здесь русские выступают в роли союзников притесняемых национальных меньшинств, и литовцы довели наших старинных недругов поляков до того, что они стали нашими друзьями. По мнению литовских националистов, поляки Литвы — не поляки, а полонизированные литовцы, которых нужно снова превратить в литовцев. Поляки на этот счет иного мнения: в сентябре 1989 года они объявили национально-территориальным один из районов своего компактного проживания — Шальчининский (поляков здесь 82 процента). В октябре 1990 года в городке Эйшишкес Вильнюсского района (67 процентов поляков) было провозглашено создание Польского национально-территориального края. Много поляков живет также в Тракайском и Швенченском районах. До войны они составляли большинство населения Вильнюса, переданного Литве в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа. Мало того: 3 августа 1940 года в день принятия Литвы в состав СССР ей были переданы Свенцянский район, а также части Видзовского, Годушковского, Островецкого, Вороновского и Радунского районов Барановичской и Вилейской областей Белорусской ССР, и если Литва не признает закон СССР от 3 августа 1940 года, она должна вернуть эти земли Белоруссии.

После войны Литва вновь получила отобранную у немцев Клайпеду, а теперь жители Калининградской области обсуждают вопрос, не создать ли Балтийскую автономную республику и не отобрать ли у Литвы в случае ее выхода из СССР Клайпедский край, где велик процент русскоязычного

населения, и половину Куршской косы, как сообщил на декабрьском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС второй секретарь Калининградского обкома А. С. Савкин.

В Молдавии, где русскоязычного населения тоже около 40 процентов, как в Эстонии, русским приходится кроме самих себя защищать от дошедших до озверения молдавских националистов небольшой турецкий народ гагаузов, которому угрожает геноцид за попытку заявить о своем праве на самоопределение — молдаване признают это право только за собой.

Одним росчерком пера 22 декабря 1990 года ликвидировали новообразованные Приднестровскую и Гагаузскую республики, хотя молдавские депутаты Б. Т. Палагнюк и М. К. Пашалы умоляли не делать этого. Но какое дело любителям больших политических игр до каких-то несчастных русских! Образование Приднестровской республики, видите ли, «противозаконно»? А присоединение этих территорий к Молдавии было законным? Как напомнил тот же депутат Б. Т. Палагнюк, созданная в 1924 году на этих землях Молдавская АССР входила в состав Украины. К этому следует добавить, что половину населения этой АССР составляли украинцы, а молдаване — лишь 30 процентов. В 1940 году без согласия народа, без решения Верховного Совета Украины, как подчеркнул Палагнюк, шесть районов Молдавской АССР были включены в состав вновь созданной Молдавской союзной республики. Таковы исторические факты. А ведь молдаване к тому же предъявляют претензии и на чужие территории, например, на Измаил, словно взявший его Суворов был молдавским полководцем, а также на Черновцы, хотя уж они-то к Молдавии никакого отношения не имеют. Так что Солженицын слишком расщедрился: дескать, пусть Молдавия отделяется, если ее к Румынии больше тянет. Надо сначала определить, где она кончается, эта Молдавия, а Солженицын, похоже, знает только про Казахстан, а про другие республики — не знает, — и вот его имя пишут на своих знаменах сепаратисты и пытаются нас, русских, побить его авторитетом!

Ч

ТО КАСАЕТСЯ Закавказья, то раздражающие его противоречия не вчера возникли. В период гражданской войны три закавказские республики тоже вкусили независимости, но вкушали они ее недолго, всего три года, на протяжении которых почти непрерывно воевали друг с другом. Один англичанин, которого занесло тогда в Грузию, писал о ней: «Это классический пример империалистической ма-

лой нации и по отношению к захвату территорий вне своих пределов, и по отношению к бюрократической тирании внутри государства. Шовинизм здесь превосходит всякие пределы» (Е. Дабкина. Грузинская контрреволюция. Л., 1928, с. 92). «В то время как Советская Россия провозглашала полную автономию и независимость всех малых народов бывшей Российской империи, меньшевистское грузинское правительство кровью и железом подавляло законные стремления абхазского, юго-осетинского и аджарского народов к автономии», — так говорилось в одном из воззваний абхазского ревкома в феврале 1921 года («Борьба за победу Советской власти в Грузии»). Документы и материалы 1917—1921 гг. Тбилиси, 1958, с. 663).

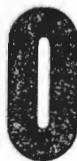
А что мы наблюдаем сегодня? Да то же самое! Абхазам с оружием в руках приходится отбиваться от наседающих на них грузинских националистов. После того, как Красная Армия, воспользовавшись как предлогом восстанием армян в феврале 1921 года на спорной территории Борчалинского уезда, вступила в Грузию, Абхазия вошла в состав последней, имея совершенно особый статус ССР, который в 1931 году был понижен до уровня обычной АССР. Начавшаяся затем усиленная грузинизация Абхазии привела к тому, что абхазы начали просить о принятии их республики в состав РСФСР, но помехой опять стал все тот же принцип «нерушимости границ». К сожалению, сегодня дело осложняется тем, что абхазы в своей республике оказались в меньшинстве — их там всего 17 процентов, поэтому возникает идея о разделении этой республики на абхазскую и грузинскую части, тем более что абхазы уже переселяются из Очамчирского и Сухумского районов в Гудаутский — подальше от Грузии, поближе к России.

Иное положение в Южной Осетии. Осетин здесь две трети населения. Жители Южной Осетии трижды восставали против меньшевистского правительства Грузии, и сегодня первый акт победивших на выборах грузинских националистов — ликвидация автономной Южной Осетии за «еретическое» желание ее народа воссоединиться со своими братьями по другую сторону Кавказского хребта и соответственно с Россией.

Кровоточащая рана Закавказья — Нагорный Карабах, и опять-таки по причине неверного подхода к определению границ между республиками, и жестокого упорства, побуждающего цепляться за эти границы сегодня.

Предоставим мусульманам самим выяснять между собой, кто и почему взял Кара-Калпакию у казахов и отдал узбекам: каким образом после выделения в 1931 году Таджикской АССР из состава Узбекистана в самостоятельную союзную республику масса таджиков осталась в Узбекистане, и их начали насильственно превра-

щать в узбеков и т. д. Правда, средства решения взаимных споров во всех этих республиках ужасают. Узбекский писатель А. Якубов еще на первом Съезде народных депутатов СССР сетовал: какой смиренный узбекский народ и как его все обижают — и это за несколько дней до событий в Фергане, где этот народ показал свое «смирение» во всем блеске. Недавно те же узбеки растерзали несчастных русских солдат в Намангане, а президент Узбекистана И. А. Каримов продолжает твердить «народ не виновен». Народ не отвечает за отдельных лиц, а в поведении толпы как раз выражаются характерные черты нации. А. Антоновская рассказывает в романе «Великий Моурави» о турецких нравах, о том, как толпы народа стекались на публичные казни и получали тем большее наслаждение, чем больше мучились жертвы. Одной русской женщине, жившей в годы эвакуации в Ташкенте, молодой узбек заявил: «Ты — хороший человек, поэтому я тебя сразу убью, мучить не буду». Нет, определенные качества заложены в крови, так что Сумгаит и Баку, Фергана и Ош — не случайность.

О Т СОЮЗНЫХ республик перейдем к автономным. В программе по национальному вопросу, составленной для Межрегиональной группы депутатов покойным Сахаровым и печально знаменитой Старовойтовой, предлагается поднять на уровень союзных и все автономные республики, области и округа, что означает фактическое расчленение Советского Союза на 53 куска. Резолюция Американского Конгресса от 6 июня 1959 года предусматривала раздел СССР всего на 20 кусков, но, поскольку у нас всегда все планы перевыполняли, Межрегиональная группа решила не нарушить славную традицию. Однако великая специалистка по национальному вопросу Старовойтова почему-то не сочла нужным принять во внимание, что большинство этих автономных образований представляет собой административные фикции, рожденные фантазией деятелей вроде героя повести А. П. Платонова «Город Градов» Бормотова, который «хотел объявить в Градовской губернии Автономную национальную республику, потому что в губернии жили пятьсот татар и штук сто евреев». У многих республик и областей оснований быть автономными примерно столько же. Из 16 автономных республик, входящих в состав РСФСР, коренное население превышает половину лишь в шести: Чувашии, Туве, а также четырех республиках Северного Кавказа — Дегестане, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии.

Из перечисленных кавказских республик Чечено-Ингушетия уже объявила о своем выходе из СССР и РСФСР. Здесь неясно: во-первых, потеряли мы одну или две республики, поскольку ингуши настойчиво требуют восстановить свою, когда-то существовавшую отдельно, — в последний раз это требование выдвигалось на втором съезде ингушского народа в Назрани в марте 1990 года; во-вторых, оба отделившихся народа предъявляют территориальные претензии к соседям, так что на наших (или уже не наших?) рубежах возникают опасные очаги напряженности. Ингуши хотят отобрать у осетин часть Владикавказа, который был в 20-х годах совмещенной столицей двух автономных областей, а чеченцы требуют у Дагестана назад Ауховский (Новолакский) район, откуда в годы войны было выселено 30 тысяч чеченцев-акинцев. Кто будет посредником в этих спорах? ООН?

В годы войны к Советскому Союзу зачем-то присоединили Тувинскую республику, из которой ныне тоже поступают тревожные вестки. «Известия», например, сообщали: бутылками с зажигательной смесью были заброшены дома русскоязычного населения в селе Элегест. Град камней летел в окна русских жителей Сосновки. После зверского убийства на озере Сут-Холь двух русских рыбаков и 14-летнего школьника тысячи жителей столицы Тувы — Кызыла на траурном митинге потребовали отставки руководства республики, которое, конечно, старается представить ситуацию более благопристойной, чем она есть на самом деле, и свалить все на средста массовой информации. Но вряд ли от чтения газет из Тувы с мая по июль 1990 года выехали 4000 человек.

Из наших автономных республик с наибольшим шумом требуют повышения своего статуса до уровня союзных Башкирия и Татария, козыряя при этом количеством своего населения. Башкирские депутаты очень любят подчеркивать, что в их республике 4 миллиона жителей, но они умалчивают при этом, что сами башкиры составляют всего четверть населения этой республики, другую четверть — татары, а примерно половину — русские. Так как же правильно назвать сие суверенное государство — русским, татарским или башкирским? К тому же в Татарии, о чем с тревогой писал в «Правде» от 25 января 1989 года татарский писатель Рафаэль Мустафин, кое-кто ратует за объединение Татарской и Башкирской автономных республик в единую, союзную, другие замахваются только на западные районы Башкирии, где компактно проживает татарское население, а третьи мечтают о Великой Татарии, которая включала бы в себя также пограничные районы Марийской, Чувашской и Удмуртской АССР и значительную часть Ульяновской, Куйбышевской, Оренбургской и других областей. С реабилитацией бывшего «национал-уклониста» М. Х. Султан-Галиева,

критиковавшего Сталина за «недооценку первостепенной важности борьбы с великодержавным шовинизмом», воскресают и его планы Федерации Урало-Волжских ССР в составе Татарской, Башкирской, Чувашской, Марийской и Удмуртской республик. Между тем в Татарии живет лишь четверть всех татар СССР, и в населении республики их доля меньше половины. Местные русские, в пику татарским притязаниям, даже требуют вообще ликвидации этой автономии и восстановления Казанской губернии.

Коренное население составляет около трети в Мордовии, Удмуртии и Якутии, около четверти — в Бурятии и Коми АССР. Меньше всего его процент в Карелии — 11 по старой переписи, а теперь?

ГРАНИЦЫ всех этих республик определялись «от фонаря». И вот теперь подобные рубежи, в которых воплотились великие замыслы бессмертного Бормотова, призваны стать границами суверенных и независимых государств!

И за пределами РСФСР существуют автономные республики-фантомы, взять хотя бы Аджарию, образованную по чисто религиозному, а не национальному признаку. Или Нахичеванская АССР: ведь это всего лишь отколотый кусок Азербайджана, и если за ним сохранить автономию, то и русские Калининградской области, находящиеся точно в таком же положении, имеют полное право на создание Балтийской автономной республики. О переходящей Кара-Калпаки уже говорилось: она населена только на треть каракалпаками, на треть узбеками и на треть казаками, и только у самих каракалпаков можно узнать, к кому они больше тяготеют, но их почему-то не спрашивают.

Все пять автономных областей РСФСР также представляют собой административные фикции, равно как и Горно-Бадахшанская АО в Таджикистане, однако и они, увлеченные дурными примерами, погнались за суверенитетами. Эдак мы доживем и до нового Израйла на Дальнем Востоке, хотя евреев в Еврейской АО — всего 5 процентов.

Как всегда, больше всего страстей — на «погибелном Кавказе». Карачаевцы, подобно ингушам, обижаются, почему не восстановили их собственную автономную область, а присоединили их к Черкесской АО, хотя их, карачаевцев, в пять раз больше, чем черкесов.

Все это верно, только следует добавить, что и тех, и других, вместе взятых, в этой области меньше, чем русских. Депутат от Кабардино-Балкарии В. Ж. Мстафов рас-

сказал, что кабардино-черкесы, высланные в свое время из России, обращаются к Москве с мольбой рассмотреть их вопрос. По его словам, в результате репрессий и геноцида кабардино-черкесского народа в прошлом веке сейчас в 48 странах мира проживают более 3,5 млн. человек этого народа. Слово «геноцид» употребляет и адыгейский писатель И. Машбаш, когда говорит об изгнании двух миллионов адыгов. Но, во-первых, изгнание все-таки не геноцид, давайте не будем путать. Вот как пишет об этих событиях даже известный русофоб М. Н. Покровский: «Черкесам было предложено на выбор: или переселиться с причерноморских земель на Кубань, или вовсе оставить Кавказ и выслаться в Турцию. Около 30 тысяч согласились на первое — до 400 000 предпочли второе. Из черкесских племен только кабардинцы, самые старые соседи русских, остались под русским подданством в полном составе, зато шапсуги выселились почти сплошь в Турцию» («Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», 1924, с. 229). Как видим, геноцида не было, а был выбор, причем кабардинцы сделали его вполне однозначно. Во-вторых, «мольбой» дело не ограничивается. Как заявил на учредительном съезде Славянской партии, состоявшемся в Москве 22 октября 1990 года, представитель Кубанской казачьей рады, в чаянии возвращения адыгейских эмигрантов адыгейцы уже сейчас захватывают исконные казачьи станицы.

И, наконец, автономные округа, тоже притязаящие теперь на суверенитет. Их у нас в РСФСР десять, однако лишь два из них, Бурятский и Коми-Пермяцкий имеют действительные основания претендовать на автономию. В остальных же процент коренного населения колеблется от максимум 34 в Усть-Ордынском Бурятском до трех в Ханты-Мансийском.

Чукчи справедливо обижаются, когда о них рассказывают анекдоты, но не надо и создавать поводы для анекдотов, как это невольно сделал В. М. Етылен, заявивший вместе с другими депутатами от автономных округов протест против выступления народного депутата СССР В. И. Самарина, якобы «выдержанного в духе великодержавного шовинизма». Но ведь Самарин как раз выражал сожаление по поводу того, что в Ямало-Ненецком окружном Совете из 39 народных депутатов только три представляют пять коренных национальностей, а Етылен утверждает, что в Архангельском облсовете нет ни одного депутата из представителей малочисленных народов Севера именно потому, что этот Совет якобы исповедует образ мыслей Самарина. Етылен прав: малочисленные народы не виноваты в том, что они оказались в меньшинстве, и они должны иметь все права на свои земли, но необходимо уточнить: именно на свои, с учетом нынешней численности, а не на всю территорию огромного округа.

И

ТАК, везде одна и та же проблема: абсолютное несоответствие административно-территориального деления этническим рамкам. Находятся и люди, указывающие верный путь к решению этой проблемы, но, к сожалению, к их голосам пока не очень прислушиваются.

«Союз народов, а не территорий», — таков заголовок и основной тезис статьи аспиранта АОН В. Тарасова, опубликованной в «Литературной России». Идеи этого автора сводятся к следующему: «Административно-территориальное деление Союза не должно абсолютно связываться с этносом». «Высший законодательный орган везде — от союзного уровня, затем губернского, краевого, окружного, а где необходимо, и городского, районного, поселкового и сельского уровней — двухпалатный Совет, где одна палата — национальностей, вторая — представителей». «Для выражения интересов различных народов начиная с союзного уровня создаются соответствующие советы, ассоциации, союзы наций. Прообразом этого могут быть организации, создаваемые сейчас советскими немцами, греками, корейцами и т. д.». С Тарасовым нельзя согласиться только тогда, когда он абсолютизирует свой метод, пригодный лишь для тех случаев, когда перемешанность делает невозможным разделение.

Аналогичные идеи высказал такой авторитетный народный депутат СССР, как А. А. Денисов. Он прямо назвал существование суверенных государств в государстве историческим анахронизмом, а невежественных радикалов, носящихся с суверенитетом как с писаной торбой, — воинственными провинциалами. Он выразил надежду, что нынешний «кризис приведет нас к союзу на базе самоопределившихся наций, а не территорий. Вот тогда бы действительно был создан нерушимый Союз наций, причем даже тех, которые не имеют закрепленных территорий, вроде цыган, евреев, греков и других».

Как же лучше всего было бы назвать наше государство? Думаю, самое правильное предложение внес белорусский депутат А. Г. Журавлев, почему-то, правда, сразу же этого застеснявшийся: он предложил «вернуть нашему поруганному Отечеству, гражданам которого были наши отцы и деды, его историческое имя. Это было Государство Российское», поэтому «наше Отечество... должно называться, как и прежде, — Россией».

Да, видимо, настало время вернуть России свое имя.

ПРИБАЛТИЙСКИЙ

ГАМБИТ, название начал шахматных партий, в которых одна из сторон жертвует чаще всего пешку. Гамбит называют по расположению фигур... либо по имени автора (Советский Энциклопедический Словарь).

Десять дней, проведенных в Прибалтике, дали богатую пищу для наблюдений, размышлений и выводов. Прошу принять их как мое личное мнение, с которым вы можете и не согласиться.

Кое-что о пользе мимикрии

Когда у Витаутаса Петкявичюса спросили, смогут ли существующие ныне в республике силы восстановить независимость Литвы, известный писатель ответил старым анекдотом:

— Да, смогут. Но жаль литовцев...

За что Петкявичюс, как и многие другие из числа литовской творческой интеллигенции, стоявшие у истоков «Саюдиса», а сегодня покинувшие его ряды, немедля получили прозвище «отступников» и были подвергнуты остракизму в литовской печати.

Вообще-то это в стиле «новой литовской демократии». Можно объявить вне закона Компартию и для устрашения непокорных ввести смертную казнь. А для тотального контроля над населением узаконить доноительство. Набираешь по указанному телефону вовсе не секретный номерок и «стучишь» тихонько об известных тебе лицах, которые «ме-

шают людям шагать по пути реальной независимости Литвы». Самое интересное, что придумала это «суперэлитарная» правящая в республике партия с гордым названием «Независимость».

Но, вовсю раздувая паруса сепаратизма и тотального устрания непокорных, отцы нации явно перестарались. Еще вчера собиравший под свои знамена многотысячные митинги, сегодня «Саюдис» стремительно теряет не только сторонников, но и просто поклонников, которым, как футбольным фэнам, важнее не идея, а антураж: трехцветный шарф или свитер с рисунком-эмблемой «родного клуба», связанных в тех же желто-зелено-красных тонах.

В своей программе саюдисты утверждали, что не будут добиваться власти. На поверку же оказалось, что борьба идет именно за власть. И не за какую-либо, а за личную.

Причин тому несколько. Но главная из них—большой обман. Ради этого и лицемерно эксплуатируется идея «государственной независимости». Ради этого и упорное отрицание Союзного договора. Отрицание даже тогда, когда никто его проекта еще не читал и не знал, что же он сулит, каковы условия вхождения и пребывания в СССР. Сейчас в Литве разве что младенцу не ясно, что дело не в договоре, как таковом. А в том, что сегодня можно уже не мимикрировать, не маскировать свои намерения лозунгами в поддержку перестройки, а безбоязненно говорить о желании любой ценой распрощаться с Союзом.

А что взамен? Многие из литовцев, с кем приходилось общаться на улицах Вильнюса, не без оснований предполагали: экономические и политические потери республики в случае разрыва многолетних связей наступят немедленно, приобретения же от полученной свободы—в неопределенном будущем; неизбежные потери будут больше, чем ожидаемые иллюзорные приобретения. Да и можно ли считать приобретением для литовцев верный шанс в скором времени встать под ружье и оказаться в итоге «пушечным мясом». Что такой исход вполне реален, убеждают январские события в Вильнюсе. Найдете ли вы в списках хотя бы легко раненных тех, кто, едва подогрев популистски, вывел толпы на площади? Ну а заботливый отец нации, что мчит без разбора на лихом скакуне, сшибая все препятствия и увлекая в никуда собственный народ,—отчего столь храбрый воитель всякий раз в опасную минуту ставит впереди себя живую стену безоружных подданных? Или это стало считаться признаком демократии, национальным героизмом и доблестью, когда вот так других под пули?

Вопросы эти не риторические, над ними сегодня в Литве задумываются многие. И пусть не вводят вас в заблуждение итоги республиканского опроса населения о самостоятельности республики. Убежден: если бы содержание вынесенного для голосования вопроса было связано с выходом Литвы из СССР, результаты опроса были бы совершенно другими.

Вот этого как раз и не могли допустить литовские власти. Потому-то и категорически запретили проводить на территории республики всеоюзный референдум, справедливо полагая, что итоги его будут резко контрастировать с сепаратистскими устремлениями саюдистов. Говорят, дурной пример заразителен—след за литовским парламентом Латвии, Эстонии, Молдовы, Грузии и Армении отказали народам своих республик в праве высказать отношение к Союзу как обновленной федерации суверенных государств. И все же, преодолевая все запреты—юридические, милицейские, полицейские, беснующиеся кордоны националистов у избирательных участков,—люди искали возможность принять участие в референдуме. И пусть их голоса не были решающими—за единый Союз высказалось подавляющее большинство советских людей,—гражданский поступок жителей этих республик не стал менее значим.

В Вильнюс с «черного хода»

Не считаясь с тем, что и без того немалый дефицит республиканского бюджета быстро растет, в Литве «пошли навстречу» парламентариям и членам правительства, безмерно увеличив им зарплату, выделяя валюту на многочисленные зарубежные во-

Объявив борьбу с бюрократией, саюдистские лидеры увеличили расходы на управленческий аппарат республики с 30 млн. до 50 млн. рублей.

яжи. Понимаю, что считать деньги в чужом кармане—не в правилах хорошего тона. Но это, так сказать, в порядке обмена информацией с 73-летней Виргинией В-но:

— Пенсии едва хватает, чтобы несколько раз сходиться в магазин. А что делается с ценами? Сюрпризы каждый день. Кончилась наша более-менее спокойная жизнь, и вряд ли поможет нам, полуслепым, хромым, глухим, независимое государство, верхушка которого не устает повторять, что Литве сегодня нужна прежде всего здоровая рабочая сила. А остальных куда? На свалку? Я прожила большую жизнь. Видела, как жили литовцы в буржуазной Лит-

ве. До 15 лет не знала, что такое сливочное масло. Конечно, товар в Литве был всякий, но не для всех. Я ходила по улицам мимо богатых витрин магазинов босиком, как и многие мои сверстники. Это считалось нормальным. Сегодня, похоже, Литва возвращается в прошлое. Открываются коммерческие магазины, но что могу купить в них я, старуха, на свою жалкую пенсию? Да и другие у меня и моих подруг заботы — как бы прокормиться...

Независимая Литва спешит на всех парах в европейский дом. Дай бог, чтобы тепло, светло и уютно ей было там. Только не забудь, госпожа Литва, взять с собой «Виргинию В-не и ее немолодых уже подруг. Куда они без тебя?

Да на дорожку загляни в горячее обеденное время к вильнюсским столовым «Дзукия» или «Банга» — они кормят нуждающихся бесплатной похлебкой. Ты не увидишь здесь лохочных европейцев. Безмолвно стоят в очереди жалко одетые люди. Есть среди них и старики с орденскими планками на груди. Какими бы грубыми словами их ни окликали сегодня на улице, колодки старики не снимают. Дрожаящими руками берут тарелки с супом, спотыкаясь, бредут к столу... Все отняла госпожа Литва. Но поклон ей низкий за миску с супом.

Два цвета для коммунистов: дегтя и крови

Сегодня в Прибалтике время хамелеонов, побросавших партийные билеты и ставших яркими антикоммунистами. Со всех сторон только и слышится: КПСС — преступная организация — к ответу! К стенке! Имущество отобрать!..

Конечно, потери в такой ситуации неизбежны: есть перебежчики и трусы, и просто обыватели, и честные коммунисты, потерявшие контроль над нервами, и искренне разуверившиеся в способностях партии выстоять в этой свинцовой кутерьме. Но нет, как говорится, худа без добра — коммунисты закаливались под «беглым огнем» неприятеля, избавившись от «балласта», теснее сомкнули свои ряды.

Взять Компартию Латвии. В ее рядах сегодня около 130 тысяч. Из них 30 процентов латышей. Так что все разговоры о том, будто Компартия в Латвии разбежалась, что ее поддерживают только русские, — очередная басня из сказочного сериала псевдодемократов.

Несмотря на всю сложность ситуации в Латвии, член ЦК КПЛ Владимир Леонидович Сердюков смотрит в будущее без особого пессимизма:

— Мы считаем себя партией авангардного типа, защищаем интересы рабочих, крестьян, всех трудящихся. За достижение своих политических целей Компартия Лат-

вии борется двумя основными формами: парламентской — через своих представителей во фракции «Равноправие» Верховного Совета республики мы добиваемся создания коалиционного правительства; и внепарламентской борьбы — политическая агитация, проведение массовых политических акций. Мы не призываем к забастовкам, но и не исключаем их как крайнюю меру защиты интересов трудящихся. Защиту интересов конкретного человека, чьи права ущемлены, осуществляем в форме политического, правового протеста.

В экономической области наша программа достаточно тесно связана с реальной жизнью. Да, мы выступаем за рынок. И считаем, что он должен формироваться на основе экономической самостоятельности товаропроизводителей. Для этого нужно серьезно отнестись к проблеме разгосударствления собственности. Мы пошли здесь на очень крупный шаг — обратились в правительство страны с предложением об объединении предприятий союзного подчинения, расположенных на территории республики, в Государственное межотраслевое акционерное объединение. Такое объединение уже создано и называется оно «РХЛ». Основная доля акций принадлежит трудовым коллективам, а меньшая — пропорционально распределена между Союзом и республикой. Это обеспечит реальную экономическую самостоятельность трудовых коллективов. Влияние «РХЛ» среди предприятий республики становится все сильнее, вопреки противодействию правительства Латвии...

Критикам КПСС очень хочется приучить всех нас смотреть на партию их глазами. Им невдомек, что партия сегодня уже далеко не та, что была еще год-полтора назад. Посвежешая духом, избавляющаяся от скверны, распрямляющая и собирающая силы, она уже сейчас в состоянии противостоят тем, кто, прикрываясь положением демократизации, рвется к установлению националистической диктатуры. И дегтем ее сегодня не измазать, кровью не запугать. Сколько ни пытайтесь, господа.

Враг № 1

Знаете, кто наряду с коммунистами носит в Латвии это «почетное» название? Правильно, Вооруженные Силы и внутренние войска. В ноябре прошлого года Верховный Совет республики принял постановление «О недопустимости преступной деятельности отряда милиции особого назначения и Вооруженных Сил СССР на территории Латвийской республики». В одном из пунктов ОМОНа статуса работников милиции и запрещении привлечения отряда к охране общественного порядка. Совету Министров Латвии поручено принять меры по его разоружению. Хотелось

бы только знать, как конкретно представляют себе это мероприятие народные депутаты? Кто будет разоружать: бывшие коллеги из МВД, а быть может, даже друзья омоновцев? Если это хотя бы в мыслях доблестными парламентариями допускается, почему бы им самим благородно не взяться за столь рискованное дело? Или депутатская кровь другого цвета, чем у работников милиции? Что это, если не официальный призыв к вооруженным конфликтам?

К сожалению, призыв республиканских властей был услышан, по всей видимости, именно теми, к кому он на самом деле и адресовался — местными нацистами. Безусловно, следственным органам, прокуратуре еще предстоит расставить все точки над «i» в тех конфликтах в Риге, что повлекли за собой человеческие жертвы. Ясно одно: всячески нагнетая истерию вокруг «черных беретов», не брезгуя унижением человеческого достоинства членов их семей, перейдя от угроз к действию в отношении самих омоновцев, экстремистам от «национальной идеи» удалось спровоцировать отряд на применение оружия в целях защиты собственной жизни, своих родных и близких.

Почему вдруг ОМОН стал неугоден латвийским законодателям и лично министру внутренних дел Латвии Алоизу Вазнису? Ведь еще недавно все дружным хором хвалили «черные береты» за их заслуги в борьбе с организованной преступностью.

Суть конфликта в том, что после принятия решения о департизации республиканских органов МВД омоновцы категорически отказались приостановить свое членство в партии. Это неконституционно, заявили они. Мы остаемся верны присяге, законам СССР, Конституция СССР и Латвийской ССР, обязуемся выполнять приказы А. Вазниса в той степени, в какой они не противоречат конституционным нормам и Указам Президента СССР.

Рассказывает заместитель командира ОМОН капитан Ю. Чигвинцев:

— «Холодная война» началась, когда нам вполне открыто предложили послужить латышскому национализму. А в отряде у нас — девять национальностей, 17 процентов латышей, и далеко не все из них разделяют взгляды нынешнего руководства республики...

Не хотите послужить — не надо, решили в республиканском министерстве. Только в этом случае мы вас объявим вне закона. А свято место пусто не бывает.

И вот уже при непосредственном участии А. Вазниса полным ходом идет фор-

мирование так называемых отрядов полиции особого назначения, призванных заменить «строптивый» ОМОН. По словам заместителя начальника республиканского штаба отрядов ДНД Латвийской республики господина Георгия Бесхлебникова, лично принимающего участие в создании этих полицейских структур, «в особых отрядах будут самые преданные и посвященные люди, которым будет доведено все. Особые отряды будут бороться с контрреволюционными идеями и действиями, а также с контрабандой и массовыми переходами границы мешочниками из России и с Востока».

Вам все понятно, граждане свободной и независимой Латвии? Судя по заявлениям господина Бесхлебникова, вам придется жить в тоталитарном полицейском государстве, ибо уже формируется карательный орган — политохранка, призванный контролировать действия всей милиции, бороться с «контрреволюционными идеями и действиями».

Пиво для полицейского

Похоже, что республиканские правоохранительные органы в Прибалтике соревнуются: кто кого больше удивит своими реорганизационными новациями.

Министр внутренних дел Эстонской республики подписал и распространил по всем городским и уездным отделам приказ № 188. В нем сказано, что в связи с упразднением прежних структур и созданием структур полиции все сотрудники милиции должны быть уволены. Исключение сделано только для работников исправительно-трудовых учреждений и пожарно-спасательной службы. Приказ касается и вольнонаемных.

Свое мнение по поводу создавшейся ситуации выразил заместитель министра внутренних дел Эстонии и начальник отдела кадров В. Лембинен:

— Штатов новой полиции еще нет. Известно только, что званий в полиции не будет. Как станут решать вопрос трудоустройства сержантов, майоров, полковников, которые до сих пор работали в соответствии с союзным Положением о прохождении милицмейской службы и которое, кстати, никто не отменял? Этого я тоже не знаю. Мне непонятно также, почему этот приказ надо было издавать в ситуации, когда преступность в республике неуклонно растет. Думаю, на этот вопрос могли бы ответить те, кто был автором этого документа. Но эти люди не из МВД. Я был категорически против приказа, как и первый заместитель министра. И тем не менее... Да о чем говорить, если меня даже не привлекли к подготовке приказа. Несмотря на то, что я уже почти 15 лет ведаю кадрами в системе МВД. Точнее — ведал. Все, хватит, подаю рапорт на увольнение. Больше так работать невозможно...

— Кто заменит опытных, квалифицированных специалистов? Видимо, этот вопрос задавали себе и руководители республики. Иначе бы не создали под Пярну, в бывшей спецшколе для юных правонарушителей... школу полиции.

Среди курсантов необычной (пока?) школы — ребята разных национальностей, хорошо, впрочем, знающие эстонский, что было неременным условием при поступлении. Все они получают 150 рублей стипендии. Деньги небольшие, если учесть, что бутылке польского пива, которое можно купить прямо на территории полицейской школы МВД республики, красная цена 2 рубля 10 копеек. Здесь не исключают в перспективе продавать курсантам и кое-что покрепче. В трезвости мысли руководству школы не откажешь. Оно уверено: будущим полицейским неплохо бы уметь и пить, и главное, знать в этом свою меру.

А что еще должен уметь полицейский? Давайте прозвоним самого учителя будущих эстонских блюстителей порядка.

— Полицейский многое должен уметь, — уверенно отвечает помощник начальника школы подполковник Карл Колла. — Он должен поддерживать порядок. Но прежде всего — должен уметь общаться с каждым человеком вне зависимости, подчеркиваю это, от его национальности. Вопрос о национальности вообще не может существовать, когда мы говорим о помощи человеку. Место полицейского не в канцелярии, не в кабинете, а среди людей. Не около, чтобы при необходимости начать размахивать дубинкой, а среди них, помогая, разъясняя, предотвращая, выручая, наконец, в каких-то житейских ситуациях...

Очень существенное, замечу, уточнение. Даже как-то спокойнее стало на душе за жителей Таллинна, Пярну, Нарвы и других эстонских городов. В том числе и за тех, кто может обратиться к полицейскому только на русском. Как думаете, помогут?

— Да кто его знает, — ответил пожилой усталый офицер, дежурный линейного подразделения милиции на Таллиннском железнодорожном вокзале. — Я-то уж точно не смогу ничем помочь...

И офицер выразительно посмотрел на аккуратно вырезанную газетную заметку о злополучном приказе № 188. Приколол ее рядом со стендом «Их разыскивает милиция»...

Русский—имя прилагательное?

Что бы ни говорили сегодня руководители Прибалтийских республик, очевидна истина: в Литве, Латвии и Эстонии верх

взяли силы, которые руководствовались и продолжают руководствоваться националистическими, сепаратистскими целями. Экономический крах, политическая и социальная напряженность, подстрекательские призывы деятелей профашистской ориентации к вооруженному столкновению, братоубийственной войне против коммунистов, сторонников Советской власти, русскоязычного населения, военнослужащих Вооруженных Сил и внутренних войск — все это в конечном счете и привело к кровопролитию.

Кто же выиграл от прозвучавших в Прибалтике выстрелов? Уверен: и литовцы, и русские, и латыши не приобрели ничего, кроме как укрепились в своем ожесточении. Выиграли те, кто называет себя политиками.

Они ведь в принципе ничем не рисковали. Случись крах в их карьере, они бы успели последним самолетом улететь куда-нибудь в Швецию, чтобы из безопасного далека с пеной у рта продолжать клеймить ненавистный Центр, проклятую империю. Народы же, обманутые и оболганные, останутся. Их-то в багаж не заприхнешь...

Прав Петкявичюс — жаль литовцев. Но жаль и тех, кого в Прибалтике принято теперь называть инородцами, русскоязычными. В одном убежден: никакие местные надисты не решились бы на дискриминацию, если бы знали, что при этом неминуемо натолкнутся на твердую политическую волю, а не на политическую сверхгибкость. Больно и обидно, что русскоязычное население Прибалтики, военнослужащие стали приложением к личным устремлениям и политическим амбициям отдельных руководителей, стремящихся лишь к упрочению собственной власти.

Прибалтийский гамбит разыграв, но до эндшпиля в этой сложной и драматической партии, по всей видимости, еще далеко. Тем более права военнослужащих, русскоязычных — русских и украинцев, евреев и белорусов — безотлагательно должны быть надежно защищены. Следует, наконец, добиться, чтобы их социальные проблемы решали в первую и главную очередь те правительства, которые не сумев, ве захотели либо просто несостоятельно сохранить у себя в республиках атмосферу нормального существования, принятого в любой цивилизованной стране.

Майор С. КОЛЕСНИК.

Вильнюс — Рига — Таллинн — Москва.

ТРОЗВ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Как только программисты из Массачусетского технологического института освободили ПК* Д. Джонса от своеобразного «автосторожа», автоматически запускающего компьютерный «вирус» в дискеты, и получили первую информацию на дисплее, присутствующий неотлучно при их работах дежурный офицер ФБР вручил им конверт с билетами на самолет Нью-Йорк—Бостон и с чеком на пять тысяч долларов.

А когда они вернулись в свой институт, их ждала там премия от Фонда поощрения работ в области программирования. Сумма была внушающей уважение. Неглупые ребята, они сразу смекнули, что это — плата вперед за их молчание, и никогда впредь даже между собой оба не вспоминали о сво-

* ПК — персональный компьютер.
Окончание. Начало в № 5.

ей краткосрочной поздке в «Дженерал Индастриз».

Роберт Мейер затребовал дискеты, чтобы лично анализировать получаемую информацию без лишних глаз. Первые сведения, выданные принтером, не представляли пока интереса: письма Джонса, записи его телефонных разговоров, информация дневникового характера: прием, совещание, делегация... Огромное количество фактов касалось состояния дел как самой головной фирмы «Дженерал Индастриз», так и ее дочерних предприятий, подразделений, лабораторий, а также положения дел конкурентов. Даже будучи разрозненной, фрагментарной, эта информация подтвердила благополучное экономическое положение фирмы и ее президента.

Сколько же интимных подробностей, не говоря уже о секретных сведениях, накопилось за все это время в электронной памяти компьютера! Мейер начал первоначальную, «грубую» сортировку: информация бытовая, личная, информация служебно-делового характера; информация, касающаяся жизненно важных интересов Соединенных Штатов. Печатное устройство компьютера с огромной скоростью выдавало ворохи информации военно-стратегического характера.

В этом, последнем, слое он вскоре вынужден был ввести внутреннюю градацию, и, чем дальше, тем больше она расширялась. Дискеты компьютера были воистину неисчислимы! Круг интересов Джонса оказался чрезвычайно широк. И требовалось немалое интеллектуальное напряжение, чтобы связать воедино, казалось бы, несоединимые пласты информации.

«Планы, разработки, доклады. Все так подробно, но зачем это ему? Ведь мог бы в любое время попросить сделать аналитический обзор или «выжимку», — думал Мейер. — Но нет, сам копал. Зачем?»

А вот, может быть, и ответ. Хотя и опять в истории.

Мейер задержал информацию на дисплее и стал внимательно всматриваться в строки очередного документа.

«Меморандум № 68 Совета национальной безопасности СНБ-68. (14.4.1950 г.)». На нем были какие-то обозначения. Несколько строчек были выделены Джонсом.

Мейер дал команду снять копию и еще раз перечитал то, что ему выдал принтер:

«Некоторые американцы высказываются за сознательное вовлечение Советского Союза в войну в ближайшем будущем. Их аргументы: фактически Советский Союз уже находится в состоянии войны со свободным миром и только по соображениям целесообразности не применяет военной силы в широких масштабах. Таким образом, мы уже ведем войну и должны соответствующим образом действовать... Довод в пользу войны опирается на ту предпосылку, что США способны начать и провести достаточно эффективное нападение с целью

получения для свободного мира решающего преимущества и, возможно, достижения победы на раннем этапе войны».

Далее в компьютер была введена цитата из Черчилля:

«Человечество никогда не находилось в таком положении. Не став заметно более добродетельным и не имея более мудрого руководства, оно впервые получило в свои руки орудия, с помощью которых оно, бесспорно, может уничтожить самое себя. Это такой момент в судьбе человечества, к которому привели, наконец, людей вся их слава и все их труды. Им следует остановиться и поразмыслить о своей новой ответственности. Смерть стоит наготове, послушная, выжидающая, готовая к услугам, готовая уничтожить людей массами, готовая, если ее позовут к этому, сокрушить без всякой надежды на восстановление то, что осталось от цивилизации. Она ждет лишь приказа. Она ждет его от слабого, ошеломленного человеческого существа, которое в течение долгого времени было ее жертвой, а теперь — только на этот единственный раз — стало ее хозяином».

Зачем она нужна была Джонсу?

Дальше шла уж совсем какая-то псевдонаучная заумь:

«Человек в спокойном состоянии представляет собой энергетический шар. Внутри шара находится сам человек и его двойник в перевернутом виде, лицом назад. В двойнике заложена программа прошлого действия, прошлого опыта, будущих целей и задач. О двойниках упоминают многие памятники древней литературы... Нам не уйти от суда совести».

Н-да... Кажется, с этим Джонсом придется лезть и в философские дебри, а не только в узковоенные или специфические электронные.

После упоминания о том, что 23 марта 1983 года Рональд Рейган официально объявил о программе СОИ, шли две малоизвестные сноски о том, что благословила эту программу в жизнь еще в 1973 году комиссия Бете, — не стоило большого труда выяснить, что сам Д. Джонс, конечно, не состоял в этой комиссии, но специальным меморандумом одобрил ее выводы, в результате чего проект и обрел жизнеспособность. А в 1984 году по идее того же Джонса Соединенные Штаты приняли специальную дезинформирующую программу разработок космических ядерных энергоустановок. Впрочем, эта «деза» мало кого обманула в Советском Союзе...

Чем дальше, тем интереснее становилось Р. Мейеру вести это своеобразное расследование. Человек бесследно исчез, но оставил — рассчитывая на автоматическое уничтожение памяти компьютера — электронное досье на самого себя, причем досье не

только поступков и фактов биографии—до сье мыслей.

Компьютер был как бы двойником исчезнувшего...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Барбара Крэнстон, ответственный работник и, пожалуй, единственная женщина, сделавшая карьеру в Совете по национальной безопасности, разослала приглашения на коктейль семерым своим приятелям. В тексте после имени приглашенного и слов «просит пожаловать» был прочерк, который она собственноручно заполнила — «с дамой», давая тем самым своим гостям возможность выбора—либо прийти с супругой, либо—с подругой. Коктейли и вечеринки у мисс Крэнстон славились в Джорджтауне—пригороде Вашингтона. Большинство деловых людей в политике избегали, достигнув высокого положения, случайных контактов, малознакомых людей, дружили преимущественно семьями, хотя и испытывали от этого скуку. Барбара же умела так подобрать компанию и так непринужденно и весело провести вечер, что наутро раздавались благодарственные звонки: «Ах, как хорошо было вчера!»

Получил такое приглашение и Юджин Сойер, руководитель рабочей группы по делу Джонаса. Барбара Крэнстон вызывала у него устойчивую симпатию—она была одинока, что, видимо, в немалой степени осложняло ее жизнь женщины-политика. Уже лет семь они поддерживали между собой приятельские отношения, которые, правда, не помешали Сойеру в свое время навести компетентные справки об этой сотруднице Совета,—он сделал это, когда увидел, как ступенька за ступенькой Барбара поднимается по служебной лестнице.

Противоречия личности — источник движения и развития личности, считал он. Миловидное лицо, прекрасная фигура, высокоинтеллигентный вкус к вещам, одежде, безупречные манеры соседствовали в Крэнстон с пуританскими ограничениями в личной жизни. Аналитический ум и годы ответственной аппаратной работы не убавили в Барбаре веселья, американской непосредственности и простодушия; патриотизм к Соединенным Штатам и республиканской партии легко и естественно сочетался со стремлением преуспевать в политике и делах; и даже несбывшееся материнство — догадывался проницательный Юджин — было уравновешено необыкновенной карьерой. Опытный функционер, он догадывался, что у Барбары есть «свой скелет в шкафу», своя глубокая тайна, и, даже не надеясь познать эту тайну, он невольно тянулся к

Барбаре—окутанной, казалось, неким флером таинственности. Впрочем, тянулись к ней неосознанно и многие другие.

Обедая вместе с Алланом Уисперсом из Центрального разведуправления в ближайшем рестораничке, Юджин между прочим упомянул о том, что нынешний вечер у него занят: приглашен на коктейль, вот только жена занята сегодня в своем женском благотворительном обществе. Аллан дежурно откликнулся: такая скука все эти рауты, на них одни и те же, преимущественно служебные лица, одни и те же малоинтересные разговоры, затасканные шуточки, принужденный смех... Но, уточнив, кто именно собирает сегодня на коктейль, вдруг предложил, не заботясь о возникшем противоречии с первым своим высказыванием:

— Ал, а ты взял бы меня! Хотя я и немогу, конечно, заменить твою славную супругу.

Юджин засмеялся и тут же согласился:

— Отлично! Я заеду за тобой. Она пунктуальна и начнет, как всегда, ровно в девять.

А сам подумал при этом: с какой это стати ЦРУ заинтересовалось вдруг Барбарой Крэнстон из СНБ?

С дежурной сверхрадушной улыбкой — неотъемлемым «смайлом» типичного американца — Аллан, знакомясь с гостями Барбары Крэнстон, отчетливо ощущал на себе внимательный взгляд хозяйки. Еще бы! Из семи пар приглашенных лишь один незнакомец, конечно же, сразу привлек ее повышенное внимание. Как только нанятый на вечер джаз-оркестр из троих музыкантов заиграл легкую блюзовую мелодию, она подошла к Аллану и элегантно пригласила его на танец, обронив между прочим, что все, кроме него и его друга, пришли парами, нужно подать пример гостям. В середине танца Барбара сказала:

— Вы прекрасный партнер — давно не танцевала с таким удовольствием. Видите: мы заразили всех!

— Давно не встречал столь гармоничной женщины. И это не штамп, уверяю, не просто комплимент. Доказательство первое: вы умны и проницательны. Второе: обаятельны.

— Но эти доказательства в свою очередь нуждаются в доказательствах! В чем, например, проницательность?

— Вы сразу поняли, что я здесь не случайно.

— Да...—Барбара была удивлена, но лишь одна приподнятая бровь указывала на это.

— Более того, мне кажется, весь этот коктейль вы организовали именно сейчас для того, чтобы увидеть: не интересуется ли кто-то, кроме ваших постоянных знакомых, вашим адресом?

— Да...—остановила танец, сняла руки с его плеч Барбара.

— Я восхищаюсь столь блестящим ходом с вашей стороны. И вашей искренностью. Ведь вы могли бы сейчас назвать

меня мнительным или—еще лучше—просто посмеяться над моими словами.

— Нет, зачем же? Если мне действительно интересно: кто сегодня интересуется мною или кем-то из моих приятелей и приходит намеренно? А это всегда интересно.

С подноса негра, который закончил взбивать и разливать пенистый коктейль, они взяли два бокала и присели в кожаные пышные и низкие кресла возле журнального столика с шаровидной лампой на полу. Барбара умело выдержала долгую паузу, настолько долгую, что иным людям она показалась бы неприличной. Конечно, гость как мужчина, да еще мужчина, играющий роль галантного кавалера, вынужден был заговорить первым:

— А ведь одного приятеля сегодня в вашем холле не хватает, не так ли, Барбара?

— Хотите, назову его имя? Ленфорд Айен,—ответила она.

— Ленфорд Айен,—подтвердил Аллан.— С вами очень приятно играть в эти своеобразные шахматы. Признаться, я было усомнился: ведь если вы меня так легко высчитали и получилось, что я сам попался на ваш крючок, значит, не так уж профессионально действую?

— Не казните, Ал, вы профи-люкс! Итак, что же случилось с моим приятелем, куда он канул?

— Я хотел бы услышать вашу версию.

— Никакой информации. Признаться, я встревожена.

— Мы тоже. И сильнее, чем вам кажется. Не будет ли безтактно с моей стороны попросить вас ответить на несколько вопросов? Тем более, что вы заинтересованы в разгадке этой загадки.

Барбара с готовностью кивнула. Аллана поражала не только выдержка мисс Крэнстон, но и ее небывалая, по нынешним временам, прямо-таки староанглийская интеллигентность. Чем дольше он общался с нею, тем сильнее восхищался ее обаянием, хладнокровием и снова умом. С этой леди было воистину приятно работать!

— Начнем издалека. Вот на стене вашего холла висит картина, добавим: талантливого художника. Я не знаток живописи, но на глазок определю: дорогое полотно. Но чем объяснить, что в пригородной вилле Айена наши парни увидели точно такое же? Это что же, копия? Подделка?

— Ни в коем случае не подделка. Это называется «авторское повторение». То есть художник по заказу Айена заново воспроизвел свое же полотно. Вы правы, автор талантлив, а действительно талантливый человек не может и не хочет копировать даже самого себя. Некоторые различия в колорите, в деталях все же видны. Специалисту, разумеется.. Айен очень любил эту вещь. Потому и заказал вторую—для меня. Тем самым я удовлетворила уже ваш интерес, что же нас связывало.

— Простите, не полностью.

— Вот уже лет двенадцать Айен, можно сказать смело, был моим политическим духовником. Наставником, патроном—как вам

будет угодно.

— Этим и объясняется ваша стабильная карьера в СНБ?

— Отчасти. Многие у нас хотели бы так легко и прямолинейно объяснить ее. Наша с ним трагедия заключается в разнице возрастов—когда он уже пил аперитивы с Кеннеди, я еще каталась с горки на салазках. Несовершенство творения—прости меня, господи!—в том, что родственные души разбросаны в разных поколениях и при всем своем счастье им не суждено объединиться...

Я решила стать—нет, не его любовницей, не его протеже, это все недостойно ни Ленфорда, ни меня,—я решила стать его соратником, другом, тайным советником, его опорой во всех политических и деловых вопросах. Не мне судить, удалось ли это в полной мере.

— Мисс Крэнстон, тем более наша встреча была неизбежной. Кто, как не вы, может лучше знать тайные струны его души...

— Видите ли, о многом я лишь догадываюсь. Факты и у вас, и у меня одинаковы; уехал на ранчо, через две-три недели понадобился Гору, вылетел в Вашингтон, но в штаб-квартире республиканцев не появился и в своем Фонде «Америка» —тоже. Исчез...

Она задумчиво крутила пальцами сигарету—Аллан предложил огня, но Барбара отрицательно качнула головой и вложила сигарету обратно в пачку.

— Дело осложняется тем, что можно предполагать действительно все то, что предполагает Мейер,—добавила она. Оказывается, Крэнстон была в курсе и четырех версий, и создания четырех рабочих групп по этим версиям. Знала она «совсекретное»: кто руководит расследованием.

— Одно могу сказать определенно, Ал, моя женская интуиция подсказывает, что он все-таки жив. Лени слишком опытен, чтобы его могли провести, убить, похитить, шантажировать. И слишком силен, если угодно. Я не физическую силу имею в виду. Роберту не позавидуешь, ему надлежит очень быстро разобраться в весьма сложной жизни Айена.

— Так помогите Мейеру, ведь вы заинтересованы в этом.

— О, конечно! Я гарантирую всяческую помощь и информацию.

→ Благодарю вас, Барбара. Вот еще штрих—его автомобиль обнаружен в аэропорту Кеннеди, в подземной автостоянке. Но следов—никаких. Не значит ли это, что Айен мог вылететь куда-то?

— Трудно сказать... Возможно, это как раз ложный ход, ложный указатель на эйр-вэй.

— Еще деталь: любимица отца, Мишел, журналистка из «Ай», в беседе с нашим парнем поделилась тревогами за его возросшее в последние месяцы чувство вины, ответственности перед человечеством, отметила пессимистические нотки. А вы не замечали со своей стороны ничего подобного?

— О, Ленни всегда был чересчур нравствен, совестлив, набожен. В этом его своеобразный психологический колорит,—и оба снова взглянули на столь естественную и простенькую—пейзажик!—и столь символическую картину на стене.—Нет, Аллан, я бы не отметила никаких симптоматичных отклонений от нормы—его нормы—в последнее время. Впрочем, дочке виднее—и знаете, почему? Она реже виделась и говорила с отцом, чем я...

Впервые за вечер Аллан недопонял Барбару, переспросил.

— Очень просто, — пояснила она, — вы каждый день смотрите в зеркало и поэтому не замечаете перемен в своем лице. Но ваш друг, с которым вы виделись последний раз полгода или три месяца назад, сразу обратит внимание на седой висок, новую морщинку...

— У вас не было принято писать друг другу?

— Нет. Разве что телеграмма из Европы или откуда-нибудь еще. Мы и так разговаривали с ним почти ежедневно: он ведь дважды в неделю прилетал в Вашингтон.

— Не буду задавать вопросов—вы их превосходите. Что-то можете добавить к сказанному?

— Тревожусь я за него... Давайте условимся, Ал: если у вас или у меня появится что-то новенькое—известим друг друга, хорошо?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

«Естественно,—думал Мейер,—что руководить Фондом «Америка» Джонсу было нелегко, но, нужно признать, именно за эти десять лет, пока он был первым лицом в руководстве Фонда, тот сделал впечатляющий рывок. И рывок этот совпал с ростом популярности республиканцев. Что же первично—рост процветания Фонда или рост консервативных настроений в стране? Или, может быть, улучшение руководства Фондом?»

Чем больше Мейер вникал в данные подготовленной для него справки, тем отчетливее понимал, что собственно Фонд «Америка»—лишь верхушка огромного айсберга, пирамиды, основание которой во много раз—нет, десятков раз—шире ее «надводной» части. Финансы Фонда и его сторонников, политическое влияние, высококлассные специалисты и сторонники во всех уголках США, авторитет в глазах средств массовой информации, способность во многом контролировать характер информации, наконец, влиятельные связи—все это опять вызывало ассоциации с какой-либо влиятельной политической партией. И в то же время Фонд

отнюдь не претендовал на такую роль, уступая ее республиканцам.

«Ведь здесь черт ногу сломит,—размышлял Мейер.—Фонд и партия иногда настолько сливаются, что трудно определить водораздел между ними, особенно в год президентских выборов. И одновременно—всяческое подчеркивание, причем не для видимости, своей независимости, «альтернативности». А в целом—удивительно ловко придумано! Фонд—как мозговой штаб консерватизма и консерваторов, поставщик идей и исполнителей, организатор широких масс сторонников консерватизма».

Постепенно он столько узнал о Фонде, что захотелось самому побывать в штаб-квартире Фонда «Америка» в Вашингтоне, увидеть своими глазами то место, где в течение многих последних лет делается реальная американская политика. И тех людей, которые являются авторами и исполнителями многих задуманных проектов. Получив согласие, он отправился на Мас-сачусетс-авеню, где неподалеку от здания сената располагалась штаб-квартира Фонда. Подошел к входу и убедился, что войти не так-то просто: сидевший за дверью страж, прежде чем впустить посетителя в здание, попросил показать удостоверение в глазок камеры.

Войдя в небольшой со вкусом обставленный холл, Мейер обратил внимание на несколько прекрасных картин Тернера, столик, инкрустированный дорогими породами дерева. Страж, сидевший в специальной будке, сказал, что о приходе Мейера предупредены, но он пришел на несколько минут раньше. Поэтому секретарши еще нет, но она сейчас спустится, чтобы проводить его.

— От кого вас так охраняют?—поинтересовался Мейер.—Неужели здесь, в центре Вашингтона, вы кого-то опасаетесь?

— Очень просто, генерал,—был ответ.—Нашей «фирме» пообещали преподнести к Рождеству партию взрывчатки арабские террористы из-за нашей позиции, как говорят, на Ближнем Востоке.

— Но ведь вас никак нельзя отнести к сторонникам Израиля или сионистам, неужели этого не знают? Не более как месяц назад кандидат в президенты Ф. Гор был вынужден даже отказаться от некоторых сотрудников, участвовавших в его предвыборной кампании, которых газеты обвинили в антисемитизме. Из них половина—бывшие сотрудники Фонда, а другая, я полагаю, как минимум, его сторонники. История наделала шуму не только у нас, но и за рубежом. Уверен, что о ней знают и в арабских странах.

— Дело тут не в Израиле, точнее, не только в нем. Фонд, как, может быть, вы знаете, резко выступил против поставки новейших вооружений—ракет класса «воздух—земля», радаров, ну и прочего—арабским странам. Только и всего. Он, кстати, высказался за подобные ограничения и для Израиля, но так как поставки этого оружия намечены лишь на следующий год, то

сторонники Израиля в США «не заметили» этой рекомендации, а вот в арабском мире поднялся шум.

— А откуда, кстати, вы знаете в таких подробностях эту историю?—поинтересовался Мейер у охранника.

— Я сам активист Фонда, работаю в отделе у Ли ассистентом. В прошлом—капитан морской пехоты. А здесь дежурю. Мы, как правило, не пользуемся услугами посторонних.

Показалась секретарша:

— Мистер Ли ждет вас, генерал. Он просит извинения, что не встретил вас лично. У него были гости, русские.

— Русские?—удивился Мейер.—В вашем Фонде?

По поручению руководства Управления он несколько раз присутствовал на официальных приемах в тех местах, где можно было встретить дипломатов из социалистических стран, бывал на пресс-конференциях в Белом доме, но никогда не говорил ни с одним из представителей «оттуда». Проходя в кабинет Ф. Ли, он подумал, что этот факт, пожалуй, не в его пользу.

— Здравствуйте, генерал!

Навстречу Мейеру шел человек лет сорока, черноволосый, среднего роста, плотного сложения. Лицо приветливое, но улыбка вежливая, не более. Сразу видно, этот человек не особенно привык скрывать свои мысли, предпочитая знакомить с ними собеседников, впрочем, тщательно, с расстановкой подбирая выражения. Он посмотрел внимательно в глаза Мейеру, затем обратился к гостю, сидящему в кресле у журнального столика:

— Я позвоню вам вечером в гостиницу. Часов в девять-десять, если вы будете на месте. Если не против, хотелось бы продолжить беседу, но уже неформально и, как говорится, ни о чем.—И тут же представил собеседника генералу:—Познакомьтесь, профессор Андрей Фурсов. Мой старый знакомый. А это генерал Мейер.

Фурсов пожал протянутую руку Мейера. Затем традиционные фразы «Как поживаете?», о погоде в Вашингтоне—и Ли «передал» Фурсова Энн.

— Все-таки необычно встретить у руководителя отдела внешней политики и безопасности Фонда «Америка» русского,—сказал, улыбаясь, Мейер.—Мне, знаете ли, никогда в жизни не доводилось вот так запросто с ним встречаться.

— А Джонс с ним встречался, и не раз. Но вернемся к делу. Не знаю, насколько то, что я сообщу, поможет вам... Детали вы узнаете из досье нашего отдела, компьютером которого—я распоряжусь—сможете пользоваться вы либо ваши люди. К сожалению, персональный компьютер шефа был запрограммирован на самоуничтожение «памяти» в случае, если кто-то попытается воспользоваться его данными. Если бы эта информация сохранилась, я уверен, вы сами узнали бы все или почти все интересное вас.

Мейер внимательно посмотрел на Ли, но

никак не прореагировал на сказанное им о компьютере Джонса. «Неужели он узнал, что нам удалось восстановить программы? Или абсолютно уверен в невозможности этого?» Он с еще большей ясностью понял, насколько необходимо тщательно проработать всю заложенную в ПК информацию. Ключ к разгадке тайны исчезновения должен быть именно в дискетах. Наверняка детали изложенной концепции хранились в компьютере.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Конраду Кларку немалых внутренних усилий стоило изображать обычную свою деловитость и показывать окружающим, что его дела, как обычно, процветают. И опытные работники управления безошибочно видели, что шеф, так оживившийся при начале расследования дела Айена-Джонса, не может держать тонуса, предшествовавшего этому «исчезновению». Так после крепкого кофе происходит сильный спад активности.

Кларк впервые за двадцать лет безупречной службы ощутил недоверие к себе. Его отставили от крупного дела!—с этим ощущением он возвращался в Нью-Йорк, с этим ощущением давал отбой своим «парням», с этим ощущением впрягся в будничную рутинную работу.

Кларк был человеком сильной воли и умел заставить себя выкинуть из головы то, что особенно мешало ему. Нет сомнений, и история с Джонсом назавтра же была бы успешно и с радостью им забыта—ведь человеку свойственно в первую очередь вымывать из своей памяти неприятные для него события, воспоминания,—если бы не два обстоятельства кряду. Несмотря на оперативное отданный отбой по всем службам, на телекс поступило второе донесение из Далласа от Ричарда Бенигсона.

Он сообщил, что из «кадиллака», принадлежавшего Л. Д. Айену, 15 ноября в районе 15 часов вышел...—тут у Кларка глаза на лоб полезли от изумления,—буддийский бритоголовый монах в оранжевом плаще и деревянных сандалиях на босу ногу. Как удалось выяснить, монах вылетел в Европу транзитом до Бирмы, авиабилет выписан на имя Енг Фу. Багажа не сдавал, ручная кладь состояла из легкой сумки «ай стар».

Распечатки серии фотоснимков, сделанных с видеоролика, Бенигсон передал по фототелеграфу—и, рассмотрев их, Кларк прогнал мелькнувшее было сомнение, не одурели ли от тexasской жары и виски тамшние полицейские. Особенно удачный кадр был сделан в момент, когда бритого-

ловый священник запирает дверцу автомобиля—того самого «кадиллака».

В утренней сводке новостей телекомментатор вдруг произнес имя Айена. Кларк решил было, что ослышался, включил звук сильнее — комментатор пересказывал какую-то антивоенную статью в «Нью-Йорк Таймс». И в заключение, после двух-трех цитат из нее, он снова повторил:

— Подробнее с этой публикацией видного бизнесмена, президента Фонда «Америка» Ленфорда Айена вы можете познакомиться в сегодняшнем выпуске...

Кларк кинулся за газетой.

Так и есть! Небольшая статья «Почему я против космического оружия» имела подзаголовок «Оливковая ветвь в глазах одного человека может показаться дубинкой в глазах другого». И тут же — портрет автора, полностью соответствующий тем контрольным образцам, что ФБР разослало во все штаты.

«...Мы часто ошибаемся в оценке международных отношений, предполагая, что наши намерения ясны, хотя зачастую происходит совсем наоборот. То, что кажется оливковой ветвью одному, другому может показаться дубинкой.»

Подлинная безопасность и всеобщий мир не могут основываться на новых технологиях. Дипломатия и переговоры по сокращению вооружений — единственные способы решения наиболее животрепещущих проблем, перед которыми сегодня стоит человечество...»

Нет, это не сам Айен решил «выступить в печати»! Это кто-то, хорошо заплатив газете, имитирует его реальное существование, удостоверяет семье, фирме, общественности штата и страны, что, вопреки пронесшимся, чего доброго, слухам, Ленфорд Айен жив-здоров, чего и вам желает, вот даже выступает с критикой прежней военной доктрины США...

Тут уже не требовалось никаких санкций — Конрад Кларк снял трубку белого — прямого — телефона. Посидел, слушая зуммер. Даже выругал себя за нерешительность, но тут же нашел оправдание себе: он не все понимал в этой истории. Немудрено понимать не все, если тебе не доверяют самого главного — информации. А без информации можно ломать голову хоть сутками. Или Айен, скажем так, на расстоянии, из Бирмы, хочет предостеречь своей статьей уходящего и нового президентов от какого-то серьезного шага, от принятия некоего стратегически важного решения? Или кто-то в самом деле дурачит публику: мол, какие исчезновения? — вот, читайте, публикуется ваш Айен!..

И все-таки он вышел на того самого вице-президента, который давал ему отбой по делу Джонса.

— Сэр, — представившись, сказал Кларк, — рискну обратить ваше внимание на публикацию в сегодняшней «Нью-Йорк

Таймс». Статья называется «Почему я против космического оружия», автор — неизвестный Ленфорд Айен.

— Кто-кто? — переспросил вице-президент, хотя связь была по этому проводу всегда идеальной.

— Айен. Если это может быть вам интересно, то автор обговорил обязательное условие публикации: не раньше 15 ноября и не позднее 21-го.

— Что-то еще, Кларк? — голос оставался нейтральным.

— Да, но, боюсь, эта информация уже опоздала. Видите ли, мои службы получили отбой сразу же, как только вы распорядились. Но в Далласе нас не поняли и по своему усмотрению продолжали поиски Джонса. Вчера пришло сообщение Беннигсона, что из «кадиллака» Джонса 15 ноября в 15 часов вышел буддийский монах Энг Фу, бритоголовый, в оранжевом плаще, и зарегистрировал свой билет на рейс в Европу, транзит до Бирмы. Кстати, вполне вероятно, что он вылетел из Далласа и не пассажирским рейсом, а зафрахтовал самолет, или воспользовался военным, коммерческим, или любым спецрейсом... У меня все, сэр. Если прикажете, я перешлю фотоснимки монаха и сообщение Беннигсона, куда вы распорядитесь.

— На мое имя, Конрад. Вместе с этой статьей. Мы можем по-разному поступить с материалами, которые вы нам перешлете. И не забывайте о нашем разговоре по поводу вашего рапорта. Кстати, у нас горячая точка в Оклахоме — вы бы не хотели временно возглавить там бюро? Подумайте над этим...

А вот уже и запугивание, отметил тоскливо Кларк. Мол, не желаешь ли в провинциальную дыру? Господи, все темнят, темнят. «Мы можем по-разному поступить с материалами»...

Он попрощался и дал себе слово никогда больше не поднимать с тротуара никаких бумажек — будь то донесение Беннигсона, статья Айена или банкнота в 50 долларов. Валется — ну и пусть валется, он, Кларк, ничего не теряет!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Мейеру надо было ответить самому себе и правительству США на главный тревожащий всех вопрос: как много знал Джонс и достаточно ли надежным было это хранилище информации? А вдруг его тщательно выверенный и бережно поддерживаемый столько лет и десятилетний имидж «принципиального и бескомпромиссного Джонса» был лишь искусно подобранной личиной?

Для того, чтобы судить о степени посвя-

ценности Джонса в дела первостепенной государственной важности, генерал Мейер изо дня в день, из часа в час систематизировал и выстраивал по хронологии заложенную в компьютер информацию стратегического характера по каждой из ее областей.

Оказалось, что даже в проблемах по СООИ системы управления, обнаружения и опознания объектов занимают центральное место! Вот уж чего не мог предположить Мейер даже с его уровнем информированности! Он пробежал глазами по диагонали выводы Джонса о военно-политических последствиях развития этих систем. Сугубо научно-техническая сторона вооружений, по логике Джонса, имела колоссальное значение для судеб страны и народов и давно стала мощным политическим фактором.

Логика же его была такой: развивая стратегические электронные системы (и опять вторглась сопутствующая информация: ведется разработка ЭВМ шестого поколения!), военные и политики невольно рубят сук, на котором сидят. Они невольно передают свои политические функции в вопросах обороны, безопасности, войны и мира... компьютерам. А ведь все мы уже не раз были очевидцами: компьютер может ошибиться...

...И слова ответвление мысли Джонса: «Многие у нас шокированы тем, что СССР, безуспешно «догоняющий» США по общему экономическому уровню, тем не менее имеет возможность, опираясь на примерно равную ракетно-ядерную мощь, отстаивать в международных делах принцип равенства и одинаковой безопасности сторон».

Тут генерал был вполне солидарен с Д. Джонсом. Было время, Мейер искренне недоумевал: как это возможно? Как может страна с разбитыми дорогами, огромными очередями, текущими водопроводными кранами, страна ста национальностей, страна без передовой технологии, без сервиса и дисциплины, но с идеями мирового порядка, народ с национальным характером, весьма схожим с американским, — как эта парадоксальная страна, уступающая во многом американскому уровню жизни, тем не менее может опережать США по уровню и даже качеству вооружений?!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В штаб-квартире избранного президента, расположенной недалеко от центра Вашингтона на Дюпон-серкл, были самые горячие дни. Шел подбор новой «команды» президента — задача сверхответственная; требующая немало профессионализма и так-

та. Вот почему, признаться, исчезновение Д. Джонса не сразу было оценено здесь.

В этой суете, горячке пересечения интересов, обещаний, учета расстановки сил и обязательств Стэнли Мортону — экс-советнику президента — хватало работы. У профессора, конечно, имелись и свои честолюбивые расчеты. Занять прежний пост он не рассчитывал — слишком много политических бурь пронеслось, — но кандидат в президенты обещал ему сделать несколько предложений, которые «могли бы его заинтересовать». Заниматься поручением относительно исчезнувшего Джонса в этих условиях было несподручно. А с другой стороны, выполнение деликатного поручения сулило немалое повышение акций Мортон, не говоря уже о том, что будущий президент оказывал ему огромное доверие, поручив работу в секретной комиссии.

Он набрал номер телефона организации, занимающейся советско-американскими научными обменами. Ответил президент Ассоциации.

— Мне нужно узнать, кто из русских ученых, желательно постарше, из тех, кто еще помнит меня по государственной службе, находится сейчас в Вашингтоне или будет на этой неделе.

Когда президент Ассоциации начал перечислять намечающиеся на эту неделю контакты, экс-советник сразу же отметил для себя Андрея Фурсова, с которым он встречался не раз в СССР и в США. Тот, правда, бывал иногда резковат, не слишком много усилий прилагал для дипломатических оговорок, но именно это сегодня и требовалось.

Стэнли Мортон, признаться, не верил, будто исчезновение Джонса связано с русскими, но — и это было главное, что поручили ему, — необходимо выяснить, как это событие может повлиять на отношения с СССР, какие меры, если они необходимы, следует предпринять администрации для двусторонних отношений, чтобы нейтрализовать возможные негативные последствия утечки информации.

Итак, решено: нужно встретиться с Фурсовым. Оказалось, что и русский ученый тоже просил о встрече с представителем «переходной команды». И президент Ассоциации от своего имени предложил ему поужинать в ресторане в двух шагах от Дюпон-серкл, если у Фурсова нет важных планов на этот вечер.

В итальянском ресторанчике было тихо. Посетителей немного, что вполне устраивало обоих и располагало к неторопливой беседе.

— Давайте-ка для начала, Андрей, хорошенько подкрепимся. Я постарался подобрать ужин в вашем вкусе, но разницы, конечно, огромна: это же итальянская кухня.

Через какое-то время, ведя отвлеченный легкий разговор, Мортон заинтересовался: — А вы уже виделись с вашим старым знакомым, Ленфордом Айеном?

— Я звонил ему — мне сказали, он отдыхает в Калифорнии. А жаль, если не увидимся: это человек с весьма оригинальным мышлением.

— В чем, по-вашему, его оригинальность? — как можно естественнее спросил Мортон, он всегда предпочитал подхватывать окончание мысли собеседника, чем задавать прямые вопросы.

— Мне думается, наиболее интересные мысли Айена родились в борьбе его аналитического ума с его же собственными традиционалистскими убеждениями. Дialeктика, мистер Мортон...

— Стэнли, просто Стэнли. Что заказать еще, джин «Бут» или сухой вермут «Нойли Прат»?

— Пожалуй, «Нойли».

Стэнли Мортон плавно перевел разговор в другое русло. У профессора Мортона было одно психологическое правило: никогда не начинать и не заканчивать разговор непосредственно интересующими его темами, а умело рассыпать свои вопросы, маскировать их и тем самым путать контр анализ собеседника.

Проводив гостя и вернувшись к себе домой, экс-советник принял таблетку, которая ментально рассеяла следы алкоголя, и быстро написал краткий отчет о встрече и беседе. Затем вызвал курьера и передал с ним свой отчет для Роберта Мейера.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Джером Л. Айен, старший сын исчезнувшего Д. Джонса, владелец небольшого, но respectable юридического бюро в Чикаго, отпер дверцу своего фиолетового «шевроле», припаркованного возле дома. На чистом и влажном тротуаре напротив двое чем-то похожих друг на друга прохожих курили и лениво переговаривались между собой. В тот момент, когда Джером сел за руль, один из них, в белом плаще и черной кожаной шляпе, подошел к нему, предъявил удостоверение ФБР и произнес сакраментальную фразу:

334

— Мистер Айен, попрошу вас следовать за мной.

Эффект превзошел всякие ожидания. Полное мясистое лицо Джерома побледнело, глаза смятенно забегали, руки засуетились. Агент пристально смотрел на него. Кажется, «клиент» сейчас ударит по газам и в панике умчитя.

Джером Айен пробормотал невнятно:

— Да, но... в чем дело? У меня... нет времени, — совсем некстати добавил он.

Второй агент, стоявший на тротуаре, сплюнул окуроч в мусорную вазу и подошел ближе, встал перед капотом.

Айен повернул ключ — зажигания не было.

Первый агент властным движением вынул ключ зажигания из замка и положил в карман своего плаща.

Второй сел за руль зеленого старенького «форда», такого неприметного, что Джером лишь сейчас обнаружил его впереди своей машины. Первый агент заботливо запер дверцу «шевроле», дружеским мимолетным и непанибратским движением слегка коснулся плеча Айена — и тот ощутил сталь в этой руке, сталь натренированных мышц. Со стороны могло показаться, будто двое бывших одноклассников случайно встретили третьего и решили, прервав дела, опрокинуть по ромочке в честь встречи.

Джером с трудом втиснул свое грузное тело на заднее сиденье «форда». Первый агент моментально уселся рядом. Машина тут же тронулась.

— Это недоразумение! Кто вы такие? Я буду жаловаться! — как-то заученно, без эмоций приговаривал задержанный. — Кто вам дал право?

Агенты ФБР не любили таких суетливых «клиентов». По-женски ведет себя этот Айен, того и гляди впадет сейчас в истерику.

— Куда вы меня везете? Я протестую! — голос Джерома сорвался на фальцет.

— Тут недалеко. Вы задержаны Федеральным бюро штата, — процедил сидевший рядом с ним.

— Но по какому поводу?! Я юрист, это нарушение закона! Почему мне не предъявили обвинения, санкции на арест?..

— Через две минуты вам все объяснят.

Действительно, вскоре «форд» въехал внутрь кареобразного здания. Водитель, не оглядываясь, промел вперед, но не вверх по ступеням подъезда, а вниз, в цокольный этаж. Джером Айен, только что шедший с покорной готовностью и даже с некой решительностью, вдруг остановился как вкопанный.

— Это нарушение прав человека! Я протестую! Куда меня привезли? Я не пойду туда! Я владеец известного юридического бюро! — с новым приливом протеста выкрикивал он. Агенты терпеливо и неприязненно выслушали его гневную филиппику, ровным счетом ничего не ответили. Шедший сзади сделал шаг вперед, вплотную к Айену, и взялся рукой за поручень перил, принуждая тем самым к движению.

Массивная, обитая цинковым железом дверь в подвале оказалась Джерому подозрительной, он опять уперся. Но прежде чем успел снова открыть рот, фэбэровцы схватили его за руки, дверь распахнулась, и Д. Айена толкнули внутрь. Помещение напоминало просторный полуустой медицинский кабинет. За столом с бумагами и лампой «подхалим» на раздвижной стойке сидел человек в штатском.

— Как поживаете, мистер Айен! — звучно поздоровался он, словно они были хорошо знакомы. И, как бы перекрывая протесты задержанного, начал: — Мистер Айен, уверяю, мы пригласили вас сюда всего на несколько минут. Тема довольно шекотливая — не беседовать же нам на улице. Извините, если мои ребята доставили вам неудобства, но вы будете весьма заинтересованы в нашем разговоре.

Первый агент подошел к столу и положил перед хозяином кабинета ключи Айена:

— Пытался завести.

Джером Айен, оказавшись в этом подвальном кабинете, как-то вдруг размяк, почти смирился. Ему предложили раздеться — он повесил плащ на крючок гардероба. Ему предложили сесть — и он покорно сел сбоку от письменного стола. Агенты вышли.

— Меня зовут Фред Галиган, я помощник директора ФБР Чикаго. Дело связано с таинственным исчезновением вашего отца. Что вы можете сказать по этому поводу? Когда впервые вы узнали о том, что ваш отец исчез?

— Мне позвонила сестра, Мишел. Дней десять назад. Поинтересовалась, нет ли вестей от него. Беспокоилась, отчего отец не звонит ей, — отвечал Джером. Похоже, он несколько пришел в себя. Однако его смущало присутствие в кабинете за его спиной еще одного человека, вошедшего только что. Боковым взглядом, искоса, задержанный различил лишь, что тот в белом халате. И снова встревожился.

— Когда вы видели в последний раз своего отца?

— Мы отдыхали вместе, в Калифорнии, в августе. Затем он вылетел в Вашингтон...

— Мистер Айен, а почему вы в течение всего этого довольно длительного времени не приняли никаких мер, чтобы выяснить, где же все-таки ваш отец?

— Видите ли, в фирме «Дженерал Индастриз» мне сказали, что он работает в группе по разработке программы кандидата в президенты Гора. Меня это вполне удовлетворило, ведь и сам отец перед отъездом с юга упоминал, что едет поработать на будущего президента.

— Мистер Айен, объясните, пожалуйста, почему вы вернулись из Калифорнии тоже, как и ваш отец, преждевременно, то есть раньше других членов семьи и в нарушение своих первоначальных планов? Ведь вы вылетели в Чикаго спустя три дня после отъезда?

— Да. У меня были дела здесь.

— Какие именно? В вашей юридической конторе?

— Да, и в конторе, и личные... И на бирже, — добавил Джером как-то неуверенно. — Мистер Галиган, я все же прошу, чтобы мне объяснили, чем вызвано мое, так сказать, задержание и этот, так сказать, разговор. Давайте все же уточним его тему.

От следователя не укрылось, как старательно и лояльно Джером подбирает слова, избегая и «ареста» и «допроса».

— Чуть позже, мистер Айен, чуть позже. Уверю, повода жаловаться на ФБР у вас не будет. Основания для вашего задержания более чем достаточные. Итак, перечислите мне все ваши действия после прибытия в аэропорт О'Хара 18 ноября вечером.

— Ну, это довольно трудно, столько времени прошло... Сначала я поехал домой, затем навесил нескольких приятелей... Работал в конторе. Несколько раз был на бирже, в банке. Встречался с агентом по продаже недвижимости. Потом встретил семью, вернувшуюся с юга.

Галиган прервал это замедленное блуждание в лабиринтах памяти:

— Пожалуйста, точнее. Правду, мистер Айен, и только правду. Хотя у нас сейчас и полуофициальный разговор, но хочу предостеречь: любая ваша попытка ввести нас в заблуждение потом доставит вам массу неприятностей. Так же, как попытка завести машину уже после вашего задержания агентами ФБР.

Джером Айен слегка побледнел, на лбу появилась испарина, он полез в карман за носовым платком, но не нашел его. Следователь заново повторил вопрос, с разбивкой по дням после возвращения Джерома в Чикаго, но ответы на сей раз были еще менее вразумительными. Наконец Айен попросил стакан воды.

— Вы человек неискушенный во лжи, поэтому и волнуетесь всякий раз, когда не хотите или не можете сказать правду, — обронил Галиган, подавая ему стакан минеральной. — Если хотите, я вам слегка помогу быть искреннее. Тут у нас есть один документ, который, правда, нуждается в проверке... — Он придвинул к себе по столу листок машиннописного текста. — Итак, слушайте внимательно: «По возвращении с юга Д. Айен вошел в близкие отношения с проституткой Лиззи Элси, карточка № 56321, подарил ей автомобиль «паккард», посетил вместе с ней 12 ночных ресторанов, варьете, стриптиз-баров. В течение недели Д. Айен ежедневно приглашал к себе на квартиру или в рестораны большое количество гостей, неизменно оплачивая все счета...» Ну, это ваше личное дело, мистер Айен, нас же интересует скорее ваша деловая деятельность. Я опять цитирую: «Дела в юридической конторе фактически перешел своему заместителю. Посетил офис только один раз, провел в нем пятнадцать минут. Самое посещаемое м-ром Айеном место в эти дни — городская биржа. Играя на понижение акций компании «Оксидентал Пётролеум», проиграл 120 тысяч долларов, играя на повышение акций

«Стандард ойл», выиграл 30 тысяч и затем проиграл 80 тысяч. В течение указанного срока Д. Айен совершил несколько крупных сделок: приобрел контрольный пакет акций и право на владение отелем «Флауер», приобрел виллу в пригороде стоимостью 860 тысяч долларов, коле из бриллиантов для супруги стоимостью 150 тысяч долларов... Можно не продолжать чтение, мистер Айен? В таком случае попробуйте опровергнуть информацию наших парней. Неплохо рюк, а?

— Н-да, рюк... — кашлянул Джером. — Информация в целом правильная. Но Лиззи... тут ошибка, это клевета на такую девушку!

— Вы можете удостовериться в полиции — я же назвал вам номер ее карточки. Хочу подчеркнуть: все, что вы сейчас услышали, относится к вашей деловой и личной жизни, на которую в свободной стране никто не посягает! Тем не менее, вы согласитесь: для столь резкой перемены вашего образа жизни должны быть хоть какие-то основания. Вот это-то нас и интересует.

— Я как юрист...

— А вот этого не надо! — энергично перебил Галиган. — Ваши права никем пока не нарушены. От нас информация, как вы знаете, не выходит. А позволили мы себе поинтересоваться вашим образом жизни по двум весьма серьезным причинам. Первая: исчезновение вашего отца. И вторая: письменное указание одного из ваших близких приятелей на то, что вы получили крупную взятку по делу о наркобизнесе, проходившему в вашем бюро. Как вы догадываетесь, после нашего весьма тактичного интереса к вам может последовать и обычное судебное расследование.

— Но вы же сказали, что документ не проверен! Даже не ознакомили меня с ним. Это навет, это клевета!..

— Мистер Айен... — мягко, почти вкрадчиво, с улыбкой остановил его Галиган. — Вот почему мы с вами и ведем полуофициальный разговор. Мы, конечно, не налоговое управление... Однако странно, что в июле вы еще не могли себе позволить того, что позволили в середине ноября: проиграть на бирже 170 тысяч долларов и совершить покупки на сумму за миллион. Чем же объяснить эту перемену? Не связано ли это как-то с вашим отцом?

— Нет. Я не получал от отца никаких денег, чеков или там акций, подарков... Я расходовал все эти дни на свои покупки только лично принадлежавшие мне средства, средства моей семьи, если угодно, — голос Джерома впервые приобрел прежнюю твердость. — В конце концов, это может подтвердить мой банк!

— Вы правы, банк уже подтвердил, что в последний месяц у вас были большие расходы и не было поступлений. Нас же интересует не это. Вопрос звучит так: почему после возвращения с юга вы повели себя, мягко говоря, столь несвойственно?

— Я уже сказал вам: захотелось пожить в свое удовольствие. Семья на юге, я один...

Неужели чисто по-мужски это трудно понять? Только не приплетайте сюда Лиззи—в отношении нее вас ввели в заблуждение!

Галиган лишь снисходительно покачал головой, мол, какая уж там ошибка! По обескураженному, даже растерянному лицу Джерома он прочитал, что «перерождение» романтической девушки с пылкой любовью в панельную профессионалку сильнее всего подкосило моральные силы Айена. Кроме того, помощник директора ФБР обратил внимание на то, как эрзает, словно стремясь обернуться, Джером. Поинтересовался: что же смущает его?

— Этот человек за спиной.

— А, это мой ассистент, не беспокойтесь. Впрочем, Боб, будьте добры, оставьте нас на несколько минут.

Мужчина в белом халате вышел. Айен облегченно вздохнул, нашел платок и вытер залысины.

— Так вы утверждаете, мистер Айен, что ваш отец не делал вам никаких презентов, не субсидировал дополнительными суммами? Боюсь, что при судебном расследовании по делу о крупной взятке, полученной вами, вам в этом случае будет труднее доказать свое алиби. Что-то же послужило толчком для расходования таких немалых средств!

— У нас с отцом за день до его вылета был деловой разговор,—открылся наконец Айен.—Речь шла о наследстве. Он изменил завещание в присутствии нотариуса. Первоначально весь свой капитал, включая вклад в банке, акции, недвижимость и капиталы, вложенные в «Индастриз» и другие фирмы, отец поделил равномерно, по 25 процентов матери, мне, Мишел и Полу. Но теперь, неясно по каким мотивам, изменил завещание в мою пользу: 75 процентов отходит мне, а 25—всем остальным.

— Так вот почему на первой же пирушке с друзьями здесь, в Чикаго, вы, будучи подшофе, произнесли такую фразу: «Поздравьте меня, теперь я миллионер!»

— Да-да, я сказал такое? Впрочем, может быть. Разве это не повод, чтобы хорошенько отметить подобное событие в жизни? Моя доля наследства увеличилась сразу втрое!

— Конечно, повод, мистер Айен, да еще какой! Тем более странно ваше сегодняшнее волнение—поначалу вы, опытный юрист, вели себя так, будто и не знаете специфики нашей работы, будто вам есть что от нас скрывать...

— Видите ли, мистер Галиган, я вообще впервые в жизни сталкиваюсь непосредственно с блюстителями... э-э... то есть лично. Никогда не бывал даже в полицейском участке. К тому же ваши агенты делали ставку на эффект полной неожиданности.

— Боюсь, наши ребята задержали вас, как какого-нибудь угонщика автомобилей. Не будем слишком строги к ним.—Галиган как бы сделал передышку в допросе, показывая всем своим видом Джерому, что благодарен ему за признание относительно наследования.

Айену показалось, что все наиболее сложное позади, он внутренне расслабился, принял более удобную позу, закинул ногу на ногу. Но тут услышал, как отворилась дверь—это Боб в белом халате снова занял свой пост. И Галиган тут же возобновил «мозговую атаку»:

— Но вернемся к тем двум поводам, из-за которых мы встретились. Допустим, если вы предъявите суду доказательства того, что завещание было изменено за день до вылета вашего отца в Вашингтон и изменено в вашу пользу, то у вас появятся алиби в связи с обвинением во взяточничестве. Станет понятным, объяснимым и некоторое отклонение в последнее время от вашего традиционного образа жизни. Вы согласны с ходом моей мысли? Тогда один из поводов нашей встречи несколько ослабевает: взятки вы не получали, но зато ощутили эйфорию, почувствовав себя наследником трех четвертей отцовских капиталов. Потому и принялись без оглядки тратить собственные накопления, верно?

Джером лишь кивал, удивляясь стройной логичности умопостроений Галигана—да, у директора городского ФБР действительно башковитый помощник!

— Если вы согласны с этим, то второй повод, теряя силу, невольно передает ее первому, а именно—причинам исчезновения вашего отца. Мистер Айен, ну посмотрите на факты объективно, как бы со стороны, без эмоций. Завещание изменено 14 ноября, а 15-го отец отбыл в неизвестном направлении, на чьей-то машине, я цитирую ваши слова, «то ли мэра, то ли какого-то конгрессмена», у вас тут же происходит ссора с младшим братом Полом, после чего вы 18 ноября вылетаете, вопреки собственным планам, назад в Чикаго и начинаете новую жизнь. Такова хронология событий. Все бы хорошо, но следы отца теряются, он не появился ни в Нью-Йорке, ни в Вашингтоне. Согласитесь, это наводит на размышления о вашей роли в этом клубке фактов.

— Вы подозреваете меня в причастности к исчезновению отца?!—Джером даже пристал со стула.

Галиган поморщился:

— «Подозреваете»... Слово-то какое. Мы расследуем дело об исчезновении вашего отца со всех горизонтов—политического, делового, семейного. Поскольку вы теперь фактически основной наследник всех движимых и недвижимых капиталов отца, резонно поинтересоваться именно у вас некоторыми подробностями. Кстати, вы пока никак не мотивировали его радикального решения об изменении завещания.

— Мне трудно строить тут догадки, мистер Галиган. Единственное, что он сказал: решил поступить так по старой английской традиции, ведь мы же два века назад были выходцами из Соединенного Королевства... Да, там все наследство переходит в руки старшего сына в семье, вернее сказать, первого сына. Остальные дети не наследуют ровно ничего, вы-

нуждены полагаться лишь на собственные силы в этом мире. Вот я и думаю: он решил не распылять капитал между матерью и нами троими. Помнится, отец даже процитировал «Короля Лири»...

— Так все-таки, ссора с Полом произошла на этой почве? Из-за изменения его доли наследования?

— Да,—выдал очередное признание покрасневший Джером.

— Но откуда Пол смог узнать об этом, он же не присутствовал при вашей знаменательной встрече втроем—вы, отец и нотариус...

— Не присутствовал. Но у них там, в Шарлотсвилле, где растят будущую научную элиту, в ходу всякие технические штуки. Как знать?.. Впрочем, это мое предположение, которое возникло лишь в эту минуту.

— Я бы вам посоветовал, мистер Айен, хорошенько собраться с мыслями. Видимо, вы действительно расслабились в последнюю неделю, если до сих пор не догадываетесь, какая угроза над вами нависла. Вам надлежит самым скрупулезным образом восстановить все ваши шаги и действия, час за часом, начиная с того момента 14 ноября, когда вы осознали, что ваше наследство утроилось одним росчерком пера! Вы снова меня недопонимаете?

— Не понимаю, прежде всего, почему вы строите цепочку именно так: отъезд отца—ссора с братом—мой отъезд—исчезновение отца.

— Любой сторонний наблюдатель—или любой профессионал—связал бы эти факты воедино.

— Да все гораздо проще, мистер Галиган! То, что я ускорил свой отъезд, нельзя поставить мне в вину. Просто не хотелось омрачать всем остаток отдыха. Ведь и у матери, и у Мишел могло испортиться настроение точно так же, как у Пола.

— То, что вы трогательно оберегали их душевный покой, было бы психологически убедительно, если бы... Если бы ваш отец в это время действительно писал правительственные бумаги в штаб-квартире. Но его нет ни там, ни в Фонде «Америка», ни в «Дженерал Индастриз»! И все гипотезы, от самых примитивных, на уровне провинциального полицейского, до самых бесстрастно-логичных, компьютерных неизбежно ведут к вам, Джером Айен!

— Но что я мог... как я мог повлиять?

— Вы утомились, отдохните в соседней комнате, приведите свои мысли в порядок. Желательно, чтобы вы сделали это письменно. Вот вам бумага. Потом мы продолжим. Дело серьезнее, чем вам кажется.

Джером Айен в течение двух часов пытался восстановить события и собственные действия. Написанное им не удовлетворило Галигана.

— Давайте подпишем с вами одно пустячное соглашение, мистер Айен,—сказал он на прощанье.—Вот вам форма, заполните. Отныне о любой вашей отлучке за пределы Чикаго вы обязаны поставить в

известность меня—днем это будет или же ночью, в будни или выходные. Договорились?

Джером Айен молча заполнил бланк и расписался.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Мейер устало смотрел на дисплей компьютера: часы шли за часами, а его буквально захлестывал поток информации, которой—он об этом отлично знал—нет цены. Ее значение возрастало еще больше от того, что Мейер был уверен—вся эта информация была сугубо конфиденциальной: Джонс абсолютно полагался на то, что его «записи» никто не увидит.

И все же в этой информации не было главного—ответа на вопрос, что же происходило в душе Джоиса в последние дни, месяцы, годы. Судя по персональному дневнику, Джонс находился в апогее своей деловой и политической активности. Его акции на политической бирже Вашингтона ценились как никогда высоко, персональных врагов не было, а если и были, то они, казалось, лишь выгодно оттеняли и подчеркивали ту громаду авторитета и влияния, которой обладал Джонс осенью этого года.

Мейер был вынужден с сожалением, насколько прогнать ту бесценную информацию, за которую он еще несколько дней назад отдал бы все,—сегодня же анализировать абсолютно не оставалось времени.

На экране дисплея высветились фамилии лиц, действовавших в составе отдельных групп и подкомиссий, графики их работы по месяцам, наконец, фамилии координаторов работ—двух бывших госсекретарей и министра обороны, нескольких помощников президентов, заместителей и помощников министров.

«Даже нарочно собрав всех экстраспециалистов, не подберешь лучшей команды! Авторитета ей добавляет и то, что она сформирована практически на двухпартийной основе. Более того, как видно, привлечены и независимые эксперты, в том числе из-за рубежа, хотя те, конечно же, не знали об этом. И во главе всех их, как оказалось, стояли Стайнрофф и Джонс. Это они обобщили выводы, сделали все рекомендации, подготовили доклад и... А вот разослан ли он?»

Мейер тут же решил проверить это и поручил секретарше срочно связаться со Стайнроффом.

Стайнрофф был очень известной в стране личностью: ученый, генерал, сотрудник аппарата СНБ, он несколько раз возглавлял специальные комиссии, назначаемые президентом. В последние годы его фамилия не

336

была особенно на виду—все думали, что он навсегда переключился на общественную жизнь, возглавив ряд фондов и организаций. Потому, когда его объявили в качестве будущего помощника президента, это было воспринято с удивлением, хотя ни у кого в сенате не возникло серьезных возражений при утверждении его кандидатуры—авторитет Стайнероффа был очень высок.

Через несколько минут секретарша сообщила Мейеру, что, как и ожидалось, м-р Стайнерофф находится круглосуточно в штаб-квартире «переходного кабинета» и готов выслушать его.

— Здравствуй, Рей! Решил потревожить по срочному вопросу. Знаю, как тебе сейчас трудно, но мне нужно несколько минут для беседы по делу. С удовольствием просто поболтал бы с тобой, но вы там, наверное, просто с ума сошли от осаждающих совскателей на административные кресла?

— Роберт, я тоже собирался поговорить с тобой о деле: сам понимаешь, ни о чем другом я сейчас просто не способен говорить. Поэтому нескольких минут для нас будет мало. Давай-ка встретимся сегодня после десяти вечера у меня дома—там нам не помешают, надеюсь. Ты узнаешь то, что хочешь узнать от меня, а я—от тебя. Заодно и поужинаем, даже с напитками. Я уж, наверное, недели три не брал в рот даже пива.

— Хорошо, Рей. Я буду точно в десять. Ты, надеюсь, не сменил свой замечательный домик на что-то в Вашингтоне?

— Нет, мне он по-прежнему очень нравится. Дорогу к нему ты тоже помнишь? Жду, пока.

Мейер прикинул: ехать из Лэнгли до местечка, где поселился несколько лет назад Стайнерофф, час, не больше. Остается еще

время, чтобы просмотреть содержание доклада. Он собирался лишь «просмотреть», но как только начал, это занятие всецело захватило его.

«Особенности развития политической ситуации в мире». Его сразу же привлек подход авторов доклада к проблеме: от анализа изменения в соотношении сил в мире сегодня до прогноза на будущие двадцать лет. Именно такой подход, как говорил учитель Мейера в Оксфорде, дает нам максимально объективное представление о реальности.

«В мире происходит быстрый процесс изменения в соотношении сил между отдельными государствами, который ведет к принципиально иной политической и экономической ситуации в будущем. Нет никаких оснований считать, что эти изменения не затронут и сферу безопасности. Совсем наоборот—уже сейчас становится ясно, что через десятилетие Америка будет существовать в совершенно ином мире...»

Бежали строчки дисплея—бежало время—перед генералом разворачивалась картина ожидаемого будущего на планете.

«...Мы считаем, что еще более неблагоприятной станет ситуация для нашего основного противника—Советского Союза, по отношению к которому мы можем в качестве реальных поставить достижение наших долгосрочных стратегических целей: на первом этапе—ослабление и ликвидация влияния СССР в «периферийных районах»; на втором—в районах, граничащих с СССР; на третьем—отделение от центральной части национальных республик (Прибалтики, Украины и Молдавии, Закавказья, Средней Азии, а также островов Курильской гряды); на четвертом—отделение от России Белоруссии и Сибири, Казахстана и Дальнего Востока, превращение ее в конфедерацию относительно небольших и независимых государств. Таким образом, мы добиваемся достижения нашей главной цели в отношении России—ликвидации ее общественного строя и раздела на несколько самостоятельных государств.

По нашим оценкам, достижение этих целей в полном объеме возможно уже в начале будущего столетия. При этом нам необходимо добиться того, чтобы Россия в будущем не только не угрожала остальному миру с точки зрения идеологии и политики, но и не являлась в полной мере самостоятельным и крупным государством, обладающим ресурсами, которые могут вновь вернуть ей влияние в мире.

Военное соперничество, как предполагается, будет сконцентрировано во все большей степени на неядерных вооружениях, где комбинация технологии «невидимки» и высокоточных систем вооружений для использования на больших расстояниях открывает возможность нанесения неядерных стратегических ударов—таков один из выводов в результате анализа, проделанного аппаратом уходящего президента.

Столь крупные изменения говорят о том, что эволюция нашей военной доктрины вступает в «переходный период», меняются указанные выше объективные условия, радикальные перемены в нашей военной доктрине и доктрине союзников, наглядно проявляются уже сегодня в программах военного строительства и военного искусства...»

Мейер перестал читать. Посидел в задумчивости несколько минут и посмотрел на часы—20.53. Пора ехать к Рейу.

Он все еще находился под влиянием прочитанного: аналитик, чьей задачей на протяжении многих лет были долгосрочные прогнозы, он, конечно же, в отличие от Джонса, не формулировал в них политических задач, стоящих перед страной. Его проблемы были менее глобальны, но и менее опасны. Именно опасны, ведь формулирование подобных оценок влечет за собой формулирование способов и средств их достижения, которые сами по себе могут

привести к катастрофе. И не здесь ли ключ к отгадке исчезновения Джонса?..

Стайрофф был уже дома. Он сам открыл ворота и показал, где можно оставить машину,—места в гараже на две машины не хватало бы.

— Итак, Боб, ты срочно решил разыскать меня в эти сумасшедшие дни, когда я и сам толком не знаю, попаду ли домой ночевать...

Рей прямо посмотрел на Роберта. Затем добавил:

— Надеюсь, что с этим, как вы там его называли—Джонсом?—дело продвигается? Ты знаешь, он был весьма близок мне, и не только по политическим взглядам.

— Да, Рей. Собственно, это и послужило мне поводом для звонка. Из его досье стало ясно, что все последние недели он готовил какой-то важный документ, на котором сконцентрировал все свое внимание. По сути дела, в последний месяц он занимался только им. Ты не находишь, что судьба этого документа и Джонса может быть связана?

Рейчел смотрел внимательно на Мейера: как будто обдумывал или взвешивал что-то. Потом медленно, но четко произнес:

— Видишь ли, Боб... Джонс, точнее, Джонс и я, мы вместе действительно готовили фундаментальный документ, имеющий огромную важность для будущего нашей страны. По сути дела, это была программа обеспечения национальной безопасности на будущее десятилетие. Понятно, готовили его не только мы одни. Работа велась строго конфиденциально, и никто, кроме шести человек, не знал, кто руководит ею. В целях конспирации вся систематизация доклада была отдана одному Джонсу. Можешь себе представить, что случилось бы, узнай об этой бумаге накануне выборов наши политические противники или пресса! Он сам, точнее, вместе со своим компьютером, должен был подготовить проект документа, который предполагалось отпечатать на принтере того же компьютера в единственном экземпляре. Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать тебе...

Мейер как-то недоверчиво взглянул на Рейчел. Его покорила двусмысленность последних слов: то ли Рей не доверяет ему больше, то ли не знает ничего дополнительно. Потом, тщательно подбирая слова, произнес:

— Видишь ли, Рей, не мне напоминать, сколько ты и я подготовили в последнее время докладов—открытых и закрытых, в составе комиссий и с учеными-специалистами. Одним больше, одним меньше—что за важность? Но почему в этом случае такая секретность? Ты даже сказал «конспирация»... Ведь доклады для того и делают, чтобы их читали, пусть ограниченный круг, но все-таки... А здесь сплошная таинственность. Да новому президенту—по его же, кстати, поручению—месяца через два должны представить пять докладов по вопросам национальной безопасности. И все об этом знают, и диншут, и ждут, чтобы прочитать.

— Все дело в том, что это был не обычный доклад специалистов, а политическая платформа, позиция, долгосрочная программа, предназначенная для исполнения. Она разрабатывалась в деталях при непосредственном участии не только министров, их заместителей и помощников, некоторых сенаторов и конгрессменов, но и самого президента, а также кандидата.

— Ты говоришь, «был доклад». Но ужели не осталось ни единого экземпляра, пусть черного, по которому можно было бы восстановить оригинал?

— Нет, более того, мы с Джонсом сделали все для того, чтобы такая возможность была исключена. Конечно, существовал черный шанс на то, что с Джонсом могло что-то случиться, впрочем, шанс ничтожно малый... Тем не менее мы условились: последнюю работу над докладом Джонс должен был проделать, не выходя из здания Фонда, хорошо охраняемого, как ты знаешь. Ну, да ладно. Я все-таки уверен, что Джонс вот-вот объявится. А вместе с ним и наше творение. В конце концов, даже если они и исчезли оба—это не катастрофа. Катастрофой была бы лишь утечка информации от Джонса и из материалов доклада...

— Ты допускаешь, что он...

— Ничего я не допускаю, но я не смогу спокойно спать до тех пор, пока не буду знать точно, где Джонс и где доклад. Впрочем, что я говорю о себе! Президент спрашивает у меня несколько раз на дню о результатах твоего расследования. Так что, Боб, ты в эпицентре событий и редкостного внимания первых лиц в стране.

На этих словах, граничащих с комплиментом, Рей словно подвел черту под первой половиной их разговора, считая, что удовлетворил интерес гостя. Но прежде чем выказать свой встречный интерес, он предложил разделаться с цыплятами-гриль, потчевал пивом и свежими анекдотами из политической жизни, а уж затем, после паузы, включив музыку, заговорил о том, что волновало его самого:

— Стало ясно, что новый президент, как ты, может быть, знаешь, задумал сконцентрировать значительно большую власть, чем находилась прежде в руках СНБ и его помощника, то есть меня. Причина, коротко, заключается в том, что он хочет добиться максимальной координации наших инициатив в области внешней политики, безопасности, обороны, информации. Фактически это означает, что переговоры с русскими о контроле над вооружениями, наши отношения с Китаем и Японией, все эти и другие направления в комплексе будут замыкаться на одном из моих замов в ранге министра. А как ты, Боб, посмотришь на предложение стать моим заместителем по нашим отношениям с русскими? Ты координировал бы усилия всех министерств и служб — министерства обороны, госдепа, ЦРУ, НАСА и частных организаций, включая торговлю и поставки

технологий. А главное, выработал бы по отношению к ним единую стратегию, включающую разделы по внешней политике, обороне. Кстати, свою должность в ЦРУ ты можешь сохранить за собой, если хочешь.

— Я очень признателен, Рей, за такое лестное предложение. Честно сказать, не рассчитывал на какую-то политическую работу. Но ты сам понимаешь, мне хотелось бы, прежде чем дать согласие, узнать твою и президента точку зрения на отношения с русскими. Хотя бы в основных чертах, но, так сказать, неформально. Мне не хотелось бы обмануть ожиданий. Ведь это вполне законный интерес, не так ли, Рей?

— Настолько законный, что было бы странно, если бы ты не заговорил об этом, Роберт. Тогда я усомнился бы в твоём объективном подходе к проблемам, стоящим перед новой администрацией. Я, пожалуй, приведу тебе перечень мероприятий, намеченных на самое ближайшее время администрацией в твоей области — а я надеюсь, она станет твоей. Итак, наши некоторые наметки по уточнению — пока скажем так — нашей стратегии в отношениях к СССР. Учредить должность заместителя помощника президента по национальной безопасности, ответственного за политику с СССР, который стал бы главным советником по СССР для американского президента. Создать, или точнее, реорганизовать при госдепе отдел СССР, сориентировав его в большей степени на анализ глобальной политики Советского Союза. В срочном порядке разработать стратегию США на случай кризиса в центральной Европе — имеется в виду любая социалистическая страна. Ограничить экспорт в СССР капиталов, технологий. Ограничить импорт советских товаров — мол, их производят заключенные. Усилить радиовещание на СССР. Создать специальную группу по советско-американским обменам, упорядочить «несбалансированные» советско-американские обмены в научной и культурной областях. Сократить наполовину персонал советского консульства в Сан-Франциско. Обязать служащих, занимающихся проблемами политики СССР, изучать фундаментальные основы истории и политики Советского Союза... Как видишь, даже самые первые наметки предполагают высокую нашу активность. Задача — перехватить инициативу у советского лидера, замедлить динамику его внешнеполитических акций.

На этих словах странная догадка посетила Мейера: да эти же меры были выработаны Джонсом! И вот теперь ему, кадровому офицеру ЦРУ, предлагается не только изучить все об исчезнувшем, — но на практике выполнять задуманное Джонсом!

Мейер сопоставлял сказанное Рейчелом со всем тем, что узнал из досье Джонса. Много совпадало — по настрою, характеру изложения. Очевидно, влияние Джонса, точнее Фонда, на разработку доктри-

ны «конкурирующих стратегий» было решающим.

— Хорошо, Рей. Но дай мне еще раз подумать, смогу ли я сделать то, что вам задумано. Ты не против, если мы вернемся к этому разговору завтра?

Рейчел устало посмотрел на Мейера.

Он только что «прокатал» на нем свою речь, которую намеревался произнести на первом расширенном заседании СНБ в пятницу. Реакция Роберта — в целом, как он заметил, положительная — его удовлетворила.

— Ну что ж, завтра, так завтра. Позвони мне напрямую в штаб-квартиру около семи вечера. Думаю, к тому времени я уже буду знать, как у меня сложится вечер. А впрочем, можешь сказать и по телефону, если принимаешь предложение. Детали обговорим позже, например, на следующей неделе — время хотя и не терпит, но обстоятельства требуют, чтобы ты довел дело Джонса до победного конца. Уверен, к началу следующей недели тебе это удастся.

Рейчел проводил Мейера до машины. Была поздняя ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Благодаря успеху операции, проведенной Галиганом и ФБР Чикаго с Джеромом Айеном, рабочая группа Гарри Маса получила существенные факты: во-первых, об изменении завещания Джонса за день до его исчезновения. Выудить это обычным путем, через нотариуса, было бы гораздо хлопотнее, и Мас поздравил Галигана и себя. Во-вторых, все поведение главного следователя по возвращении в Чикаго, его «загул», его нервозность при задержании и даже нелепая попытка завести машину уже после слов агента (а все это было тщательно отфиксировано видеокамерой) навлекли на голову старшего сына Джонса немало новых подозрений.

Мас дал указание Галигану держать Джерома Айена под наблюдением и тщательно «прокатать» вариант сыновней неблагодарности и стремления ускорить ход вещей, проверить его информацию на «детекторе лжи».

Однако, когда он ознакомил Роберта Мейера с данными, полученными в Чикаго, генерал почему-то не проявил подозрительности к слабонервному счастливчику Джерому.

— Все гораздо глубже, — устало сказал Мейер, но начато исследование не отменил. — Гарри, а ну-ка — моментальный тест на вашу религиозность: сколько библейских заповедей вы знаете?

— Семь — если по пятой главе от Матфея. Не убий, не лжесвидетельствуй, не пожелай жены ближнего своего... Дальше, признаться, не помню.

— А вы, Ричард? — обратился Мейер к Фрайзеру.

— По-моему, их десять. К названным могу добавить: возлюби ближнего своего, не противься злу, не гневайся на брата своего, просящему у тебя — дай...

— А вы, профессор?

Стенли Мортон замялся, стал уточнять, какие именно заповеди — Ветхого или Нового завета — имеются в виду, сделал поправку к Гарри Масу, мол, речь идет вовсе не о лжесвидетельстве, в Библии сказано: не клянись, ибо ни за что не можешь поручиться, даже за цвет своих волос... А потом заявил, что заповедей Иисуса не семь и не десять, а 33...

— Да, друзья мои, — подытожил Мейер результаты своего шуточного теста. — Кажется, все мы вместе взятые — воинствующие атеисты по сравнению с нашим Джонсом. Он не только знал назубок все десять, но и изобрел собственную — одиннадцатую.

— Как же она формулируется?

— Интригующе: «Осуществляй недеяние». И далее, после двоеточия, расшифровка: «Если не можешь воспрепятствовать — лучше уйти». Вот вам и ключ к разгадке его исчезновения. Морально-этический ключик. Он знал, что не сможет воспрепятствовать осуществлению им же разработанной военно-политической доктрины США. И, следуя одиннадцатой заповеди, решил «осуществить недеяние» — то есть добровольно устранился, уйти.

— Что ж, во всяком случае, как опытный политик, он, конечно, отдавал себе отчет в тщетности своих одиночных усилий, — сказал тут Мортон. — Ведь, судя по тем данным его ПК, которые вы нам привели, мистер Мейер, Джонс давно пришел к выводу о полном бессилии любого президента изменить реальный ход вещей. Где уж сделать это какому-то Джонсу! Добровольный уход из политической жизни в частную, возможно, и лучше, чем если бы Джонс попал между мощными шестернями государственного механизма...

— Итак, мы знаем вполне определенно, — вернулся к началу Мейер, — если Джонс накануне отъезда — скажем так, из Сан-Франциско — принял серьезное, учитывая размеры его состояния, решение изменить порядок наследования, то он, несомненно, точно знал, что ему предстоит в ближайшем будущем. Шанс на простое совпадение тут один из тысячи.

Они обсудили и возможные мотивы внутренних перемен Джонса, при этом Мейер частично поделился информацией РС.

— Джонс никогда не входил в число тех сторонников мира, которые уверены, будто Советский Союз жаждет мира и разоружения, а мы, Штаты, этому препятствуем. Он давно пришел к выводу: причина нынешней нестабильности в мире — в от-

ромном влиянии нашего военно-промышленного комплекса на конгресс. Более того — ставка на технологическое превосходство, по его логике, привела к выходу всей военно-стратегической ситуации из-под контроля хоть Белого дома, хоть президента. Теперь любой, самый миролюбивый президент уже лишен прежних рычагов власти в любом военном конфликте или же при угрозе его возникновения — за него принимая решение компьютеры, причем так безапелляционно, что никто не в состоянии уже отменить отданных ими команд. Кстати, Джонс справедливо заметил после посещения одной нашей базы ВВС: «Трагедия заключается в том, что стратегический бомбардировщик, взлетевший по боевой тревоге № 1, уже невозможно повернуть назад. Его можно только уничтожить». При этом — на то он и Джонс, а не Смит какой-нибудь — он возводил эту ситуацию в ранг символа — бог с ним, с бомбардировщиком, его можно сбить над океаном своим же «Томагавком», но стартовавшие баллистические ракеты стратегического назначения не сможет сбить никто. Любой новый конфликт может стать ядерным, мир обречен, и он, Джонс, винит себя в том, что десятилетиями подводил Соединенные Штаты к этому ядерному тупику.

— Что же, выходит, под внешностью солидного бизнесмена и политика-консерватора, приближенного к последним президентам США, скрывался этаким интернационалист, убежденный, что Штаты ничего не делают для предотвращения мировой катастрофы? — спросил Мортон. — У нас есть свидетельства его родных и друзей, что Джонс в последние месяцы и даже годы сильно волновали именно мировые проблемы.

— И все-таки надо проверить его связь с русскими, — вступил Мас. — Я понимаю, в современной политической кухне всем нам просто необходимы контакты с противоположной стороной, изоляционизм тут неприемлем. Тем не менее, насколько я знаю почерк Москвы, ее разведки, там очень любят замысловатые многоступенчатые комбинации, граничащие порой с абсурдом. Что, если их люди обработали Джонса в психологическом плане, подкинули ему если не новый идеал, то во всяком случае приемлемую идею? Ведь подкуп, всяческие материальные блага мы с вами, естественно, исключаем — и он, подавшись на их удочку, угнетенный собственными прогнозами развития обстановки в мире, принял решение, скажем, вылететь в третью страну. А там уже его встретил резидент Москвы, чтобы выпотрошить где-нибудь у подножия Гималаев его черепную коробку и выудить все то, что Джонсу было известно.

— Гималаи вы назвали, конечно, к слову?

— Не совсем. Есть косвенные указания на этот район...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Служба Ричарда Фрайзера отфиксировала странную открытку с видом горы Джомолунгмы, поступившую на имя Барбары Крэнстон, из СНБ. Прежде всего необычным был способ доставки: видимо, кто-то из соотечественников прилетел на днях в Штаты из-за границы, получив эту экзотическую открытку из чьих-то рук в далекой Юго-Восточной Азии, и опустил в почтовый ящик уже здесь. Не менее загадочным был и текст:

«Милая Барби, прости и не волнуйся. Моя перемена образа жизни оказалась более сложной, чем представлялась умозрительно.

Но что удивительно — из прежних ценностей более всего не достает общения лишь с одним человеком — с тобой!

Тем не менее, было бы правильно именно сейчас напомнить тебе: ты полностью свободна распоряжаться собой как тебе заблагорассудится.

Целую. Л.»

Велико было искушение сразу же вызвать Барбару Крэнстон к Мейеру или Кейсу и задать ей несколько прямых вопросов. Ведь если исчезнувший Ленфорд Айен из всех подданных Соединенных Штатов сохранил память лишь о ней, значит, их отношения были более доверительными, чем она дала понять Аллану Уисперсу, обещая ему сотрудничество с группой расследования. Но, посоветовавшись с Мейером, Фрайзер предложил иной метод. Несмотря на все более обострявшийся дефицит времени, открытка проследовала обычным почтовым путем в автоматический бокс Крэнстон, а Аллан Уисперс был предупрежден о возможных в ближайшее время новых контактах с Барбарой.

Таким образом, руководство расследованием по делу Джонса решило mimoходом проверить и лояльность Б. Крэнстон.

Очевидно, что Барбара, получив открытку, колебалась. Ее колебания можно было точно измерить в часах и минутах. Правда, в ее пользу говорило одно обстоятельство: открытка поступила с вечерней почтой, а Барбара позвонила Уисперсу утром следующего дня в 9.10. Ночь можно было бы и не засчитывать в контрольное время.

Они встретились через четверть часа в кондитерской «У Фуше». Обстановка тут, вероятно, напоминала Барбаре времена ее детства — атмосфера старомодного салона, лепные барельефы на стенах, старая добротная живопись, игрушечно-сказочный мирок.

Крэнстон мягко заинтересовалась, что

нового в его жизни и расследовании — Аллан привычно начал сетовать, что сроки горят, начальство лютует, результатов мало... При этом он старался, чтобы все это не звучало чересчур дежурно для Барбары. И ловко перевел разговор на нее, их прежние отношения с Айеном, поинтересовался ее впечатлениями от старшего сына, Джерома, но Барбара не была знакома с Джеромом.

— Видите ли, тут случайно выяснилось, что накануне своего исчезновения Айен изменил завешание в его пользу... По прикидкам экономистов, разница в плюсе составит около трехсот миллионов. Признаться, мне не нравится, что даже наши светлые головы чересчур увлеклись этим Джеромом — ведь появился такой изменный мотив: не мог ли сын поторопить уход отца ради обладания этим состоянием? — кружил вокруг той же темы Аллан.

— Это заблуждение, я полагаю, — Барбара грациозно поднесла чашечку тонкого фарфора к губам, отпила горячего шоколада. — Ленфорд не раз говорил мне: если ему что-то по-настоящему и удалось в этой жизни — так хорошо воспитать детей. Зная Мишел и Пола, я готова подтвердить это. Так что я на вашей стороне: низменные мотивы — не для клана Айенов.

— Версия международного терроризма тоже закрыта, хотя одна история, что называется, имела очень близкое касательство к вашему другу...

И он вкратце обрисовал ей эту историю. «Странно, я будто отчитываюсь перед ней о проделанной работе», — отметил он про себя.

— Да, вам не позавидуешь, Ал! — улыбнулась Барбара. — Так что у вас реально есть на сегодня?

— Один русский, профессор Фурсов — это имя вам ничего не говорит? — сначала прислал Айену письмо, а затем и сам пожаловал в гости. Оказалось, они раньше контактировали...

— Не люблю ваших профессиональных терминов, уж извините. Контакттировать, афишировать, источник информации...

— Что делать, какая работа — такие и термины.

— И что же этот профессор?

И опять Уисперсу показалось, что Крэнстон умело выуживает из него информацию, так и не выдавая никакой своей. Но он терпеливо продолжал:

— Этот безобидный ученый, неплохой старикан, мне кажется, сильно недоумевает, чем обязан такому пристальному вниманию и повышенному интересу к его персоне в этот приезд к нам. Его «пасут» круглосуточно, слышат каждый звук, видят каждый шаг и жест...

— Что же, ваши светлые головы всерьез заподозрили, что это русские выкрали Ленфорда?

— Нет, конечно. Но этот Фурсов оказался ни много ни мало консультантом их Генерального штаба, и Мейер всерьез

прокачивает вариант утечки информации стратегического характера. А Айен знал немало, ох, немало!

— Пасут, прокачивает, утечка информации... Фу, Аллан! — поморщилась Барбара, оставаясь при этом все такой же милой. — Да-а, хорошую головоломку задал вам Айен! Отцеубийца Джером, рука Москвы, латиноамериканские террористы... Не хватает еще торговцев оружием и наркотиками!

— Догадываюсь, что кто-нибудь и мафию прокачать не забыл, и мнимую причастность Айена к «ирангейту...» Да, еще, совсем забыл! Из Далласа пришло вовсе уж фантастическое сообщение, будто 15 ноября в 15 часов из машины Айена в подземной автостоянке возле аэропорта вышел... — не упадите со стула, Барбара! — вышел бритоголовый буддийский монах в оранжевом плаще и улетел в Рангун.

Барбара в этот момент грациозно откусывала эклер. Не повела и бровью.

— Правда, тамошние службы подкрепили эту фантастику вполне документально, — добавил Аллан, не видя никакого ее интереса к тому, что он говорит. — Распечаткой кадров видеокамеры.

— И знаете, Ал, эта фантастика, мне кажется, вполне заслуживает вашего внимания. Думается, вам предстоит, как говорят гадалки и прорицатели будущего, «дальняя дорожка» — в район Юго-Восточной Азии.

С этими словами Крэнстон поднесла к губам салфетку, щелкнула замком черной кожаной сумочки с длинной ручкой через плечо и протянула Уисперсу почтовую карточку с видом горы Джомолунгмы.

Аллан рассыпался в комплиментах. Да она же спасла его от краха карьеры! Бесценный факт!.. Графологн, несомненно, подтвердят: это рука Айена!

Проницательная Барбара Крэнстон, похоже, почувствовала фальшь в его восторгах по поводу ценнейшей и столь оперативной информации — особенно теперь, когда дорог каждый час отпущенного президентом контрольного срока. Пристально взглянула. Казалось, ей известно, что еще вчера эту карточку пересняли в ЦРУ и провели графологическую экспертизу, а потом уже послали ей, чтобы лишний раз убедиться в ее откровенности со спецслужбами.

— Барбара, — стараясь сгладить ее впечатление о нем и его фальши, предельно искренне сказал Уисперс, — если бы вы знали, как много для вас самой значит эта открытка, ваш утренний звонок мне и наша встреча! Большого, увя, я сказать не могу.

— А я знаю, — по-прежнему спокойно отвечала Крэнстон. — Да я и не думала о себе. Я просто рада, счастлива, что он жив. Знаете, мне не надо большего: он жив, он так решил изменить жизнь, и он думает обо мне! Нет, правда, большего желать невозможно. Мое чутье говорит, что это не последняя весточка. Он найдет возможность для связи...

— Простите, это уже мое личное, если хотите — мужское любопытство: а вы воспользуетесь той свободой, какую вам предоставляет эта почтовая карточка? Конечно, можете не отвечать...

— Да, я не отвечу.

— А если Ленфорд позовет вас туда, к себе, где бы он ни был?..

— Поеду. И простимся на этом. Не прожайте меня...

За окнами кондитерской повалил мокрый снег крупными хлопьями. Фигурка Барбары мелькнула — и пропала в этих белых косых струях.

Деловой Аллан Уисперс тут же поспешил к Фрайзеру — докладывать результаты этой встречи и беседы.

Однако еще задолго до того, как Фрайзер сообщил Мейеру детали этого разговора о почтовой карточке с видом Джомолунгмы, сам Мейер мог уже по точным агентурным данным безошибочно назвать страну, город и отель, где в данную минуту находится Д. Джонс — Л. Айен. Разыскать его и ближайшим рейсом «Пан-Америкен» вернуть в Штаты было теперь делом техники. Но у ведущего аналитика

возник парадоксальный на первый взгляд вопрос: а нужно ли разыскивать Джонса? Если он добровольно принял такое решение выйти из политической жизни и уйти в частную, если он свыше сорока лет свято хранил все служебные тайны, а его компьютер находится в их надежных руках, то он теперь не опасен в любой стране мира. В конце концов, важнейшее право человека — выбирать любой образ жизни...

Гораздо важнее для Мейера было теперь другое: если талантливый политик Джонс пришел к выводу о необратимости процессов в этом мире или в этой стране и своим добровольным уходом распался в полном личном бессилии хоть что-то изменить, остановить разработанные им же и запущенные программы, то сможет ли сделать это кто-то другой? — вот в чем вопрос!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Пока все руководители рабочих групп следили за суммарным фактическим материалом, поступившим к этому часу по самым различным каналам, от донесений резидентов ЦРУ до компьютерных, от фэбэ-эровцев Чикаго, Шарлотсвилля и Нью-Йорка до «светских» — из разговоров с Барбарой Крэнстон и другими ближними и дальними друзьями Джонса, никому не пришло в голову заострить внимание на том главном, что уже стояло за прозвучавшей «одинадцатой заповедью Джонса», как назвал это Мейер.

Первым спохватился «политик», профессор Стэнли Мортон. В своей академической манере думать, писать и говорить он повел очень долгий и запутанный речевой период, до сути которого нелегко было добраться:

— Постойте-ка... Но ведь само решение Джонса выйти из игры именно в этот исторический момент — я имею в виду все вкуче: и смену президентов, и новое политическое мышление Горбачева, и невозможность повернуть вспять запущенные нами военно-стратегические программы — все, что мы теперь знаем о Джонсе, красноречиво убеждает: это политик высокого класса, мудрый и прозорливый, так вот, если даже он, располагая, в сущности, неизмеримо большим материалом, чем мы, пришел к такому самоустранению, к такому, как выразился генерал, «осуществлению иедеяния» — так что же остается сделать нам и всему человечеству, господа?..

— Командировать вас в Лаконику, что ли? — пошутил Мейер, намекая на излиш-

ную словоохотливость и запутанность речи Мортон.

— Нет, вы вдумайтесь: добровольный уход Джонса из политической жизни означает, что он не видел никакой альтернативы! Это же означает... конец света, господа, — понизив почему-то голос, с трудом произнес Мортон. — Если даже он с его могучим интеллектом, его трезвомыслием, набожностью и оптимизмом не нашел никакого конструктивного выхода из создавшейся в мире ситуации, то это... это... конец нашей цивилизации, конец новой эры!

В кабинете установилась гнетущая тишина. Одни участники ночного совещания раньше, другие позже осознали то фатально-роковое, что стояло за смятенными словами профессора и что действительно неизбежно вытекало из логики всего проведенного их коллективными усилиями расследования.

— Нужно проинформировать об этом президента.

— Кандидата в президенты и особенно — его команду!

— Если это проникнет в прессу, произойдет невиданная паника и в стране, и за рубежом!

— Подготовить меморандум... — раздавались голоса почти одновременно.

Усталость, смертельная усталость Мейера в последние дни объяснялась не только тем, что он чрезмерно много работал над делом Джонса. Все то, что стояло за материалами Джонса и всем расследованием и что со значительным опозданием обнаружил Мортон, давно уже одолевало самого Мейера. Из глубин электронной памяти компьютера Джонса на него первого дохнуло могильным холодом. Правда, для себя Мейер называл это вовсе не концом света или новой эры, ему не свойственна была книжность и выпренность Мортон. Мейер испытывал довольно жуткое моральное состояние, как если бы где-то на 117-м этаже он вызвал лифт, створки распахнулись, но кабины перед ним не оказалось, и глаза его увидели впервые в жизни всю глубину зияющей перед ним шахты. Но это было лишь ощущение, а сформулировал его ведущий аналитик примерно так: уж если мозговой трест Соединенных Штатов, Фонд «Америка» во главе со своим председателем не смог выработать достойной альтернативы предстоящему развитию событий в мире, то что же мы, четверо, сможем рекомендовать новой администрации в итоге своего расследования?

Огненный вопросительный знак в конце странном образом обессилывал, деморализовал его.

Именно этот вопрос генерал и предлагал обсудить немедленно. В самом деле, не может же комиссия авторитетных экспертов, назначенных президентом по расследованию дела Джонса, ограничиться лишь беспристрастным констатированием фактов и агентурных данных, умолчать о том, что, не имея практически никаких реаль-

ных рычагов остановить порожденное им детище, Джонс выбрал, возможно, самую слабую, пассивную, но и самую трагичную для него как личности форму протеста — добровольный уход из всякой активной жизни? Они обязаны, пусть даже выйдя за пределы своей компетенции, поставить новую администрацию перед дилеммой: либо следовать прежним военно-стратегическим концепциям — и толкать тем самым мир к физическому концу света, либо остановить, пересмотреть все разработки Фонда и Джонса, критически переосмыслить ситуацию в мире и свою роль в этой ситуации.

Через час оживленных дебатов «четверка» пришла к единственному выводу, получившему консенсус:

Рекомендовать новой администрации США: 1) ввести трехмесячный мораторий на любые активные внешнеполитические и военно-стратегические программы США, 2) создать компетентную группу экспертов, которой поручить тщательнейшее изучение и переосмысление новой военно-стратегической доктрины СССР и его практических действий по ее реализации, 3) подвергнуть многостороннему критическому анализу все ныне разработанные Фондом «Америка» рекомендации и программы, как одобренные конгрессом и сенатом, так и внесенные в секретном порядке.

На этом единодушные «четверки» иссякло, все остальные идеи встречали отпор или критику хотя бы одного из них и, следовательно, не могли быть представлены в докладе президенту и его преемнику.

— Однако мы оказались чуть-чуть сильнее Джонса, — улыбнулся Мейер, глотая таблетку снотворного.

— Нет, друзья, до Апокалипсиса еще не так близко!

— Но отметьте, что благодаря самопожертвованию нашего Джонса мы получили стимул к действиям!

— Еще неизвестно, как встретит все это новая администрация, — раздались голоса.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

После инаугурации Франклин Гор объявил мораторий на все важнейшие внешнеполитические и военно-стратегические акции США. Военная доктрина в соответствии с рекомендациями была подвергнута критическому анализу и пересмотру.

Роберт Мейер покинул свой пост в ЦРУ и принял предложение Рая Стайнроффа — стал его правой рукой, которая в дальнейшем держала все нити новых взаимоотношений с русскими.

Вскоре после своего утверждения в новом качестве Мейер получил телеграмму из Бангкока:

«Поздравляю Вы на правильном пути — Ленфорд Ален».

САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

ПРОДОЛЖИМ ИЗУЧЕНИЕ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СИЛОВЫХ КАЧЕСТВ И ТЕХНИКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРИЕМОВ ВЕДЕНИЯ БОЯ НА БЛИЖНЕЙ ДИСТАНЦИИ

1. ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

3). Метод скоростно-силовых напряжений.

При выполнении физических упражнений постоянно сменяются режимы работы мышц: статические напряжения усугубают место динамическим, напряжение — расслаблению, и наоборот. Так, при ударах руками и ногами крайне важно правильно сочетать расслабление с быстрым напряжением мышц в конечной фазе движения. Причем привыкать к особенностям мышечной работы необходимо непосредственно в процессе изучения конкретного приема.

Характерный пример скоростно-силовых упражнений — удары руками и ногами с малыми отягощениями (гантели, наполненные песком манжеты для рук и ног) с резкой остановкой и удержанием статического напряжения на 5—6 секунд в конечной фазе движения.

4). Метод силовых движений.

Один из самых древних и распространенных методов в подготовке спортсменов любого профиля, ибо поднятие большого веса — универсальный способ развития физической силы. На наших занятиях он реализуется в следующих формах упражнений:

а) упражнения с отягощениями или дополнительными сопротивлениями (поднимание штанги или гантелей при разных положениях тела, растягивание и сжимание эспандеров);

б) упражнения с перемещениями тела (сгибание и разгибание рук в упоре лежа или в стойке на руках с опорой на стену, приседания, подтягивание на перекладине, сгибание и разгибание рук в упоре на брусках).

Отдавая вполне объяснимое предпочтение развитию «нужных» нам групп мышц (плечи, трицепсы, длинные мышцы спины, мышцы брюшного пресса и ног), не следует забывать и об «отстающих» группах.

Естественно, что методы силовой подготовки хороши лишь в разумной дозировке и при правильном сочетании.

II. ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

И снова о приемах ведения боя на ближней дистанции. Начнем с подсечек, представляющих собой способ выведения противника из равновесия и лишения его точки опоры атакующей ногой. Хотя, конечно, не в каждой боевой ситуации уместна подсечка. Выполняется она, когда противник находится в неудобном для него положении; при потере равновесия в шаге или выпаде, когда одна нога в воздухе или

МАКСИМ ГЛАДКОВ

ИСКУССТВО И ОРУЖИЕ

когда в результате неправильного передвижения он повернулся боком.

Направлять подсечку следует как можно ближе к стопе, тогда по закону рычага прием потребует меньших усилий.

К слову, не всегда главное в подсечке — свалить противника, ибо даже временная потеря им устойчивости обеспечит вам успешную последующую атаку.

Комбинация № 1. Противник атакует боковым ударом ногой в корпус или голову.

Подготовительное упражнение. Исходное положение — основная стойка (рис. 1а); 1 — шагом левой вперед-влево уйти с линии атаки и, поворачивая корпус вправо, выполнить блок предплечьями правой и левой руки, при этом правая кисть закрывает голову, а левая — корпус и пах, локти вместе (рис. 1б); 2 — шагом правой

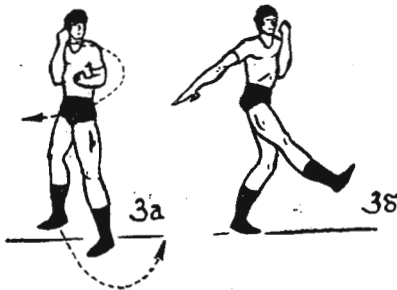
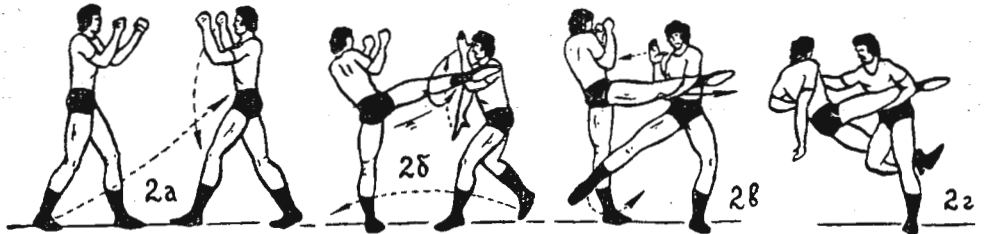
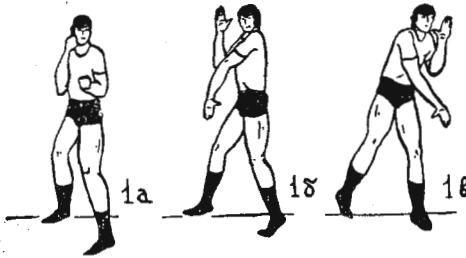
вправо выполнить аналогичное движение с поворотом корпуса влево (рис. 1в).

Контратака. Исходное положение — основная стойка (рис. 2а); 1 — шагом правой вправо повернуть корпус влево и заблокировать боковой удар правой в корпус предплечьями правой и левой руки (рис. 2б); 2 — левой рукой охватить голень противника сверху-вниз, правую ногу завести за опорную ногу противника с внутренней стороны, правую руку перевести к груди (рис. 2в); 3 — выводя противника из равновесия ударом правой ладонью в грудь, правой ногой подсечь его опорную (рис. 2г).

Комбинация № 2. Противник атакует прямым ударом левой руки в голову.

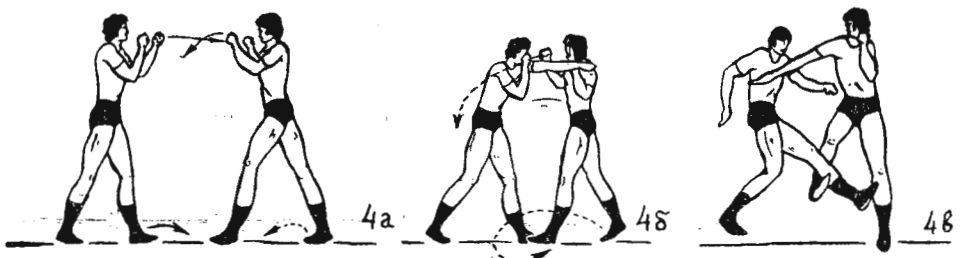
Подготовительное упражнение. Исходное положение — основная стойка (рис. 3а); выполнить круговое движение правым предплечьем, как показано стрелкой, с одновременным круговым движением правой стопой снаружи-вовнутрь (рис. 3б).

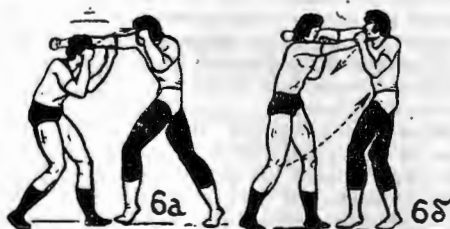
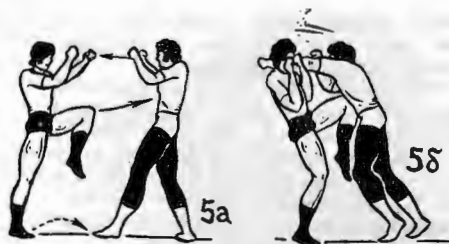
Контратака. Исходное положение — основная стойка (рис. 4а); 1 — шагом правой вправо уйти с линии атаки и заблокировать прямой удар в голову предплечьем левой руки (рис. 4б); 2 — выводя противника из равновесия правой рукой, правой ногой подсечь его левую (рис. 4в).
И еще два «полезных» удара ногой:

Удар коленом вперед с подскоком. Исходное положение — основная стойка (рис. 5а); 1 — поднять согнутую ногу (рис. 5б); 2 — подать бедро вперед и нанести удар коленом с подскоком.

Боковой удар коленом. Исходное положение — основная стойка (рис. 6а); 1 — перевести правую руку вперед-влево и положить ее на правое плечо противника (рис. 6б); 2 — разворачивая противника правой рукой к себе, нанести боковой удар правым коленом (рис. 6в).

Однако мало уметь нападать, нужно знать и приемы защиты от ударов ногами. Многие новички имеют обыкновение во время удара ногами опускать руки, открывая голову и верхнюю часть туло-

вища для контратаки противника. Поэтому момент, когда противник наносит удар ногой, очень удобен для ответных действий. Причем защиту и контратаку целесообразно выполнять одновременно.

Комбинация № 1. Противник атакует боковым ударом правой ноги в голову.

Исходное положение — основная стойка (рис. 1а); 1 — блокируя удар левым предплечьем, нанести прямой удар правой рукой в голову (рис. 1б); 2 — подскоком на правой ноге резко сократить дистанцию и подсесть опорную ногу противника с внутренней стороны левой стопой (рис. 1в).

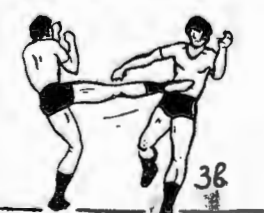
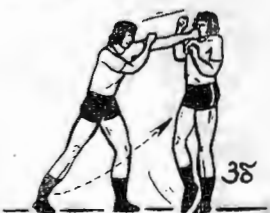
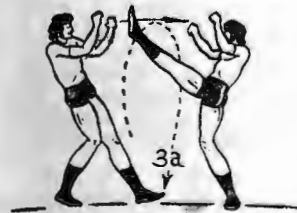
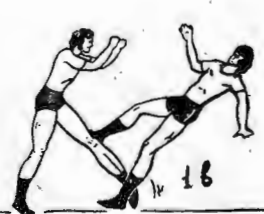
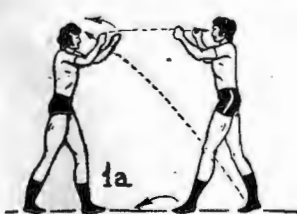
Комбинация № 2. Противник атакует прямым ударом правой ноги в корпус.

Исходное положение — основная стойка; 1 — блокировать колено противника левой ладонью, слегка переместившись с линии атаки влево (рис. 2а); 2 — той же рукой нанести прямой удар в голову (рис. 2б); 3 — завершить атаку прямым ударом правой ноги в корпус (рис. 2в).

Комбинация № 3. Противник атакует круговым ударом правой ноги изнутри-наружу.

Исходное положение — основная стойка; 1 — перенося тяжесть тела на ногу, оставленную назад, отклониться назад же и уйти от удара (рис. 3а); 2 — быстро перенести тяжесть тела на ногу, стоящую впереди, и нанести прямой удар левой рукой в голову (рис. 3б); 3 — нанести боковой удар правой ногой в корпус (рис. 3в).

Запомните, что контратакующие действия должны быть быстрыми, упреждающими, дабы противник не успел опустить

ногу на пол и восстановить равновесие.

Хотелось бы дать несколько советов об устойчивости приобретаемых на наших занятиях навыков. Нельзя забывать, что умения выполнить тот или иной технический прием во время тренировки в спокойном режиме, когда все силы и внимание сконцентрированы на совершении одного действия, еще недостаточно для успешного проведения того же приема в реальной схватке. Нужно уметь сохранить качество применяемой техники в экстремальной боевой ситуации, несмотря на усталость, высокое моральное напряжение, как следствие опасности. В боевых единоборствах нельзя сбрасывать со счетов и некоторые объективные факторы, способные помешать чистоте технического приема, например, сложные погодные условия (дождь, гололед), неудобный интерьер. И потому, совершенствуя различные физические качества, нужно создавать определенный запас прочности, позволяющий полностью реализовать свои технические возможности в самых сложных условиях. Меняйте режимы и обстановку. Когда почувствуете, что ваши действия при выполнении удара доведены до автоматизма, попробуйте выполнить прием, допустим, на скользком грунте. Это первое.

И второе. Помните, на одном из наших первых уроков мы вели разговор о значении и способах передвижения в единоборствах? Читатели в письмах в журнал интересуются, какой из способов совершенствования передвижения наиболее эффективен. Отвечаю: упражнения со скакалкой. Именно они развивают специальную выносливость и укрепляют задействованные при передвижениях группы мышц ног. Чтобы избежать последующих упреков в недоговоренности, конкретизирую эту мысль.

Подбирайте скакалку для занятий следующим образом: если вы станете ногой на середину скакалки, ее концы должны доставать до подмышечных впадин. Тренировку начинайте с обычных прыжков через скакалку на обеих ногах. При этом не сгибайте их сильно в коленях, а переносите основную нагрузку на голеностоп. И не гонитесь за высотой прыжков. Дви-

жения руками — не размахисты, а напротив, скупы: выполняйте их кистями рук, слегка помогая предплечьями.

Постепенно переходите к обработке прыжков на одной ноге, затем — со сменой ног. Чередуйте их, усложняя упражнение, к примеру, выполняйте два оборота скакалки на один прыжок. Три раунда прыжков через скакалку по три минуты с перерывом в одну минуту практически полностью воспроизводят нагрузку, которая ложится на мышцы ног в ходе передвижений во время спортивного поединка.

Если уж мы заговорили о письмах наших читателей, вспомним еще об одном вопросе. Некоторые интересуются особенностями обучения спортсменов-левшей. Действительно, до сих пор мы рассчитывали на тех, у кого наиболее активны правые рука и нога, то есть на большинство обучающихся. Но статистика показывает, что на десять спортсменов, занимающихся в школах и секциях, — один левша. Как тренироваться им и, напротив, как им противостоять — предмет особого разговора. Но отдельные аспекты рассмотрим.

Как правило, левша ведет бой в правосторонней стойке, что делает его крайне неудобным противником. Соперник теряется, ибо привычная техника не «срабатывает». Из-за различия стоек несколько увеличена дистанция между противниками, поэтому левша стремится приблизить свою сильнейшую левую руку за счет принятия более фронтальной стойки.

В основной боевой стойке левая рука левши поднята немного выше. Двигаясь по площадке, он перемещается вправо, стараясь зайти за левое плечо противника и, лишив его возможности атаковать, выбрать самому удобное положение для контратаки.

Отсюда — особенности техники. Например, выполняя прямой удар находящейся впереди правой рукой, левша поворачивает кулак большим пальцем вниз, что позволяет нанести удар сверху-вниз через левое плечо противника; выполняя прямой и боковой удары левой, левша вынужден делать их более длинными. Об этом важно помнить.

Рисунки Е. ГЛАДКОВА.

Так называется книга А. Долина и Г. Попова, которую выпустила главная редакция восточной литературы в издательстве «Наука», к сожалению, небольшим тиражом. Любители восточных единоборств узнают, как проходило становление и развитие различных школ воинских искусств с древности до наших дней. Особенно важное место в повествовании, рассчитанном на широкий круг читателей, занимают популярные ныне школы борьбы ушу, каратэ, дзю-до, айки-до и системы психофизического тренинга (школа Шаолиньского монастыря, обучение лазутчиков ниндзя, воспитание самураев). Обязательно приобретите книгу, если увидите ее на прилавке магазина, и не поленитесь заглянуть в библиотеку, если не удастся ее купить.

БЕЗ ГРУБОСТИ И ШАБЛОНА

Нельзя обойти вниманием в общедисциплинарном цикле такой прием, как «поноски предметов»; его еще называют апортировкой. Сразу оговоримся, что он несколько сложнее предыдущих и требует от дрессировщика максимум выдержки и терпения — этих краеугольных камней обращения с собакой, ибо вместо послушного и верного друга вы можете приобрести в лице (простите, в морде) собаки скривитого, озлобленного недоброжелателя, способного на различные пакости.

До начала занятий определитесь с предметом, который будет использован в качестве поноски (термин, конечно, неблагозвучный, но, увы, не нам его менять). Независимо, каким будет этот предмет по форме, цвету, материалу, лишь бы он отвечал трем основным требованиям. Во-первых, собаке должно быть приятно взять его в зубы, во-вторых, удобно переносить в пасти и, в-третьих, соизмерьте его со своими силами, так как вам придется бросать его, как минимум, на пятнадцать метров. Не советую на первых занятиях использовать в качестве поноски деревянную гантель, хотя именно ее так навязчиво рекомендуют многие авторы публикаций — мои коллеги. В этом приеме не должно быть шаблона: техника его построения, гибкая и изобретательная, опирается на врожденные поведенческие особенности дрессируемой собаки.

Поноску для первых занятий определите опытным

путем во время игры с собакой. Попробуйте маленький резиновый мячик, детскую резиновую (каучуковую) игрушку-пищалку, кусок резинового шланга (это куда проще по нынешним временам), старую ненужную обувь или головной убор, в конце концов, палку или тряпку. Для многих собак удачным начальным предметом — поноской стала «матерчатая сарделька», сделанная из носка или чулка, начиненного тряпками.

Исходные условия для упражнений прежние: знающая местность с наименьшим количеством отвлекающих раздражителей, собака в свободном и полуголодном состоянии хорошо выгуляна. Подзовите ее к себе, покажите поноску и возбудите (раздразните) собаку предметом. Бросьте поноску на виду у собаки метров на пятнадцать-двадцать. Как только она, добежав до предмета, возьмет его в зубы, подайте команду «ко мне» и начинайте трусцой удаляться от животного. При этом все время держите собаку в поле зрения и сопровождайте ее движение к вам командами «хорошо, апорт, хорошо». После того, как собака достигнет вас, не старайтесь сразу же забрать у нее поноску. Сначала несколько раз погладите, ласково повторите команду «хорошо, апорт» и только после этого протяните правую руку к принесенному предмету. Подайте команду «дай». Если собака отпустит поноску, укажите ее лакомством и поощрите командой «хоро-

шо», если нет, поднесите еду к носу — челюсти разомкнутся. Повторите прием несколько раз и сделайте перерыв. Затем снова вернитесь к упражнениям. Следите, чтобы собака не переутомлялась, ибо реакция на поноску может затормозиться.

Однако не все собаки будут вести себя одинаково. Возможно, услышав команду «ко мне», ваш питомец тут же бросит поноску и устремится к вам, что называется, «с пустыми руками». Не отчаивайтесь. Не исключено, что вы неверно подобрали поноску или были чересчур резки в обращении с собакой при отработке первых приемов общедисциплинарного цикла (особенно подзыва). А может, причина — в индивидуальной особенности поведенческой реакции вашего четвероногого друга. Установив ее, легко найти и способ устранения недостатка.

Для отдельных собак в таких случаях рекомендую следующее упражнение. Посадите собаку у левой ноги, поноску возьмите в правую руку. Осторожно, не причиняя собаке болевых ощущений, раскройте ей пасть и вложите туда предмет. Подайте команду «апорт». Правой рукой поддерживайте челюсть собаки снизу, а левой поглаживайте животное по голове, приговаривая: «Хорошо, апорт, хорошо». Не злоупотребляйте терпением собаки, начните с 5—7 секунд. Как только добьетесь того, что собака сидит по команде «апорт» будет брать в зубы предмет и удерживать его до команды «дай», приступайте к «хождению рядом» с поноской в зубах. Периодически останавливайтесь, сажайте собаку, забирайте у нее предмет и снова возвращайте. Добившись положительного результата, приступайте к поноске предмета, подобранного собакой с земли.

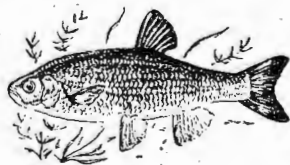
Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего внутренними
войсками МВД СССР.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

РЫБЫ НАШИХ ВОД

ГОЛАВЛЬ

Осторожно подойдя к краю обрывистого берега реки, посмотрел вниз: прямо подо мной, у самой поверхности воды медленно и величаво «расхаживала» стайка довольно крупных красноперых красавцев с черной окантовкой хвостового плавника. Это голавли — сильные, весьма проворные, но очень пугливые рыбы. Стоило мне чуточку побольше высунуться из-за обрыва, как стайка мгновенно исчезла в глубине. Такую картину летом можно часто наблюдать на небольших и средних реках с чистой водой и достаточно быстрым течением.

Голавль — довольно распространенная рыба многих регионов средней и южной полосы нашей страны. Обычный вес — 300—800 г, но не так уж редко встречаются экземпляры весом более 1 кг. В отдельных случаях вес его достигает 4—5 кг.

По образу жизни голавля можно сравнить с форелью. Любит он перекавы с каменистым, твердым глинистым и галечным дном, песчаные отмели с быстрой водой. Его можно встретить и под крутоярами, поросшими деревьями, с которых в воду падают насекомые.

В питании голавля, а его можно смело отнести к разряду всеядных рыб, очень ярко выражается се-

зонность. Весной основной пищей ему служат черви, моллюски, мелкая рыба и икра других рыб, летом — насекомые, водоросли, осенью — лягушата и мелкая рыба.

Поймать голавля совсем непросто, потому-то он представляет большой спортивный интерес для рыболовов.

Многих смущают встречающиеся в публикациях ссылки на то, что голавля можно поймать только тогда, когда он не видит рыболова. Действительно, голавль смел и жаден до тех пор, пока не замечает человека. Однако наблюдения показывают, что он ведет себя осторожно лишь у по-

верхности воды на тихом течении, и в этом случае, чтобы добиться успеха, необходимо тщательно маскироваться. На быстрых перекатах, у мостов, у поваленных деревьев голавля, как правило, не очень пугают шума.

Заблуждением является мнение, дескать, голавля можно ловить только летом. Да, этот период, несомненно, весьма благоприятный и для питания рыбы, и для ловли ее. Но, как показывает практика, голавля можно удить во все времена года, даже зима здесь не исключение, особенно в местах, где он многочислен.

Майор запаса Ю. ЮСУПОВ.

О НАСАДКАХ

ОГУРЕЦ ПОД... МОТЫЛЬ

Проблема проблем — убереечь летом от жары такую лакомую для многих рыб, но, увы, быстро портящуюся насадку, как мотыль. Для хранения этих нежных личинок я в последнее время успешно использую... огурец. Или если нет под рукой этого ныне дефицитного овоща, то — картофелину. Разрезаю их пополам, в каждой части делаю попросторнее углубления для насадки. Положив мотыля, половинки «холодильника» соединяю обычной медицинской резинкой. Можно смело идти на рыбалку: насадка долго будет

оставаться в хорошем состоянии.

Есть, конечно, и другие способы хранения мотыля. Например, в деревянной или пенопластовой коробочке, в которой дно устлано смоченным в воде и слегка отжатым куском поролона. При этом важна такая деталь: сама коробочка должна быть попросторнее, а ворованное время от времени надо смачивать, заодно выбирая погибших личинок.

Некоторые рыболовы вместо поролона в мотыльницу кладут влажный мох.
А. ПЛЕС.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Если вам на рыбалке понадобилась блесна с матовой или просто тусклой поверхностью, а под рукой такой нет, не отчаивайтесь. Найдите кусочек бересты, подожгите его и подержите над дымным огнем блестящую приманку. Обработанная таким образом блесна вполне может принести успех.

Довольно часто во время ловли на спиннинг леска закручивается так, что ей неудобно пользоваться. Чтобы поправить дело, отцепите

блесну и распустите леску с катушки в воде по течению или вслед за плывущей лодкой. Вот и вся процедура, можно смело продолжать рыбалку.

Чтобы избежать закручивания поводка на донке, забрасываемой на течении, надо на основной леске сделать петлю и такую же петлю на поводке, а затем соединить поводок с основной леской петля в петлю. Просто? Да. И очень эффективно.

В. ВОЛГИН.

343

РАССКАЗЫ У КОСТРА

ПРИКОРМЛИВАЛИ
ЕЛЬЦОВ

Много раз проходил мимо удобного для рыбалки места, и всегда оно оказывалось занятым. Конечно, рыболовы сидели тут не зря. Речка делала здесь крутой поворот. Выше и ниже по течению мелко, а тут — яма с зеленой осокой по кромке берега и с наклонившейся ивой, ветви которой свисали до самой воды. Весь берег — в зарослях ольхи и черемухи. Во второй половине дня от них на воду падала тень. На этом прикормленном месте рыболовы удили ельцов.

Но вот в жаркий полдень, возвращаясь после неудачной рыбалки домой, я вышел на это место и увидел, что на этот раз тут никого нет. Разумеется, захотелось забросить удочку. Правда, не оказалось червей и другой насадки, на которую ловят ельцов. Только пескари плескались в ведерке — живцы для ловли щук и окуней. И я забросил пескаря, нацепив его на двойник. Он сразу же ушел на дно. Поплавок стал мелко подрагивать, реагируя на попытки живца убежать куда-нибудь в укрытие.

Не прошло и минуты, как поплавок притопило. Это поклевка! Резко подсекаю и чувствую, как по удилице передаются упругие толчки. А вот и сам их виновник — красноперый окунь показался из воды. Это был приличный, граммов на двести, горбач характерного для реки желто-зеленого цвета.

Недолго пришлось ждать поклевки и после второго заброса. Такой же окунь, форменный «брат» первого, перекочевал из реки в мою сумку. За каких-нибудь полчаса поймал пять окуней. Потом клев как обрезало.

Впрочем, пять крупных окуней в жаркий день — совсем неплохо. На месте, прикормленном для ельцов. Рыболовы, сидевшие тут це-

лыми днями, видимо, и не подозревали, что вслед за ельцами в яму пришли окуни и не выдавали своего присутствия только потому, что им не предлагались в качестве наживки пескари. На червя же «лапти» клевать не хотели.

А. ОВЧИННИКОВ.

АЙ ДА ПОМОЩНИК!

После удачной рыбалки мы с братом берегом возвращались домой. За очередным поворотом речки у куста ольхи увидели с удочкой в руках пожилого рыболова. Рядом с ним сидела большая охотничья собака.

— Как клев, дедушка? — поинтересовался я, подходя. Рыболов знаком попросил не шуметь. Остановились, молча наблюдаем. Вдруг поплавок резко покачнулся и исчез под водой. Дедушка без труда вытащил пескаря, ловко отцепил рыбку от крючка и бросил в ведро. Но в это время другое

удилище так резко рвануло вперед, что мы еле удержались, чтобы не закричать. Рыба, видимо, попалась крупная. Дедок не успел схватить бамбук, и он скользнул в воду. И тут произошло то, чего мы никак не ожидали. Собака бросилась в речку, схватила удилице и после короткой борьбы вынесла на берег. Мой брат подхватил сачком леща килограмма на полтора.

— Спасибо тебе, Альпинист, — поблагодарил и поласкал собаку дедушка.

Разговорились. Я не удержался, спросил:

— Как вам удалось охотничью собаку научить рыбачить?

— Годы мои в этом виноваты, — хитро улыбнулся дед. — Хуже стал видеть. Вот и научил Альпиниста за снастями следить.

Пес между тем отряхнулся от воды, отошел от нас, расположившись недалеко от другого удилицы. Его глаза внимательно смотрели на поплавок...

В. ЕГОРОВ.

СМЕЛЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Было тихое осеннее утро. Я вышел из дома в надежде подстрелить пару фазанов.

Не доходя до бобового поля, вдруг заметил, что впереди закачалась трава. Я быстро взвел курок и приготовился к выстрелу, ожидая, что сейчас взлетит фазан. Но никто не взлетал. Нет, это не фазан, ведь он редко подпускает так близко, особенно утром. Осторожно сделал несколько шагов, раздвигая траву. То,

что я увидел, заставило вздрогнуть и отступить. Из густых стеблей выступала верхняя часть спины огромной... змеи. Пока я придумал в себя от неожиданности, «змея» вдруг показала себя целиком. Это был... сом.

Он уже преодолел по росистой траве более 10 метров и был на половине пути от высыхающего озера к реке. Весил сом килограммов пять.

П. КИРИЛЕНКО.

Клуб наш живет, печатается вот уже в четвертом номере, приобрел свои традиции. И «недостатки в ра-

боте!» А исправлять их нам вместе с вами...

Дорогие участники клуба! Не пишите, пожалуйста, коллективных писем, вроде: «Мы, курсанты училища, одобряем и... ждем адресов хорошеньких девушек». Знакомство — обычно только для двоих!

И еще просьба: поскольку клуб наш молодой, быстро выслать адреса пока что затруднительно (да ведь знакомство вообще дело неспешное), то, если собираетесь менять место жительства, сообщите и новый адрес. Впрочем, это мы уже обговаривали в условиях нашей работы. Напоминаем основные из них еще раз: чтобы поместить в клубе «ВВ» объявление (с после-

дующей пересылкой вам всех откликов от него), надо перевести по почте десять рублей на адрес: 111250, Москва, Е-250, Калининское отделение Промстройбанка, р/счет № 340616, МФО 201207. За высылку одного адреса заинтересовавшего вас абонента — оплата пять рублей. Затем свое письмо вместе с квитанцией об оплате услуг высылайте в адрес редакции.

Напоминаем также, что военнослужащие срочной службы (и курсанты училищ) платят за услуги клуба соответственно пять (за объявление) и три рубля (за один адрес).

Желаем вам удачи и помните наш девиз — «Возможна встреча!».

000016—А. Г.

Я живу в Ташкенте, а хотела бы переписываться с юношами и девушками от 17 до 25 лет из разных концов нашей страны. Люблю спорт, музыку, особенно Д. Маликова и А. Державина. Люблю и умею готовить. Пишите, друзья, адрес мой в редакции. Постараюсь ответить всем, кто откликнется.

Аня.

000017—С. С.

Я курсант четвертого курса военного училища. Хочу познакомиться с доброй, хорошей девушкой, у которой нет любимого, которая умеет ждать, ценит верность. Мне 20 лет, рост выше среднего, увлекаюсь восточными единоборствами. Люблю музыку. Умею и люблю готовить. Мне почему-то кажется, что через клуб «Возможна встреча» я и встречу девушку своей мечты.

Сергей.

000018—А. Я.

Служить осталось немного—осенью увольняюсь, но та, что обещала ждать, уже не ждет... Много у нас говорят и пишут, что парни изменяют, да почему мало

вспоминают, что и девушки далеко не все умеют ждать, то есть, попросту говоря, тоже изменяют? Хотя солдатам пережить измену труднее, чем кому-то на гражданке. И часто вы, девчата, делаете такую неоправимую ошибку! О себе: люблю читать, занимаюсь спортом, но курю. А вот алкоголем не увлекаюсь. Немного пишу стихи, иногда слова к песням. Рост 185. Словом, простой русский парень, 20 лет. Познакомлюсь с верной девушкой, человеком одних со мной взглядов.

Андрей.

000019—В. Г.

Служу первый год в части особого назначения, увлекаюсь спортом. Играю на гитаре. Мне 19 лет, брюнет. С радостью буду переписываться с девчонкой, которая хотела бы поддержать солдата в его нелегкой службе.

Владимир.

000022—Р. Д.

Служу почти год, службу свою считаю суровой и нужной школой для настоящего мужчины. Мне повезло и в том, что служу близко от своего родного города Гомеля. Да вот в другом

не везет—нет милой девушки, с которой бы мог переписываться. Мне 18 лет, рост 179, вес 75, не курю (и не пробовал!), не пью, других вредных привычек не имею. Больше всего люблю классическую музыку; зачитываюсь фантастикой, детективами. До службы в армии увлекался парусным спортом. Жду письма от девушки стройной, ростом не ниже 170, без вредных привычек.

Роман.

000023—Л. Б.

Девушка-украинка, 25 лет, из Киева познакомится по переписке с офицером внутренних войск или Советской Армии из Киевского военного округа, интересующимся музыкой, литературой, фото. Хотелось бы, чтобы мой будущий знакомый тоже был украинцем, любил детей. Сама я по профессии учительница музыки.

Лина.

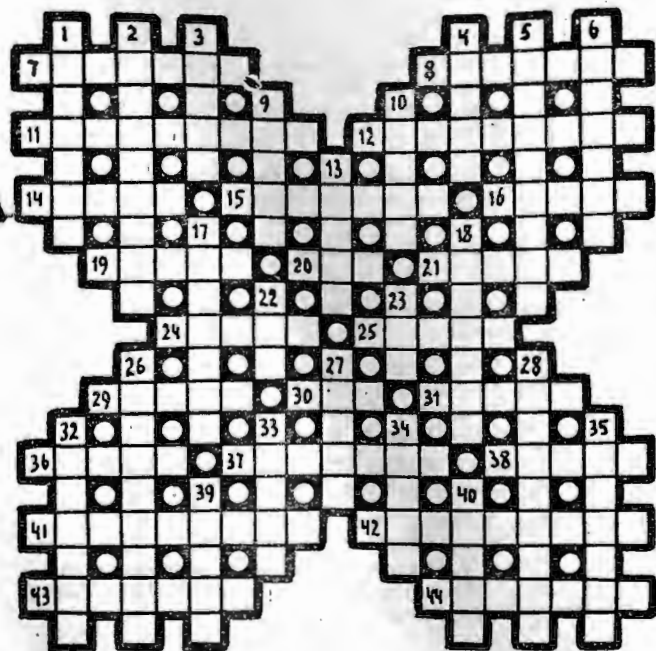
000024—С. Е.

Симпатичная, высокая, стройная девушка надеется, что откликнется офицер, лет 25—33, рост не менее 180, в котором она обретет верного друга. Готова разделить все трудности дальних военных гарнизонов.

Светлана.

Составил ветеран Великой Отечественной войны
подполковник в отставке Ф. ПЛЮЩЕВ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Командир взвода двадцати пяти Героев Советского Союза, отличившихся в бою за железнодорожную станцию Тарановка в 1943 году. 8. Шестнадцатилетний партизан, комсомолец, Герой Советского Союза. 11. Советский писатель, автор романа «Победа». 12. Художник, автор плаката «Дойдем до Берлина!». 14. Лейтенант, Герой Советского Союза и национальный герой Франции. 15. Летчик, защитник Москвы, направивший свою горящую машину на зенитную батарею противника. 16. Писатель, автор повести «Всем смертям назло». 19. Чехословацкий вождь интернационалист, Герой Советского Союза. 20. Писатель, автор повести «Во-

локоламское шоссе». 21. Переносная военная радиостанция. 24. Название кинофильма, посвященного доставке боеприпасов из Кронштадта в блокадный Ленинград. 25. Генерал-лейтенант авиации, участник советско-финляндской и Отечественной войн, дважды Герой Советского Союза. 29. Советский разведчик, действовавший в тылу врага под именем Вайса. 30. Отсутствие вражды, войны. 31. Станок, на котором закрепляется ствол артиллерийского орудия. 36. Внезапное нападение, вторжение. 37. Гвардии младший сержант, Почетный гражданин города Берлина, чей подвиг увековечен в памятнике «Воин-освободителю». 38. Художник, автор картин «Декрет о мире», «На Юденича» и

др. 41. Конное войско. 42. Герой гражданской войны, кавалер трех орденов Красного Знамени. 43. Диктор Всесоюзного радио, передававший в годы войны сводки Совинформбюро и другие важные сообщения. 44. Основное тактическое соединение в различных видах вооруженных сил.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Руководитель подпольной организации в фашистском лагере Бухенвальд. 2. Один из первых Маршалов Советского Союза. 3. Город-герой. 4. Человек, совершивший подвиг. 5. Летчик, Герой Советского Союза, одним из первых применивший ночной таран. 6. Советский конструктор стрелкового оружия. 9. Крейсер Балтийского флота, участвовавший в прорыве блокады Ленинграда. 10. Главный герой кинофильма «Секретарь райкома». 13. Чешский писатель, автор романа «Похождения бравого солдата Швейка во время второй мировой войны». 17. Сержант, протянувший линию связи в бункер рейхсканцелярии в последние дни сражения за Берлин. 18. Деталь револьвера. 22. Художник СССР, автор картины «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года». 23. Активный участник гражданской войны, командовавший 24-й Железной стрелковой дивизией. 26. Автор картины «Конец Бородинского боя». 27. Залив в Крыму, форсированный Красной Армией в 1920 году. 28. Советский ученый в области теоретической и прикладной механики. 32. Автор текста «Песни о ракетчиках». 33. Один из архитекторов монумента в честь героических защитников города Тулы. 34. Орган разведки или походного охранения. 35. Один из архитекторов памятника Неизвестному матросу в Одессе. 39. Металлический футляр для хранения заряда. 40. Конструктор тяжелых танков и САУ, Герой Социалистического Труда.

Уважаемые читатели!

В прошлом году журнал «На боевом посту» поступил в свободную продажу и таким образом стал доступен широкой читательской аудитории. К тому же журнал получил статус общественно-политического и литературно-художественного издания. Редакция просит вас высказать свои предложения относительно основных направлений своей работы, характера рубрик и публикаций, ваше видение журнала в новом качестве. При заполнении анкеты выберите из предложенных вариантов тот, который наиболее соответствует вашему мнению, и ак-

курратно, не перечеркивая цифры, обведите кружком число рядом с ответом. Если у вас есть другое мнение, то запишите его в специально отведенном месте. Редакция максимально заинтересована учесть пожелания своих читателей при определении издательской стратегии журнала. Для этого просим вас заполнить анкету, вырезать ее и выслать в редакцию журнала «На боевом посту».

Мы будем благодарны всем, кто откликнется на нашу просьбу.

I. Ниже перечислены проблемно-тематические направления, рубрики, которые редакция планирует использовать в журнале. Выберите те из них, которые заслуживают, на ваш взгляд, внимания:

- 01.— Войска: проблемы, события, люди.
- 02.— На перекрестке мнений.
- 03.— Актуальное интервью.
- 04.— В особом районе.
- 05.— Из истории внутренних войск.
- 06.— Письма читателей.
- 07.— Культура, быт.
- 08.— Молодежный клуб «Пульс».
- 09.— Журналист исследует проблему.
- 10.— Проза, поэзия.
- 11.— Спортивная жизнь.
- 12.— Спрашивайте—отвечаем.
- 13.— Наша анкета.
- 14.— Клуб знакомств.
- 15.— Калейдоскоп интересов.
- 16.— Другие рубрики (напишите, какие)

II. Назовите самые значительные, с вашей точки зрения, материалы, отражающие проблемы внутренних войск (2—3 названия публикаций)

III. Укажите ваш источник получения журнала:

- 17.— Являюсь подписчиком.
- 18.— Беру в библиотеке.
- 19.— Беру у товарищей, знакомых.
- 20.— Покупаю в киоске.

IV. Собираетесь ли вы остаться читателем журнала в будущем году:

- 21.— Да.
- 22.— Нет.

V. И в конце несколько вопросов о вас:

Ваш возраст (укажите, пожалуйста, число исполнившихся вам лет)

Какое у вас образование:

- 23.— Неполное среднее.
- 24.— Среднее специальное.
- 25.— Незаконченное высшее.
- 26.— Высшее.

Ваш пол:

- 27.— Мужской.
- 28.— Женский.

Род ваших занятий:

- 29.— Рабочий.
- 30.— Работник агропромышленного комплекса.
- 31.— Учащийся.
- 32.— Работник науки, преподаватель вуза.
- 33.— Творческий работник.
- 34.— Работник сферы культуры.
- 35.— Военнослужащий.
- 36.— Пенсионер.

Благодарим вас за продуманные ответы на вопросы.

Всего вам доброго!

ПОСЛЕ СЛУЖБЫ- НА ЗИЛ

Если вы хотите участвовать в освоении выпуска новых отечественных автомобилей и реконструкции Московского автомобильного завода им. И.А.Лихачева, **ЗИЛ** ждет вас, воины, заканчивающие срочную службу.

Предприятию **ТРЕБУЮТСЯ**:
специалисты в области электроники, автматики, наладчики, операторы автоматических линий ГПС и станков ЧПУ, электрики, водители, испытатели двигателей, слесари механосборочных работ, водители-испытатели, специалисты инструментального производства и другие специалисты машиностроительного профиля, а также рабочие всех строительных специальностей.

Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии без отрыва от производства.

Всем принятым на завод одиноким иногородним рабочим предоставляется благоустроенное общежитие квартирного типа с пропиской в Москве.

По вопросам приема на работу обращайтесь письменно по адресу:
109068, г.Москва,
ул.Автозаводская, 18.
Управление рабочих кадров.
Справки по телефонам:
277-87-58, 277-93-09.

Наш адрес:
 125116 Москва,
 Волгоградский
 проспект, дом 32,
 отдел кадров.
 Проезд:
 ст. метро
 "Волгоградский
 проспект".
 Телефоны:
 276-84-60,
 277-16-60.

АЗАК - ВОПЛОЩЕНИЕ ВАШЕЙ МЕЧТЫ

Автомобильный завод имени Ленинского комсомола ПРИГЛАШАЕТ
 на работу и предоставляет возможность приобрести автомобиль
 "Москвич" в кредит на льготных условиях.

НАМ НЕОБХОДИМЫ:

- прессовщики холодной штамповки (мужчины и женщины) — автомобиль в кредит предоставляется после одного года работы;
 - слесари-сборщики для работы на конвейерах;
 - наладчики автоматических линий, роботизированных линий 4 — 6 разряда; станочники 4 — 6 разряда; слесари подготовленную штамповку и прессовом 4 — 6 разряда, для работы в инструментальном производстве;
 - газоэлектросварщики и рихтовальщики (мужчины);
 - сварщики на машинах контактной сварки (мужчины и женщины);
 - маляры-шлифовщики (мужчины и женщины).
- Автомобиль в кредит предоставляется после двух лет работы.
 Режим работы двухсменный.

